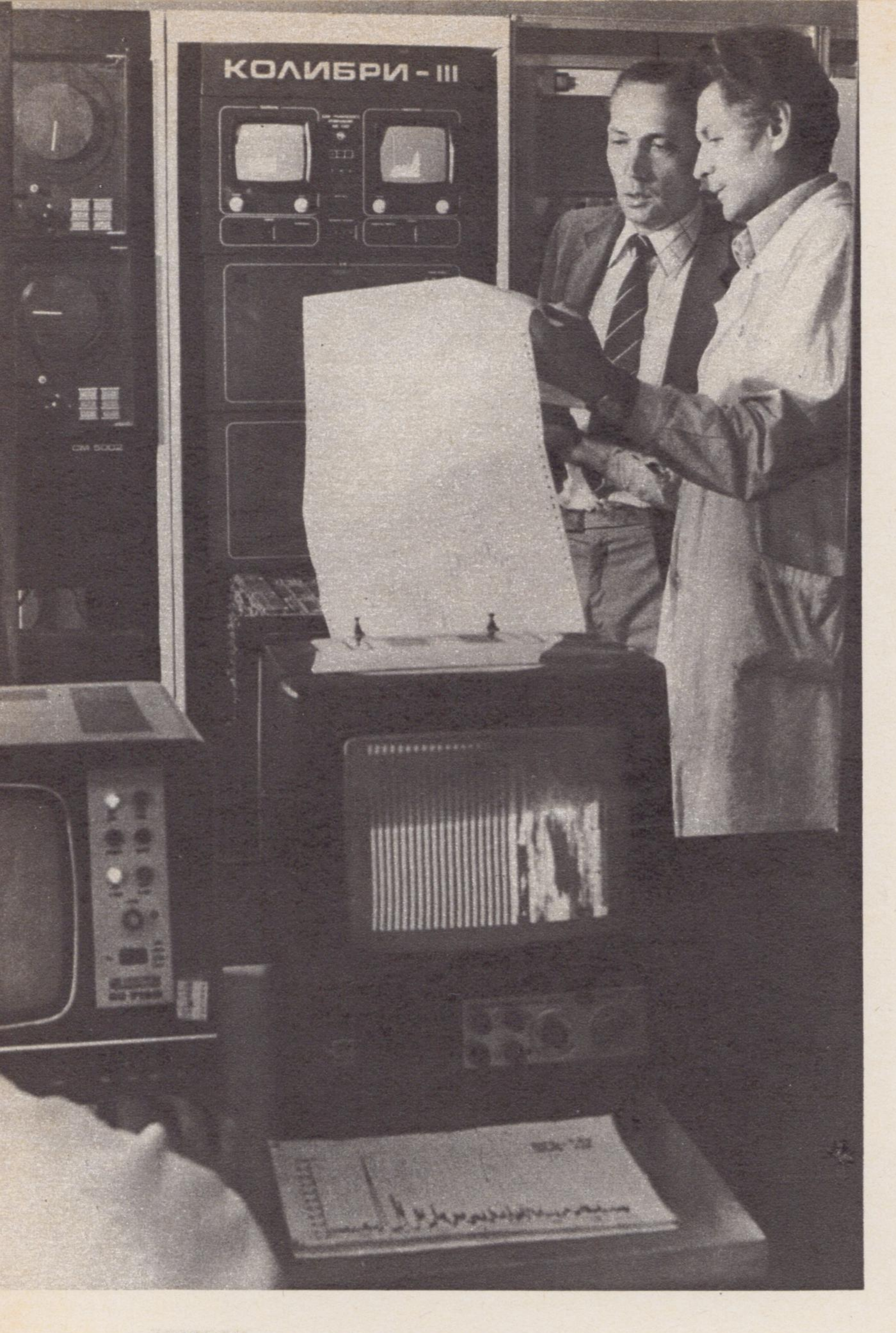

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1983

США. Около четырехсот тысяч человек приняли участие в марше на Вашингтон, который прошел под лозунгом «Работы, мира, свободы!». Он стал грандиозной манифестацией протеста против внутренней и внешней политики администрации Рейгана.

Марш был приурочен к двадцатой годовщине исторического похода на Вашингтон, организованного Мартином Лютером Кингом.

На снимке: Во время митинга, которым завершился марш.

Телефото ЮПИ—ТАСС

ФОТО НЕДЕЛИ

Ускорение научно-технического прогресса — решающее условие интенсификации экономики страны. Это отмечается в недавно принятом Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, где предусматривается комплекс мер, стимулирующих внедрение в практику достижений науки, техники и передового опыта.

В Институте радиотехники и электроники АН СССР разработана уникальная аппаратура для радиофизического дистанционного зондирования атмосферы и природных ресурсов Земли. Она найдет широкое применение в народном хозяйстве, позволит составлять точные метеорологические прогнозы, определять оптимальные сроки ведения сельскохозяйственных работ, вести экологические наблюдения.

На снимке: Руководитель работ по использованию и внедрению аппаратуры дистанционного зондирования доктор физико-математических наук Б. Г. Кутуза и инженер Ю. В. Филин.

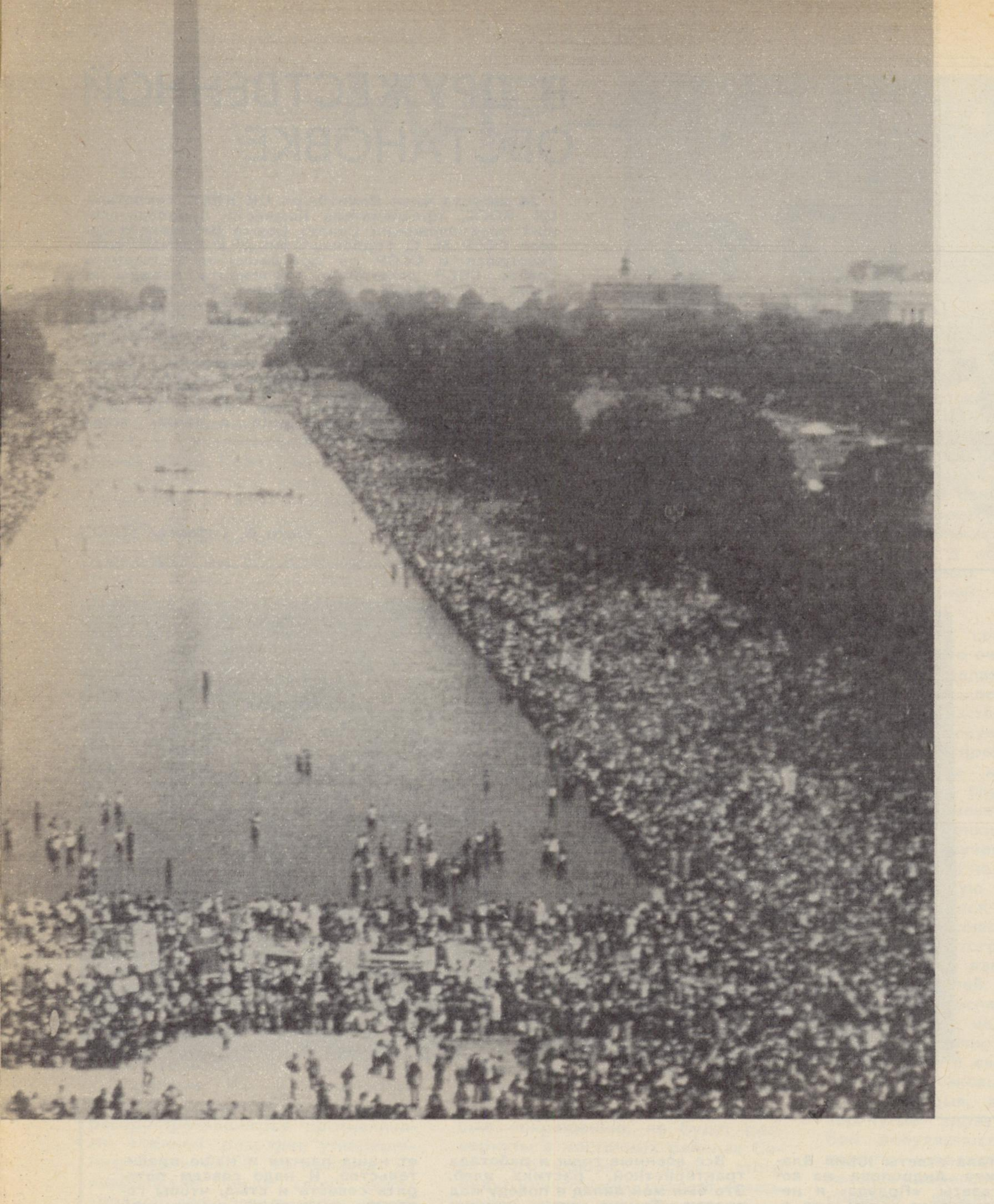
Фото И. Гаврилова

Советские спортсмены на чемпионате Европы по водным видам спорта в Риме. Они завоевали 9 золотых медалей.

На снимке: Призеры соревнований по прыжкам в воду с 10-метровой вышки А. Стасюлевич (II место) и А. Лобанкина (I место) и Р. Венцель (ГДР, III место).

Телефото АП—ТАСС

В Валгаском районе Эстонии имя Адольфа Раудсеппа хорошо известно. Он работает дояром в хозрасчетной бригаде совхоза «Тахе». Обслуживает 60 коров. От каждой надаивает более 5 тысяч литров молока в год. Это лучшие показатели в районе. Не случайно А. Раудсепп награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции.

Фото Э. Нормана (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

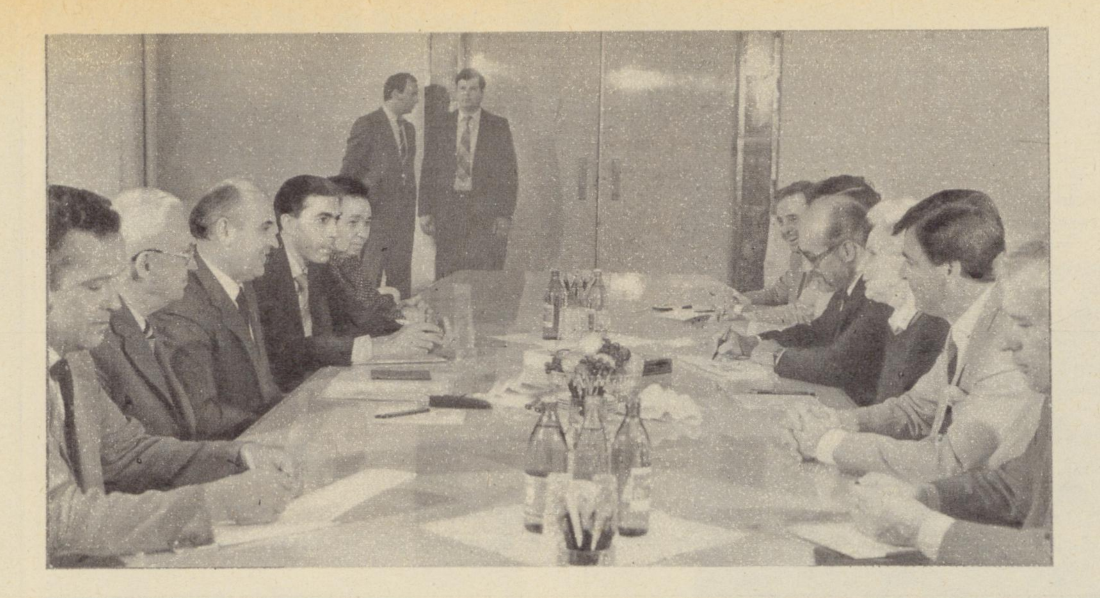
Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (2929)

3 СЕНТЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

24 августа член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, председатель Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР М. С. Горбачев принял в Кремле находившуюся в СССР по приглашению Верховного Совета СССР делегацию парламента Канады во главе со спикером палаты общин Ж. Сове.

Состоялся обмен мнениями по актуальным проблемам современной международной обстановки. Были обсуждены вопросы советско-канадских отношений.

В беседе, прошедшей в дружественной обстановке, приняли участие Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен, депутат Верховного Совета СССР Л. П. Лыкова, другие официальные лица, а также посол Канады в СССР Дж. Пирсон.

Во время беседы.

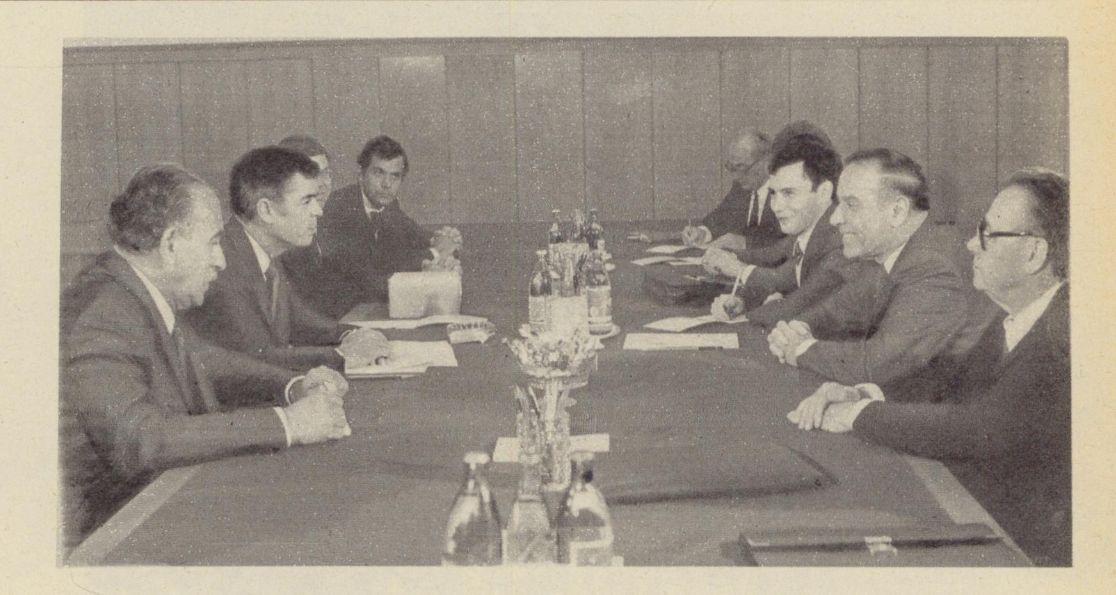
Фото В. Соболева (ТАСС)

ПРИЕМ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

25 августа член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев принял в Кремле американскую правительственную делегацию во главе с министром сельского хозяйства США Дж. Блоком.

В ходе беседы, прошедшей в деловой, откровенной обстановке, были обсуждены вопросы советско-американских отношений, в частности в торгово-экономической области.

С обеих сторон была выражена надежда, что подписанное в Москве советско-американское соглашение о торговле некоторыми сельскохозяйственными товарами послужит делу налаживания и развития взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между СССР и США.

Во время беседы. Фото В. Соболева (ТАСС)

Советские люди горячо одобряют высказывания Ю. В. Андропова в ответах на вопросы газеты «Правда», открывающие новые пути упрочения мира и международной безопасности, устранения угрозы ядерной войны.

МАТЕРИНСКОЕ СЛОВО

Прочитала ответы Юрия Владимировича Андропова на вопросы газеты «Правда» и невольно подумала о том, что я, простая советская женщина, могла бы подписаться под каждым словом. Мы очень дорожим миром, так как хорошо знаем, что такое война. Память о ней и сейчас, спустя десятилетия, живет в сердцах советских людей. Неутихающей болью живет она и в моем сердце. Нет, я не была на фронте, не слышала грохота снарядов и визга пуль. Но и нас, женщин, оставшихся в тылу, война не щадила. У меня и сейчас подкатывает комок к горлу, когда вспоминаю проводы на фронт наших мужей, отцов и братьев, вечную тревогу за них и страшные минуты, когда приходили похоронки.

Все военные годы я работала трактористкой, растила хлеб. Это был мой вклад в победу над врагом. Трудно, очень трудно приходилось нам, но мы выстояли и победили. Выстояли и победили, чтобы наши дети никогда не знали войны.

Тридцать с лишним лет я отдала хлебному полю. Только совсем недавно оставила комбайн и не знаю, есть ли на земле еще такой более мирный и более нужный людям труд, чем хлеборобский. По моей дороге пошли и дети. Их у меня трое. Трое сыновей. Все они работают механизаторами в родном селе. Подрастают внуки. А что для человека может быть важнее, чем любимая работа, семейное счастье и мирная жизнь? Так думаю не только я, так думает весь наш народ, так думает наша партия и наше правительство. И надо совсем потерять совесть и стыд, чтобы говорить о какой-то высосанной из пальца «советской военной угрозе». Наша страна никогда никому не угрожала и не угрожает. Мы живем и работаем для мира, но не позволим никому безнаказанно нарушить эту мирную жизнь.

Для всех честных людей планеты ясно, что Советский Союз идет во главе сил, борющихся против ядерной войны. Новые мирные инициативы — самое яркое тому доказательство.

Людмила УШАКОВА,
кавалер ордена Ленина
Колхоз имени
XX партсъезда Каменского
района Алтайского края

ВЕРЮ В РАЗУМ НАРОДОВ

В начале 50-х годов, когда всех нас знобило от «холодной войны», объявленной нам Западом, не просто было строить планы даже на ближайшее будущее, казалось, вот-вот начнется новая война. Но мы уверенно продолжали работать, строить, растить детей. Теперь уже внуки поднимаются у поколения, прошедшего войну в пору своей юности.

За прошедшие десятилетия мы много успели сделать. Мы любим свою работу, наш общий дом. Но единственное, что омрачает жизнь,— это угроза новой войны. В нынешнем году у нас в Эстонии особенно яркое солнце, лето безоблачно, но когда время от времени американская администрация по всем каналам информации сообщает миру о новых ракетных базах, меркнет солнце, и нас охватывает тревога за будущее страны, за будущее наших детей, внуков.

Странная создалась ситуация в мире — прогрессивные ученые, специалисты-политики взволнованно говорят о нависшей над людьми всего земного шара угрозе атомной войны. Народы планеты многотысячными походами мира демонстрируют свою ненависть к политике государственных деятелей США. Как их вразумить, чтобы можно было наконец за столом переговоров прийти к единственному разумному решению, о котором сказал товарищ Ю. В. Андропов в своих ответах на вопросы газеты «Правда»,— к уничтожению ядерных арсеналов. Ясно и логично выразил Юрий Владимирович Андропов позицию Советского Союза в отношении переговоров с рейгановскими эмиссарами, назвав «гибкие» предложения американской стороны «издевательством над здравым смыслом».

В первый же день войны целые страны могут стать радиоактивной пустыней. Торговцев смертью и поджигателей войны надо схватить за руку до того, как они потянутся к кнопке атомного уничтожения.

Моя внучка Катрин 1 сентября пошла в седьмой класс. Она уже теперь думает о том, кем быть, какой путь выбрать в жизни. А нас тревожит одно: будет ли у Катрин эта возможность выбора? Будем ли мы все?

Будем! Ибо есть надежда, что атомных безумцев остановит наша страна, остановят народы всего мира.

Елизавета РИХТЕР,
кандидат исторических наук
Таллин.

МИР—НАШ ИДЕАЛ

Юрий БАНДУРА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

Отвечая на вопросы газеты «Правда», Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов заявил: «В случае достижения взаимоприемлемого соглашения, включая отказ США от развертывания в Европе новых ракет, Советский Союз при сокращении своих ракет средней дальности в европейской части страны до уровня, равного числу ракет у Англии и Франции, ликвидировал бы все сокращаемые ракеты. В этом случае ликвидировано было бы и значительное количество самых современных ракет, известных на Западе под названием СС-20».

Итак, налицо новое проявление Советским Союзом доброй воли к миру, воли к достижению договоренностей с Западом по острейшей проблеме нашего времени на принципах равенства и одинаковой безопасности. Налицо — весомое, четкое выражение готовности нашей страны к конструктивному диалогу за круглым столом переговоров, готовности довести переговоры о ядерном оружии в Европе до плодотворного их завершения. Советская инициатива открывает реальную возможность в кратчайшие сроки перейти наконец к конкретным действиям по сокращению ядерных вооружений. А с ними и к уменьшению опасности возникновения термоядерного конфликта.

Заявление Ю. В. Андропова камня на камне не оставляет от распространявшегося противниками военной разрядки утверждения, будто СССР, соглашаясь на сокращение числа своих ракет средней дальности в европейской части страны, намеревается лишь перебросить их в азиатскую часть с тем, чтобы позже вернуть ракеты на исходные позиции и вновь «угрожать Западной Европе». Выдумка не оригинальная. Она все из того же арсенала фальсификации, каким из года в год, из десятилетия в десятилетие пользуются поборники «холодной войны», апологеты «затяжных» и «быстротечных» ядерных конфликтов, почитатели политики с позиции силы. Велика ли цена подобным, с позволения сказать, «аргументам»?

На переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе не кто иной, как Советский Союз, выступил с предложением: основным методом сокращения вооружений средней дальности следовало бы избрать их уничтожение. Но не кто иной, как Вашингтон, предпочел уйти от этого. И с ходу двинулся в новый пропагандистский поход, обвиняя Советский Союз в том, за что несут ответственность сами Соединенные Штаты, поддерживаемые союзниками по НАТО.

Шаг, предлагаемый советской стороной,— мужественный, исполненный глубочайшего осознания чаяний народов мира, их стремления обеспечить мирную жизнь себе и грядущим поколениям. И значимость выраженной Советским Союзом готовности выходит далеко за рамки Европы. Масштабы ее глобальные. Ибо наше предложение означает: ни одна советская ракета, в случае достижения в Женеве взаимоприемлемого соглашения, не будет переброшена в азиатскую часть СССР и, следовательно, ни одна такая ракета не ляжет на чашу весов соотношения сил в Азии. Таким образом, Советский Союз подтверждает и подкрепляет конкретными предложениями свою неизменную готовность содействовать стабилизации международной обстановки не только в Европе, но и в Азии, равно как и в других частях мира. Тем самым устраняется и база для озабоченности, высказывавшейся в связи с женевскими переговорами в КНР и Японии (озабоченности, следует добавить, сознательно нагнетавшейся пропагандистскими центрами Запада).

Нетрудно понять поэтому тот широчайший резонанс, который вызвала и продолжает вызывать в мире новая советская инициатива. Полностью поддерживают и одобряют ее все советские люди. Солидаризуются с нею страны социалистического содружества. Подтверждение миролюбивого характера внешней политики СССР видят в этой инициативе народы развивающихся стран. Новые надежды на успех борьбы за мир и безопасность народов находит в заявлении Ю. В. Андропова движение сторонников мира: «Тот факт, что ракеты СС-20, подлежащие сокращению, не будут развернуты в восточных районах Советского Союза, а вместо этого будут уничтожены, создает совершенно новую атмосферу в Азии и на Дальнем Востоке,— говорится в заявлении Всемирного Совета Мира.—...Новые советские предложения открывают новые перспективы для будущего всего мира».

Даже печать Запада, обычно охотно предоставляющая себя в распоряжение противников разрядки и всевозможных «крестоносцев XX века», бродящих по миру под знаменами антикоммунизма, не может сегодня не отдать должного усилиям Советского Союза по предотвращению военной угрозы, не может не оценить гибкости, проявляемой советской дипломатией на переговорах с Западом.

«В результате нового предложения СССР исчезло еще одно препятствие на пути к достижению соглашения по вопросу о ядерных ракетах в Европе»,— отмечает лондонская «Таймс». «Выдвинутое советским руководителем предложение, которое предусматривает ликвидацию значительного количества ракет СС-20, имеет важное значение,— подчеркивает комментатор французской телекомпании «Антенн-2».— Эта инициатива свидетельствует о том, что Советский Союз предпринимает новые шаги с целью решения проблемы ядерных вооружений средней дальности». «Советская инициатива может послужить трамплином для вывода из тупика ведущихся в Женеве переговоров»,— считает японская «Иомиури»...

Отношение мировой общественности к советскому предложению однозначно: в нем усматривают реальную возможность успешного завершения женевских переговоров, очередной раунд которых начинается 6 сентября. А с исходом этих переговоров связывают и надежды на коренной поворот к лучшему в общем комплексе международных отношений, в международной ситуации в целом.

Значимость советской инициативы настолько очевидна и порождаемые ею надежды народов на кардинальное ослабление военной угрозы настолько высоки, что в столицах государств — участников НАТО, и прежде всего в Вашингтоне, не могут позволить себе, как это случалось не раз, с порога отказаться от положительной оценки предложения СССР, от изучения его. Нельзя в то же время не обратить внимания и на другую тенденцию, просматривающуюся уже сегодня довольно отчетливо: силы, делающие все для того, чтобы сорвать достижение взаимоприемлемых договоренностей и продолжить курс на обеспечение военного превосходства над СССР, начинают лихорадочно искать новые «аргументы» в свою пользу и, за неимением таковых, поднимают на щит «доводы», давно уже опровергнутые здравомыслием. Особой популярностью пользуются попытки извратить саму суть женевских переговоров об оружии средней дальности в Европе, уклониться от конструктивного ответа на советские инициативы, укрывшись за дымовой завесой отказа учитывать на переговорах ядерные арсеналы Англии и Франции...

За всеми этими суетливыми «поисками» совершенно явственно проявляется упорное нежелание НАТО — и его заокеанского лидера в особенности — отвечать на инициативы Советского Союза так, как того требуют честность и здравый смысл. И недооценивать подобных настроений нельзя. Каждый новый день приближает сроки, намеченные Пентагоном для развертывания в Европе новых американских ракет. А с ними приближается и возможность нового, чрезвычайно опасного витка гонки ядерных вооружений. Время, следовательно, не ждет. Ждут народы. Ждут смены ориентиров на Западе, ждут возвращения разрядки. Ждут — и требуют от Вашингтона и его союзников: «Начинайте же, наконец, вносить свой вклад в дело предотвращения военной угрозы!» Будут ли трезво оценены усилия Советского Союза в столицах Запада? Будут ли услышаны чаяния человечества? На эти вопросы ответ даст ближайшее будущее.

Рано подводить итоги года: многое еще впереди, многое предстоит пережить, изведать, прочувствовать. Но по меньшей мере один вывод по итогам года уже предопределен: 1983-й войдет в историю планеты как год напряженнейших усилий Советского Союза, всего социалистического содружества по предотвращению термоядерной катастрофы.

Нет такого участка на всемирном фронте борьбы за мир, где бы мы с обреченным вздохом («Что уж тут поделаешь? Видно, так тому и быть...») опускали руки, где теряли бы выдержку, поддавались бы на провокации оруженосцев «психологической войны», где отступали бы. Мы в наступлении. В том наступлении, которое по праву вошло в лексикон народов мира под именем «мирное наступление Советского Союза». Да, мы ведем это наступление против всех и всяких поборников термоядерного и ракетного шантажа. И иначе быть не может. Социализм обрел плоть и кровь на Земле не для того, чтобы позволить восторжествовать небытию.

Советского Союза еще не существовало, государство рабочих и крестьян лишь создавалось в убеждениях партии большевиков, а В. И. Ленин уже провозглашал: «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал...» И вся история СССР — подтверждение непоколебимой преданности Коммунистической партии Советского Союза, Советского правительства, всего советского народа этому идеалу. На страницах этой истории ни одной несправедливой захватнической войны, мы ничего общего не имеем с международным грабежом, нам чуждо насилие как инструмент «взаимоотношений» между народами. Какая великая держава Запада может, не прибегая к фальсификации, сказать то же самое о себе, о своей истории? И какая другая западная держава может зачислить в свой актив столь же всеобъемлющие усилия по обеспечению мира между народами, какие прилагают Советский Союз, все социалистическое содружество?

Напоминать об этом сегодня приходится потому, во-первых, что это факт. И потому, во-вторых, что этот факт — фактор, активно воздействующий на международную обстановку, на судьбы народов. Мы, граждане стран социалистического содружества, с полным на то правом гордимся тем, что наш монолитный союз обеспечивает сегодня сохранение мира на планете. Но мы же первыми и готовы разделить эту высокую гордость с любым другим государством, которое станет с нами плечом к плечу и разделит наш идеал — «окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий». И советские инициативы предоставляют Западу все возможности для того, чтобы провозглашаемые правительствами западных государств лозунги приверженности делу обеспечения мира наполнились наконец реальным содержанием.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Словами о мире жонглирует босс...
Но можно ль принять эти речи всерьез!

Над Чадом кружат чужестранные лица...
Не жаждут ли там господа поживиться!

Преступник сбежал, затянулась поимка...
Неужто масон — «человек-невидимка»!

Кубок вручен!

«Огонек» на «Атоммаше»

Честь строителя

А. ПОПОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Сегодня у Николая Донченко выходной.

Самый драгоценный опыт — это опыт личный... Несколько лет назад Николай Донченко получил новую квартиру. Въехал и ахнул: косяки наперекосяк, двери и окна не закрываются, щели на стыках — кулак просунешь. Хорошо сам строитель — мастерок, раствор, топор, рубанок не в диковинку. Все приделал, подогнал, отладил, жить стало можно, а то хоть караул кричи. А когда закончил преждевременный капремонт, задумался: что-то не то получается, не так, как надо: ведь сам же строил этот дом... Надо менять отношение к делу, надо работать лучше, честнее, решил он тогда.

Так рассказывал мне Донченко, строго и задумчиво. Наш разговор проходил на пестрой и шумной трибуне волгодонского стадиона. А несколькими минутами раньше бригаде Донченко вручили здесь за хорошую работу в прошлом году и в первом полугодии 1983 года переходящий кубок журнала «Огонек». И не было никакого несоответствия между деловой сосредоточенностью бригадира и карнавальной веселостью праздника в тот нежный донской вечер. День строителя, отмечаемый по традиции в Волгодонске с особым почетом, для многих и многих на стадионе был и своего рода итоговый день. Что сделано и как сделано, как избежать наперед ошибок и просчетов, отчасти неизбежных в большой и сложной работе, взятой на себя этим юным городом, но которых никто не дает права повторять в будущем,— вот о чем невольно задумывались собравшиеся...

— Кем ты тогда работал, Николай? — возвращаюсь я к началу разговора.

— Монтажником... Бригаду получил позже, в восьмидесятом.

— И как, сразу досталась хорошая бригада?

— Сразу и грибы после дождя не растут, — улыбается он. — Это сейчас у нас каждый звеньевой с пятым, высшим разрядом и все ребята — завидные работники: могут и монтаж вести, и плотничать, и штукатурить... А тогда, три года назад, с мастерством было похуже. Но все как-то подтянулись — учились много. Бригада стала комплексной. Строить стали намного больше, сейчас в год осваиваем работ на миллион рублей... Десять домов по девять этажей поставили за эти годы. Это полторы тысячи квартир... Строить быстро мы вроде научились. Сейчас главное — разобраться, как мы строим, что нам мешает работать лучше, качественнее.

— Судя по всему, эта проблема занимает вашу бригаду больше всего?

— Да, да... именно так! Не должно быть такого, что случилось со мной, когда я въезжал в новую квартиру, не должны наши дома давать такую просадку, от которой панели расходятся на стыках, а стены сходятся вверху конусом! — с жаром начал развивать свою мысль бригадир. — И здесь без железной, осознанной дисциплины на рабочих местах не обойтись. С нее, с дисциплины, мы и начали в нашей бригаде. Как? Попробую объяснить... Коэффициент трудового участия был и раньше, но на практике его применяли формально, для галочки. Кому хотелось лишать товарища дополнительного заработка, когда в целом работали лишь бы да как бы, все побыстрее?! Нет, думаю, так дело не пойдет, надо сколачивать совет бригады из людей принципиальных и совестливых, которые бы беспристрастно и объективно оценивали работу каждого. Подобрали группу хороших ребят, и что вы думаете? Тот, кто привык халтурить, ушел сам по себе. Второе... Главный принцип, который у нас поддерживается, — это коллективизм, полное взаимодоверие. Но и о требовательности со стороны нас — бригадира и звеньевых — мы никогда не забывали. Сделал позорно — переделай... Бригадир должен все знать, все видеть, все проверять своими руками. На то он и руководитель. Но тут важно учитывать одну очень существенную деталь: для того, чтобы усилить требовательность, на производстве должен быть порядок с большой буквы. Иначе как можно спрашивать с подчиненного хорошую работу, если панели завозятся не вовремя, раствор подается с перебоями, а перекрытия вообще не той серии. Тут поневоле разленишься... Поэтому мы наладили четкую, деловую связь всех наших звеньев со службами поставки из домостроительного комбината. Сейчас я обычно планирую работу на два-три дня вперед, но предварительно согласовав все вопросы с нашим начальником потока Анатолием Петровичем Литовко. И третье. Лучше заработала техкомиссия комбината. Теперь она принимает с заказчиком буквально каждый этаж. И если ее замечания не выполняются с третьего раза (да, пока еще так), тот, кто схалтурил, лишается аккордной премии. Жестко? Да, жестко. Но мы в бригаде за такую принципиальную постановку дела. Надо все сделать для того, чтобы не было повадно лодырю, прогульщику, пьянице, тому, кто разленился, разнежился за счет усердного, трудолюбивого соседа. Ведь там, где работают старательно и с совестью, там и качество налицо, там и радость новоселу будет и... незапятнанная честь строителя.

В чем-то мысли Николая Донченко мне показались знакомыми. И я вспомнил слова его коллеги, тоже бригадира строителей из Волгодонска — Александра Туганова. Как-то в конце зимы, когда мы встречались с ним, он сказал: «Надежно и прочно то, что делается в согласии с совестью».

— Хорошо, правильно сказано,— одобрительно кивнул Донченко.

— А вы знакомы с Тугановым?

— С Сашей?! Отлично знаю... Мы с ним друзья. Умеет и любит работать. Брака у него не бывает. Побольше бы строителей с такими делами и мыслями.

...И с такими, как у тебя, Николай.

* * *

По поручению редакции кубок «Огонька» бригаде-победительнице был вручен членом редколлегии журнала А. Панченко. «Огонек» приносит благодарность композитору Л. Осиповой и поэту-сатирику В. Завадскому за творческое участие в праздничном концерте и во встречах со строителями Волгодонска.

СУВО

Суворовец и нахимовец — это звание на всю жизнь. Суворовец и нахимовец — верный сын Родины, смелый, инициативный и всесторонне образованный офицер. ● Самое памятное событие в жизни суворовца и нахимовца — участие в параде на Красной площади. ● Встречи с ветеранами-фронтовиками, героями труда, прославленными полководцами и военачальниками, выходы в море на боевых кораблях, участие в учениях частей и соединений — норма жизни для каждого суворовца и нахимовца. ● Суворовских и нахимовских училищ должно быть больше — таково единодушное мнение всех участников встречи.

Исполнилось сорок лет со дня создания суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ. О том, как формировались эти училища, как и чему учились там раньше, как готовят будущих офицеров армии и флота сейчас, рассказывают выпускники суворовских и нахимовских училищ разных лет, которые собрались за «Круглым столом» «Огонька».

Х. М. АМБАРЯН, генерал-полковник, заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками по вузам — начальник вузов Сухопутных войск.

— Отмечая этот славный юбилей, мы вспоминаем военный 1943 год. В начале августа Москва впервые салютовала доблестным защитникам Родины, освободившим Орел и Белгород.

Красная Армия продолжала громить гитлеровские войска, наступая на запад. На повестку дня стал вопрос о налаживании хозяйства на освобожденных от врага территориях, обучении и воспитании детей, потерявших родителей.

21 августа 1943 года Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет нашей партии приняли специальное постановление, которым было предусмотрено создание девяти суворовских военных училищ «для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов»...

Перед училищами ставилась задача — «подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование».

1 декабря 1943 года в училищах прозвенел первый звонок, и за парты сели мальчики, одетые в гимнастерки с алыми погонами. Среди них были и ребята, которые, подобно Ване Солнцеву, герою повести В. Катаева «Сын полка», побывали на фронте и даже имели правительственные награды.

Жизнь в подразделениях строилась по воинскому распорядку, но преподаватели и офицеры-воспитатели стремились создать такую атмосферу, чтобы для ребят, обездоленных войной, училища стали родным домом. Главное внимание уделялось учебе, воинскому воспитанию и всестороннему развитию мальчишек, которые должны были продолжить боевые традиции своих героических отцов и дедов.

Первый выпуск, проводившийся в 1948 году, показал, что суворовцы получили глубокие и прочные знания в объеме средней школы и горячий интерес к будущей военной профессии. Все выпускники поступили в военные училища, и уже в 1950 году из числа бывших суворовцев появились первые офицеры-лейтенанты.

За сорок лет суворовские училища подготовили к будущей военной службе более 50 тысяч юношей, и все они с гордостью носят на груди выдаваемый при окончании училища знак с изображением великого русского полководца Александра Васильевича Суворова.

Многие бывшие суворовцы за успехи в боевой и политической подготовке, за мужество и отвагу, проявленные при выполнении заданий командования, отмечены высокими правительственными наградами, а полковники В. А. Джанибеков, Ю. Н. Глазков, В. В. Колесник, капитан С. П. Козлов удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Бывшие суворовцы, сегодняшние генералы и офицеры, находятся в войсках на больших командных должностях, на политической работе, являются учеными, космонавтами, военными инженерами.

В 40-е и 50-е годы действовало семнадцать суворовских военных и три нахимовских военно-морских училища в системе Министерства обороны и два суворовских военных училища у пограничников. В настоящее время — восемь суворовских военных училищ и одно нахимовское военно-морское училище.

В них принимаются юноши 15—16 лет, окончившие 8 классов средней общеобразовательной школы. Срок обучения — два года. За это время суворовцы завершают среднее образование, получают военные навыки и знания, позволяющие им командовать отделениями курсантов в военных училищах. Большое внимание, как и ранее, наряду с учебой уделяется в училищах идейно-политическому, нравственному и воинскому воспитанию суворовцев и нахимовцев, развитию их личности.

Положительно оценивают подготовку суворовцев в вузах и войсках. Там отмечают их глубокие, разносторонние знания, интерес к общественной работе и к спорту, дисциплинированность, добросовестное отношение к делу.

Е. А. КУЗНЕЦОВ, генерал-лейтенант, кавалер орденов Красного Знамени, Красной Звезды и «За службу Родине» III степени.

— До чего же это приятно — встретиться со своими товарищами, вновь окунуться в родную суворовскую среду! А как о многом говорит тот факт, что на наших мундирах рядом с орденами и медалями — знак об окончании суворовского военного училища. Я же больше всего горжусь тем, что принадлежу к суворовцам первого набора. Если бы тогда, осенью сорок третьего, когда я попался на Ростовском вокзале за то, что пытался стянуть у какой-то тетки рыбину, мне кто-нибудь сказал, что я стану первым генералом среди суворовцев, я счел бы этого человека ненормальным. Во время эвакуации я потерялся, жил как придется, вот с голодухи и позарился на рыбину. Шум, гам, зовут милицию. И вдруг появляется солдат — век его не забуду,— послушал, подумал, раздвинул толпу, сказал: «Не тронь мальчишку! Он наш!» — и увел с собой. Так я стал сыном полка, а моим опекуном — тот самый солдат, старшина Слюсаренко. На довольствие меня поставили в зенитно-артиллерийской батарее танковой бригады. Там и приодели: сшили гимнастерку, стачали сапоги и даже раздобыли шапку-кубанку. Были у меня и свои обязанности: кормил и купал лошадей, помогал чистить орудия... Под Ессентуками мы попали под сильную бомбежку. Тогда я впервые близко увидел смерть: людей разрывало на глазах, от лошадей летели клочья. Но наши зенитчики сбили несколько самолетов, да так удачно, что «юнкерсы» буквально разваливались на куски.

Когда стояли под Таганрогом, вызвал меня командир бригады и говорит: «Ну вот что, сынок, хватит воевать. Немцев мы добьем без тебя, а тебе надо учиться. Красной Армии нужны грамотные офицеры, так что поедешь в Новочеркасск, в суворовское училище».

Протестовал я, конечно, изо всех сил: как это так, идет война, все бьют немцев, а я в тыл? Но приказ есть приказ, пришлось подчиниться.

В училище мы с самого начала были на самообслуживании, так что трудовое воспитание шло само собой, но главным делом была учеба. А учили нас прекрасно, причем учили как будущих офицеров. В каждой роте висела огромная карта, и мы каждый день начинали с того, что слушали сводку Совинформбюро, а потом переставляли флажки — все ближе и ближе к Берлину. Само собой, мы разбирали все операции: Ясско-Кишиневскую, Висло-Одерскую и т. д. Нам даже разрешали принимать решения за Жукова, Рокоссовского или Конева — еще до начала операций. И как же мы ликовали, когда наши решения совпадали с замыслами прославленных полководцев!

В самом начале сорок четвертого к нам приехал Семен Михайлович Буденный — он вручал училищу знамя. Мы на плацу. Навстречу друг другу с саблями наголо чеканят шаг два усача, два соратника еще по гражданской войне — маршал Буденный и начальник нашего училища генерал Клементьев. Гремят барабаны. Поют трубы. От волнения мурашки пробирают до костей. Сколько лет прошло, а я это помню так ясно, будто все было вчера.

Наш генерал вообще очень любил воинские ритуалы. Каждое воскресенье он устраивал торжественную прогулку по городу: впереди — он на горячем коне, потом оркестр, а за ним мы. Народу сбегалось — тьма! Весь город выходил посмотреть на нас. И как знать, сколько мальчишек «заболело» тогда суворовскими училищами, а потом влилось в наши ряды.

РОВЦЫ

Запомнил я и летние лагеря. Мы жили в знаменитой Персияновке, рядом с настоящими казачьими частями. Мы, как и они, скакали верхом, рубили лозу, стреляли из личного оружия — за каждым у нас была закреплена винтовка,— вечером ели кондер и кулеш, пели казачьи песни. Вот как мудро приучали нас к войску.

Для мальчишки очень важен пример старшего. У нас этот пример всегда был перед глазами. Наши преподаватели и воспитатели на уроки и в роту приходили всегда при орденах и медалях, у многих были нашивки за ранения. Мы знали, что один командовал батальоном, другой — полком, третий — бригадой. А как они старались развить в нас тягу к прекрасному! Я, например, понемногу начал рисовать, а потом дело пошло так лихо, что в сорок восьмом году на конкурсе детского рисунка в Индии получил малую золотую медаль. Позже, уже будучи курсантом Киевского пехотного училища, параллельно окончил вечернее отделение института живописи.

Сейчас я по долгу службы курирую Свердловское суворовское училище. Ребята туда приходят хорошие, учат их отлично, но, я бы сказал, слишком оранжерейно, что ли... Мне кажется, нужно больше заниматься не только математикой, военной подготовкой, но и прививать трудовые навыки, которые в дальнейшем офицеру будут просто необходимы. Кроме того, неплохо бы увеличить срок обучения с двух до четырех лет и принимать ребят не после восьмого, а после шестого класса. В этом возрасте ребята мягче, восприимчивее, да и авторитет взрослого для них еще достаточно тверд.

И вообще, чем больше офицеров пройдет школу суворовских училищ, тем лучше для дела. В этом я не раз убеждался, командуя подразделениями, частями, соединениями... Суворовец — он всегда суворовец!

А. В. КОВТУНОВ, генерал-лейтенант, кавалер орденов Красной Звезды и «За службу Родине» III степени.

— В ноябре 1943 года я был зачислен в Харьковское суворовское училище. Оно хоть и называлось Харьковским, а было расположено в Чугуеве.

Город разрушен, сожжен, можно сказать, ни одного целого здания — ведь прошло всего три месяца со дня его освобождения, но к нашему приезду нашли, отремонтировали и обставили большущий дом. Спальни, классы, столовые и другие помещения выглядели так, будто и не было войны. А ведь мы, хотя и были крохами, войну повидали: в нашем училище были ребята из Московской, Тульской, Ростовской, Харьковской, Ворошиловградской областей. Короче говоря, мы видели не только кровопролитные бои, но и пережили ужас оккупации.

Что такое жить «под фашистом», да еще не день-два, а целых два года — это, к счастью, знают не все. Но кто знает, тот не забудет до конца своих дней. Как над нами издевались, как унижали, как морили голодом. Особенно трудно было детям — жизнь ребенка не ставилась ни во что. Поэтому, когда пришло наконец освобождение, тех из нас, кто чудом остался жив, собрали — и в детские дома. Ведь почти все мы были сиротами. И вдруг узнаем, что появилось училище, в котором не только кормят, одевают, обувают, но и учат стрелять, ездить верхом, ходить в атаки, словом, готовят командиров Красной Армии. Что еще нужно мальчишке, выросшему среди войны? Мы с радостью повалили в суворовское. Собрали нас человек пятьсот. Сперва построили, потом — в баню. И наконец — в столовую! Сидим, ждем. Поставили тарелки с хлебом. Мы его тут же расхватали. Поставили еще раз. Мы его тут же съели. Поставили в третий раз. Опять расхватали и забрали с собой. Вот как наголодались за два года!

Учились мы в основном при свечах — в сорок третьем электростанцию еще не восстановили. Но подготовка была прекрасная. Это я чувствую всю жизнь. А учиться мне пришлось немало: после суворовского я окончил Одесское Краснознаменное пехотное училище, потом академию имени Фрунзе, а несколько позже и академию Генштаба.

Каждый раз, возвращаясь с зачетов или экзаменов, я всегда вспоминал добрым словом педагогов из суворовского, причем делал это вслух. Неудивительно, что оба моих сына, наслушавшись этого, тоже поступили в Киевское суворовское военное училище — именно в то, в котором учился я, просто со временем его перевели из Чугуева в Киев. Сергей сейчас уже старший лейтенант, командир танковой роты. А Михаил — курсант Харьковского танкового училища. Даже дочь пошла по моим стопам.

Ю. Г. НИЦИН, генерал-майор, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

— Шла война. Война жестокая и кровавая. Правильно сказал генерал Ковтунов: больше всего страдали дети. Я тоже, как говорится, хлебнул полной мерой. Отец погиб в марте сорок третьего. Мы с матерью были в эвакуации в одном из отдаленных районов Казахстана. И голодно было, и холодно, и жили где придется. И вдруг пришла повестка из районного отдела Народного комиссариата внутренних дел — НКВД. Когда мне сказали, что образовано Суворовское училище НКВД и я как сын погибшего работника НКВД могу туда поступить, радости не было предела. Ведь я научусь мастерски владеть оружием и отомщу за отца! В июне сорок третьего я приехал из Кзыл-Орды в Ташкент, к этому времени уже окончив восьмой класс. Короче говоря, парень был почти что взрослый. Думал: подучусь стрелять, окапываться, брать «языка» — и на фронт. Так думал не один я — все пятнадцатилетние мальчишки мечтали как можно быстрее попасть на фронт. А нас вместо тира отправляют на уроки истории и литературы, потом в спортзал, а в завершение всех бед... на урок танцев. Тут уж мы возмутились окончательно: «Война идет! Какие еще танцы? Нам нужно не мазурке учиться, а приемам рукопашного боя!»

Дальше — хуже. Когда нас повели в столовую и дали на обед по две котлеты — настоящие мясные котлеты, каких мы не видели с довоенных времен, все были буквально ошарашены и набросились на неслыханные в те годы деликатесы. А нам говорят: «Отставить! Вилку нужно держать так-то, а хлеб так-то. Когда подадут мясо, то не забудьте о ноже, который должен быть непременно в правой руке». Какой нож, какая вилка? Наесться досыта — вот что главное, а это можно и без ножа с вилкой. Но нас учили, терпеливо учили, как вести себя за столом, как танцевать, что и как читать, какую слушать музыку... Об общеобразовательной и военной подготовке я не говорю — это было поставлено блестяще.

Есть одна проблема, о которой я не могу не сказать. Недавно я получил письмо от младшего сына, он пишет из пионерского лагеря: «Лучше бы я сюда не ездил! Подъем — по трубе. Все время — построения, линейки, марши. И вообще дисциплина!» Страшное дело, мальчишке не нравятся линейки, марши и вообще дисциплина! Как так?! Мы были счастливы и горды строем пройти по городу. Мы получали прекрасную физическую закалку, участвуя в марш-бросках, живя в палатках, обходясь без мамок и нянек. Знаете, кто нам был и мамкой и нянькой? Фронтовик-старшина. На одни медали да шрамы глянешь, и язык не повернется возражать: О том, чтобы ослушаться, не могло быть и речи. Первое время мы их побаивались, зато потом полюбили! Как мы благодарны нашим старшинам и офицерам-воспитателям за то, что они сделали из нас мужчин!

Если же учесть специфику службы пограничника, а мы, как известно, и в мирное время на войне, то настоящие мужские качества приходится проявлять чуть ли не ежедневно. Поэтому я убежден, что надо расширить сеть суворовских и нахимовских училищ. Вы слышали: было семнадцать — стало восемь, нахимовских было три — стало одно. А у пограничников — вообще ни одного суворовского училища. Между тем хорошо известно, что в суворовских и нахимовских училищах среди поступающих конкурс до пяти-шести человек на место. Значит, принимая одного, пяти подросткам не даем возможности пройти необходимую подготовку, чтобы стать хорошим офицером. А ведь это ребята, которые мечтают стать офицерами, которые хотят посвятить свою жизнь армии и флоту. Вы скажете, что они могут поступить в военное училище после окончания школы или службы в армии. Могут. Но захотят ли? Боюсь, что будет упущено самое благодатное время для формирования характера офицера. Опыт показывает, что суворовцы гораздо лучше учатся в высших училищах и куда легче переносят тяготы военной службы.

Г. М. ЛЕШИН, полковник.

— Я представляю Воронежское суворовское училище. Сам я ленинградец, пережил полтора года блокады, в Ленинграде погибли все мои родственники. А отец еще раньше — на фронте в сорок первом.

Во второй половине 1942 года меня через Ладогу эвакуировали. Сперва я попал в Казань, а потом в Чебоксары.

Там я около года прожил у тетки. А обедать ходил в столовую, которая была организована для ленинградских детей. И вот иду как-то в эту столовую и встречаю своего товарища по школе. Он мне говорит: «Знаешь, я записался в суворовское военное училище. Там будут готовить командиров для Красной Армии». «А мне можно записаться?» «Не знаю, сегодня, кажется, последний день». Но я успел...

Позже узнал, что в Чувашии было подано более тысячи заявлений. Отобрали всего двадцать человек.

Я видел в Ленинграде разруху, голод, убитых людей, но то, что увидел в Воронеже, потрясло. Вокзала не было, написали табличку на фанере, что это город Воронеж. Все здания взорваны. Но для нас отремонтировали двухэтажные казармы и там разместили.

Прошло всего два месяца со дня принятия постановления партии и правительства о создании суворовских и нахимовских военных училищ, но уже были приведены в порядок здания, найдены кровати, парты, карандаши, учебники, подобран офицерский и преподавательский состав. Вот как заботились о нас, детях войны! И это в разгар боев на Днепре, в Донбассе, на всем многокилометровом фронте от Баренцева до Черного моря.

Условия нам создали прекрасные. Единственное, чего не хватало — топлива и света. В первые годы свет часто выключали и холод был ужасный, даже чернила замерзали. Но мы учились, учились жадно и, я бы сказал, неистово. А как мы сдружились! Не верится, что прошло уже сорок лет с того дня, когда мы приехали в Воронеж тощими, голодными парнишками. Жизнь разбросала нас по разным городам. И все же каждый год мы собираемся в Москве, Киеве, Горьком или Воро-

неже, вспоминаем трудные, но необычайно насыщенные годы, проведенные в суворовском училище, рассказываем о нынешней службе и с радостным удивлением отмечаем, что почти у всех сыновья пошли по нашим стопам.

А. Р. ЧУВАКИН, генерал-майор, кавалер орденов Красной Звезды, «За службу Родине» III степени и ордена Монгольской Народной Республики «Полярная звезда».

— В Тульское суворовское училище я поступил в сорок пятом. Мы, хоть и были малы, жили войной и, не боюсь этого слова, ежедневно ощущали ее дыхание: на территории училища были братские могилы советских воинов, за которыми мы ухаживали, неподалеку еще стояли подбитые немецкие танки. Ведь в сорок первом бои шли на улицах города, и именно здесь туляки остановили бронированную армаду Гудериана, не пропустив ее к Москве.

Очень важным событием нашей жизни было участие в парадах на Красной площади в Москве. Наши ребята участвовали даже в Параде Победы! А я первый раз прошел по Красной площади 7 ноября 1945 года.

Среди наших выпускников — доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН СССР Анатолий Витушкин. Незадолго до экзаменов с ним случилась беда: он тяжело заболел и в семнадцатилетнем возрасте лишился зрения. Другой бы отчаялся, но не суворовец Витушкин: он с золотой медалью окончил наше училище, а потом так же блестяще МГУ.

Мне посчастливилось учиться в одном взводе с сыновьями прославленных на всю страну людей: Стаханова, Штеменко. Это были отличные парни, хорошие товарищи, да и сейчас они, как говорится, твердо стоят на ногах. А «виноваты» в том, что выпускники нашего училища ни при каких обстоятельствах не падают духом и, как я уже сказал, твердо стоят на ногах, наши воспитатели. Во главу угла они всегда ставили морально-психологическую и физическую подготовку.

Взять хотя бы такой пример. Наш учебный лагерь находился на Косой Горе, это в тридцати четырех километрах от Тулы. Так вот, не было случая, чтобы нас туда возили на машинах. Мы всегда ходили пешком. Придем, как следует позанимаемся, потренируемся, потом — отдых и марш-бросок обратно.

А как мудро и тонко воспитатели использовали жизненный опыт самих суворовцев — ведь среди нас были ребята, прошедшие войну и имевшие боевые награды! Слушать рассказы своих сверстников, которые с оружием в руках мстили за наших отцов, дело и поучительное и интересное. Однажды рассказывать о войне довелось и мне: ведь мой отец служил в Прибалтике, и войну мы встретили 22 июня в 4 часа утра. Как полк отходил с боями, как нас бомбили, как фашистские самолеты гонялись не только за взрослыми, но и за детьми, как на глазах погибали хорошо знакомые командиры и солдаты, как убило и отца, как именно тогда я решил стать военным и за все отомстить... Да, нашему поколению есть что вспомнить. Росли мы трудно и видели много такого, чего детям и видеть не надо, характеры формировались рано и не всегда правильно, поэтому от воспитателей зависело очень многое. Сейчас глядишь, в семье один ребенок, а за ним не могут усмотреть отец с матерью, дед с бабкой, да еще школа, да жэк, да комсомол, а тогда на одного офицера-воспитателя целый взвод, тридцать «взрослых» мальчишек. И ничего, справлялись, да так справлялись, что мы до конца своих дней будем вспоминать и педагогов и воспитателей.

И вот еще о чем мне хотелось бы сказать: хоть наши учителя и воспитатели старались создать такую обстановку, чтобы мы не забыли, что есть в жизни такая прекрасная пора, как детство, они всегда помнили о том, что готовят из нас будущих офицеров. Поэтому военная подготовка была поставлена очень серьезно и начиналась сперва в виде игр, а потом все более углубленно. Учили нас и верховой езде. Причем не только искусству управления конем — в старших классах давали клинки, и мы на полном скаку рубили лозу. О том, как азартно мы занимались спортом, даже не говорю: делом чести было иметь несколько спортивных разрядов.

В итоге после окончания училища, кроме аттестата зрелости, мы получали справку, в которой указывалось, что дополнительно к остальным мы изучали четырнадцать предметов! С такой подготовкой, сами понимаете, учиться дальше, а потом и служить нам было легче, чем кому бы то ни было.

Р. А. ЗУБКОВ, контр-адмирал, кавалер орденов Красного Знамени и «За службу Родине» III степени.

— С «Огоньком» у меня дружба старая: в сорок восьмом году была опубликована статья о Ленинградском нахимовском училище. Само собой, поместили и фотографию: три бравых выпускника, среди них и я. Что из этого получилось? А то, что нас, уже курсантов военно-морского училища, девушки буквально засыпали письмами. И ведь каждой надо было отвечать, да еще так, чтобы не обидеть. Наверное, это кончилось бы большими неприятностями, если бы воспитатели не положили этому конец: наши оценки стали заметно снижаться. Ведь учиться некогда: с утра до вечера отвечали на письма.

А в нахимовское училище я попал закономерно: отец — кадровый моряк, офицер, политработник, участник гражданской и Отечественной войн. К флоту я стремился всю жизнь. И в море начал выходить с пятилетнего возраста: мать оказалась в больнице, оставить меня не с кем, вот отец и забрал с собой. А на каком мы вышли корабле — на знаменитом крейсере «Червона Украина»! В последующие годы я тоже не раз бывал с отцом на кораблях, а в сорок четвертом поступил в нахимовское училище. Дело прошлое, но у меня были серьезные причины, чтобы не стать моряком,— страшно укачивало: я уж не говорю о море, даже в автомобиле меня ни с того ни с сего начинало мутить. Но однажды, еще до поступления в училище, я попал с отцом на корабль «Ураган». Пришлось стоять вахту и вообще забыть о том, что я мальчишка. Хоть и бросало меня от борта к борту, и бродил я весь зеленый, а, как говорится, службу справлять надо. Так я преодолел в себе эту болезнь и стал заправским моряком.

А учиться было очень интересно! Самую горячую любовь мы испытывали к преподавателям военно-морского цикла. Капитан третьего ранга Рожков учил нас управляться со шлюпкой, потом мы ходили на шхуне под парусами, а чуть позже на довольно крупном парусном корабле. Эта баркентина стояла на Неве, оба берега видны, а нас в течение месяца не отпускают на берег. Конечно же, мы возмущались. А потом поняли мудрость учителей: нам, морякам, как никому, надо привыкать жить в небольшом замкнутом объеме корабля, в замкнутом коллективе, решающем задачи в отрыве от берега. Значит, надо научиться жить в этой коробке, и не просто жить, а жить дружно и интересно.

Видимо, главное, что мы вынесли из тех лет,— это умение жить в коллективе, умение подчиняться общественной необходимости и высокоразвитое чувство долга. Когда этому учат с детства, когда это всасываешь с молоком матери, а нашей матерью было окружающее нас военно-морское братство, то это крепко и на всю жизнь!

В. А. ДЖАНИБЕКОВ, полковник, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Ленина, Красной Звезды, Герой МНР.

— Я глубоко убежден: если чего добился в жизни, то этим я обязан суворовскому училищу. В Ташкентском суворовском училище МВД я учился семь лет — с 1953 по 1960 год. Мой отец работал в пожарных частях, тогда в Ташкенте были военизированные пожарные части, так вот, он был начальником небольшой пожарной команды из сорока бойцов. Сколько себя помню, столько я живу среди военных, среди внезапных тревог.

В детстве видел много фильмов о войне, много читал и понял: одно дело, когда видишь постановочную войну на экране, и совсем другое — возвращающихся с пожара бойцов. Бывало, что возвращались не все, случалось и так, что бойцы-пожарные погибали. А когда их хоронили, то хоронили как погибших в бою. Видел я в этих боях с огнем и отца, а это для мальчишки очень важно — видеть, какой у тебя отец. Не исключено, что я пошел бы по его стопам, но однажды отец привез меня на аэродром, где проходил праздник авиации. И вдруг рядом со мной прямо с неба на парашюте спустилась молодая девушка — очень радостная, веселая, озорная. Почему-то это так запало в сердце, что я заболел авиацией. Когда на улице увидел воспитанников суворовского училища, то почему-то решил, что именно там готовят будущих летчиков. Сказал о своей мечте отцу, он меня поддержал, и вскоре, сдав вступительные экзамены, я стал суворовцем. Уже через неделю я еле держался на ногах — изнуряющие марш-броски выматывали до предела. Если учесть, что в детстве много болел и со мной довольно много возились, я был в некоторой степени избалован. В мальчишеском коллективе маменькиных сынков не любят, так что мне было довольно трудно отстаивать, если так можно выразиться, право на жизнь. Мне доставалось больше всех, потому что во время марш-бросков всегда отставал и подводил весь взвод. Но через некоторое время подтянулся, вошел в форму и стал не хуже других. Так что самая первая пора моего становления в училище дала очень много: надо было ломать себя, ломать во всем. Я всегда буду помнить друзей, которые меня поддерживали, но не забуду и жесткой позиции других ребят, которые не позволяли раскиснуть, расслабиться и распустить нюни.

Всеобщим нашим любимцем был, конечно же, Валерий Попенченко. Это был очень талантливый человек, и не только на ринге, но и у классной доски. Он был зачинателем олимпиад, развернул большую деятельность по созданию математической базы. Вслед за Валерием мы загорелись этой идеей и много сделали для того, чтобы оборудовать наши классы.

Много было и других ребят, которые и учились великолепно и серьезно занимались спортом. Я, например, тоже к окончанию училища стал чемпионом Узбекистана среди юношей по штанге. Летние лагеря были далековато, поэтому нас вывозили в горы, но каждый раз в другое место. Младшие ребята жили недалеко от Ташкента, а старшие уходили в горы, рыли окопы, учились вести боевые действия в горных условиях. Эта школа дала очень много.

Но несмотря на то, что нас воспитывали для работы в органах внутренних дел и службы в пограничных войсках, я болел авиацией. Так случилось, что когда я окончил училище, его расформировали. Тогда же расформировали и Ленинградское суворовское пограничное училище. Это большая потеря, особенно для органов внутренних дел, потому что они остались без суворовских училищ. А они нужны! Если даже создать эти училища вновь, будет очень трудно восстановить те традиции, которые когда-то зародились.

В шестидесятом году разнарядки в летные училища нам не давали, поэтому в Ейское высшее военное авиационное училище я поступил не сразу. Но все же поступил и в шестьдесят пятом успешно окончил.

Мы часто встречаемся — выпускники Ташкентского и Ленинградского суворовских училищ. В конце декабря в Москву приезжают от 300 до 600 человек, мы находимся в одном зале, а потом выпуск каждого года собирается за своим столом.

Глядя на это братство людей самых разных поколений, характеров и судеб, я думаю, что, если бы не забота нашего государства и Коммунистической партии о детях войны, не было бы очень многого из того, что мы сейчас име-

П. Соколов. 1821—1899. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ С. АТАВЫ (Терпигорева). 1889.

В. Савинский. 1859—1937. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ С ПЕСТРОЙ ШАЛЬЮ. 1931.

ем, не было бы крупных военачальников, конструкторов, инженеров, ученых...

Хорошо, что на сегодняшней встрече присутствуют выпускники суворовских и нахимовского училищ этого года. Очень хочется, чтобы они, принимая эстафету от старших поколений, несли звание выпускника суворовского и нахимовского училища с честью и гордостью по всей своей жизни.

И еще. Хочу высказать свою точку зрения по вопросу, который меня очень волнует. Я убежден, что необходимо развивать сеть суворовских и нахимовских училищ. То, что мы имеем, нашей стране, нашим Вооруженным Силам явно мало.

В свое время часть училищ расформировали, заботясь об экономии средств. Но, с другой стороны, экономя на этом, мы теряем очень много. Так готовить кадры будущих офицеров, как это делают в суворовских и нахимовских училищах, не сможет никто. Я уж не говорю о том, что если с детства мальчишку готовят как защитника Родины, если он готов к этому не только психологически, но и, что особенно важно, серьезно изучал военное дело, то такому офицеру в будущем просто нет цены. Так что, потратив определенные средства на расширение сети суворовских и нахимовских училищ, в конечном счете государство только выиграет!

И. И. СУМЕНКОВ, генерал-майор, начальник Московского суворовского военного училища, кавалер ордена «За службу Родине» III степени.

— Настало время рассказать, как и чему учат суворовцев сейчас. В принципе задачи перед нами стоят те же, что и сорок лет назад: воспитывать юношей как будущих защитников нашей Родины, преданных делу коммунизма, Коммунистической партии и Советскому правительству. Мы даем им прекрасное общее образование, чтобы наши воспитанники успешнее могли заниматься в высших военных учебных заведениях. Все суворовцы так физически закалены, что способны выполнять любое задание во время службы в армии.

Расскажу немного о самом училище. Оно было создано 1 октября 1944 года в городе Горьком, а в 1956 году переведено в Москву.

За тридцать девять лет своего существования училище сделало 34 выпуска, дав Вооруженным Силам более пяти тысяч отлично подготовленных защитников Родины. Двести пятьдесят наших выпускников окончили с золотой или серебряной медалями.

Как и в прежние годы, основную программу составляют общеобразовательные предметы. Занятия проводятся по программам министерства просвещения. Но программы по марксистско-ленинской этике, эстетике, военной и физической подготовке несколько иные — они разрабатываются специально и утверждаются заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками по вузам.

Училище прекрасно обустроено. У нас — 27 кабинетов, 2 лаборатории, 2 специальных класса, 50-метровый тир, множество спортивных площадок. Сейчас завершается строительство стационарного лагеря, где суворовцы будут заниматься военной подготовкой. Особое внимание мы уделяем военно-прикладным видам спорта — без этого будущему офицеру никак не обойтись.

Расскажу немного о выпуске этого года. Из трехсот тридцати четырех человек трое окончили с золотой медалью, девять — с отличными оценками, 180 — с хорошими и отличными. Пятьдесят пять суворовцев награждены похвальными грамотами «За особые успехи в изучении отдельных предметов и примерное поведение». Кроме того, 51 суворовец получил удостоверение переводчика, 334— радиотелеграфиста, абсолютно все выпускники — значкисты ГТО, а многие и спортсмены-разрядники, в том числе один мастер спорта и три кандидата в мастера спорта.

Как и ранее выступавшие товарищи, я тоже считаю, что сеть суворовских и нахимовских училищ необходимо расширить. Судите сами: в райвоенкоматы подают заявления столько ребят, что образуется конкурс 8—10 человек на место. К экзаменам в училище допускаются абитуриенты из расчета три человека на место. Представляете, что мы делаем! Отказываем в возможности стать офицерами (станут ли они поступать в военные училища после десятилетки — большой вопрос) семи — девяти юношам, которые хотят, мечтают посвятить свою жизнь военной службе. Кроме того, неплохо бы принимать в суворовские училища не после восьмого, а после шестого-седьмого класса: два года для полноценной подготовки будущего воина маловато.

Г. Ф. ШТЫРОВ, генерал-майор, кавалер двух орденов Красной Звезды и «За службу Родине» III степени.

— Я выпускник Саратовского суворовского училища набора 1944 года.

Сейчас иной раз слышишь, что старшеклассники в школах обижают младших. У нас об этом не могло быть и речи, наоборот, старшие заботились о младших, помогали им, опекали. Теперь-то я понимаю, что эта традиция возникла не сама собой, что в ее создании очень тонко и ненавязчиво участвовали преподаватели и офицеры-воспитатели. Научили нас и другому: особому уважению к пехоте. Честное слово, мы боролись за право поступить в пехотное училище и страшно расстраивались, если направляли в связисты или, скажем, артиллеристы. Каждый из нас, военных людей, знает, что легкой армейской службы не бывает, но все же самая трудная доля, безусловно, у пехотного, или, как мы теперь говорим, общевойскового офицера.

Из нашего выпуска три человека пошли в авиацию — мы их с сочувствием проводили. Я был уверен, что без всяких проблем поступлю в пехотное училище, и вдруг осечка: не прохожу по зрению. Расстроился страшно! В качестве утешения мне предлагают направление в Ленинградскую военно-медицинскую академию. Сколько выпускников общеобразовательных школ о ней мечтали! Конкурс туда был страшенный, а меня берут без экзаменов. Кое-кто говорил: «Счастья, мол, своего не понимаешь». А я уперся, и ни в какую: хочу в пехоту! В конце концов пробился в Одесское пехотное училище. Окончил его, а потом академию имени Фрунзе и академию Генштаба. Без суворовской подготовки окончить три таких серьезных учебных заведения было бы трудно, а я учился, можно сказать, на одном дыхании. Поэтому я глубоко убежден: необходимо расширить сеть суворовских и нахимовских училищ. Польза от этого будет огромная.

В. В. КОЛЕСНИК, полковник, Герой Советского Союза, кавалер орденов Ленина и «За службу Родине» III степени.

— Самую большую трагедию я пережил в раннем детстве: в сорок первом фашисты на моих глазах расстреляли отца и мать. Осталось нас четверо детей — два брата и две сестры. Тяжко нам пришлось, так тяжко, что до сих пор больно вспоминать. Но это наша жизнь, наша, и ничья другая, поэтому и вспоминать будем и ни на какую другую не променяем.

В сорок пятом я увидел первого суворовца и тут же загорелся желанием поступить в училище. И поступил, да еще не один, а со старшим братом.

Кавказское суворовское училище было дислоцировано в городе Орджоникидзе. Структура его была такова, что, оканчивая, мы переходили на другой этаж, где размещались классы и казармы офицерского училища. Общеобразовательную, физическую и военную подготовку нам дали такую, что я не ощущал никаких трудностей в службе, пока не попал в воздушно-десантные войска. Все-таки десантнику нужна специальная подготовка, а я, уже будучи командиром взвода, учился прыгать с парашютом вместе со своими солдатами. Командир должен подавать пример, а я такой же неумеха, как и они. Выручила спортивная закалка — у меня было шесть разрядов по различным видам спорта. Прыгать научился, а потом учил и других.

Сеть суворовских училищ должна быть расширена, это безусловно. Но дело не только в этом: надо пересмотреть и сроки обучения. Любовь к армии легче воспитывать с детства, а в военную службу легче втягиваться в 12—13 лет. Мое предложение: принимать в суворовские училища после пятого-шестого класса.

Спросите любого командира, и он скажет: все суворовцы служат хорошо, и уж если суворовцу поручают какое-то дело, то это значит, что поручение будет выполнено не только в срок, но и, что особенно важно, грамотно.

Е. Я. ДЖУГАШВИЛИ, полковник, кандидат исторических наук, доцент.

— У меня двое сыновей: семнадцатилетний Виссарион и одиннадцатилетний Яков, так что я хорошо представляю, что это за труд — воспитывать мальчишек. Представляю и другое: сколько сил, нервов и здоровья было потрачено нашими офицерами-воспитателями и преподавателями. В Калининском суворовском училище я учился с сорок седьмого по пятьдесят четвертый год. До сих пор с особой теплотой и нежностью вспоминаю нашего офицера-воспитателя капитана А. А. Абоносимова — грамотного, умного и доброго человека. От подъема до отбоя он находился с нами. Когда он отдыхал, мы не представляли. Недавно я узнал, что наш Анатолий Александрович живет в Пензе, но так и не обзавелся собственной семьей. За своих воспитанников он и сейчас болеет, как за собственных сыновей, и, я надеюсь, простил нас за то, что мы частенько его огорчали, разумеется, не задумываясь о последствиях. Но именно ему, Анатолию Александровичу, мы обязаны своим становлением в жизни. Любил он нас очень, но любовью мужской, требовательной и строгой. Мне, например, капитан Абоносимов частенько «доверял» в наказание за какой-нибудь проступок помыть длинный коридор нашей роты. Радости, сами понимаете, у меня это не вызывало. Но когда несколько лет назад я с другими выпускниками приехал в училище, то первым делом поднялся на третий этаж, в свой родной коридор и, как старая, опытная хозяйка, придирчиво окинул его строгим взглядом: дескать, как тут без меня, запустили, наверное, все? Даже появилась мысль: не протереть ли быстренько его, пока не началась официальная встреча.

А как не вспомнить наших старшин и сержантов, в основном фронтовиков, которые занимались хозяйственными вопросами: каждого суворовца надо было одеть, обуть, разместить, помыть, накормить и спать уложить.

В эти дни мы, бывшие суворовцы, выражаем нашим наставникам свою благодарность, желаем им здоровья и счастья. Спасибо вам за строгость, ласку и любовь!

В. А. ЧАПАЕВ, полковник.

— В Калининское суворовское училище я попал довольно своеобразно. Когда немцев отогнали от Москвы, оружия в округе осталось немало. Мы, мальчишки, собирали его и... использовали по назначению — стреляли по воронам, взрывали мины и гранаты. К сожалению, частенько подрывались и сами. Покалечилось, а то и погибло нашего брата тогда немало. Не исключено, что рано или поздно пострадал бы и я, но, к

Участники встречи Е. Я. Джугашвили, В. А. Чапаев, В. Н. Гастелло.

счастью, с фронта на побывку приехал отец. Он узнал о моих проделках, понял, что без присмотра может случиться неприятность, и быстренько отправил в суворовское училище.

Первое время, потеряв старых товарищей и «вольницу», я ужасно маялся да и учился не блестяще, но постепенно втянулся. В чем-то помогли новые друзья, а в чем-то — режим. Да-да, режим. Распорядок у нас был строгий. Это дома за полчаса сделаешь уроки — и на улицу, а в училище после обеда вся рота идет на самоподготовку. Хочешь не хочешь, а сидишь занимаешься.

Так что я — за строгий режим. Мальчишке он просто необходим. А где может быть такой режим, как не в суворовском или нахимовском училище? Нигде.

В. Н. ГАСТЕЛЛО, полковник, кандидат технических наук, доцент.

— Я тоже выпускник Калининского суворовского училища и тоже с большой теплотой вспоминаю проведенные там годы. Офицером я мечтал стать еще до войны, поэтому проблем с выбором профессии не было. Мы тогда гораздо раньше созревали, нежели нынешние мальчишки, и уж если принимали какое-то решение, то это было накрепко.

К военной службе в училище подготовили прекрасно, но важно и другое — нас ввели в мир искусства, музыки, литературы. И хотя я писал не самые блестящие сочинения, меня назначили редактором стенгазеты. Хлопотное, скажу вам, дело: ходишь за каждым, чуть ли не клянчишь заметки. Надоело мне это, и я начал писать все заметки сам. Как-то так выходило, что они получались веселые, вызывали у ребят улыбку. Гораздо позже, уже будучи офицером, я решил: а не «пошутить» ли на всю страну? Отнес юмористический рассказ в «Литературную газету» — напечатали, потом в «Огонек» — напечатали. Сейчас у меня опубликовано уже более сорока таких рассказов.

Но это увлечение нисколько не отражается на моей службе. Я работаю старшим преподавателем в Военно-политической академии имени В. И. Ленина и ни о какой другой профессии не помышляю. Из бывших суворовцев вообще редко кто не стал военным. Если это и случилось, то только из-за здоровья: не прошел в училище из-за слабого зрения или слуха. Но эти парни и «на гражданке» задают тон!

Ю. И. СКАТОВ, капитан III ранга.

— Ленинградское нахимовское училище я окончил в 1968 году. Сейчас служу на Краснознаменном Северном флоте, командую атомной подводной лодкой. Как я благодарен судьбе за то, что попал в нахимовское училище! Все то, что было заложено там, облегчило учебу в высшем военно-морском училище и службу на лодке. За два года, которые ребята проводят в нахимовском училище, они приобретают хорошую физическую подготовку, отличные знания и, что немаловажно, контактность.

Я считаю, что надо расширить сеть нахимовских училищ. Офицеры, которые выходят из высшего училища после нахимовского, гораздо лучше подготовлены, и служба у них идет легче. Их както сразу узнаешь, особенно в дальних походах, когда чисто человеческие и профессиональные качества проявляются четко и ярко. Бывая в Ленинграде, я всегда захожу в нахимовское, встречаюсь с преподавателями, старшиной роты. Честное слово, такое чувство, будто в дом родной вернулся!

На атомной подводной лодке, которой я командую, шесть офицеров — выпускников нахимовского училища. Служат они прекрасно. И вообще это отличные товарищи, которым и любое дело доверить можно и с которыми просто приятно общаться.

С большой теплотой говорили о годах, проведенных в суворовском училище, старшие лейтенанты А. И. Верховинин и А. Н. Рудный, а также сегодняшние суворовцы А. Новиков, В. Гребенщиков, В. Левченко и нахимовец Г. Швецов. Поделился своими воспоминаниями и полковник запаса П. А. Бученков, много лет проработавший офицером-воспитателем, а затем преподавателем. О принципах комплектования суворовских училищ, об их связи с вузами и войсками рассказал полковник А. И. Кирюшин.

В заключение встречи был произведен торжественный вынос знамени Московского суворовского военного училища. Отдавая честь этому знамени, выпускники суворовских и нахимовских училищ всех поколений как бы вновь побывали под овеянными славой знаменами Суворова и Нахимова.

Встречу подготовил и вел
Б. СОПЕЛЬНЯК.
Фото И. ТУНКЕЛЯ

РАСПАХНУТА ШИРЬ ОТ ПОРОГА

Мирза ИБРАГИМОВ

ЖИЗНЬ — ОБНОВЛЕНЬЕ

Посадил садовник черенки плодовые.
Это только кажется, мол, дело ерундовое:
Поливал,
окапывал,
охаживал,
Стоячок приладил
возле каждого.
Солнце пили саженцы и воду,
Корни принялись, ушли в породу.
Деревца окрепли, стали садом,
Зреют яблоки. Тенистая прохлада.
Людям хорошо, садовнику — отрада.
Люди ходят,
люди хвалят,
люди говорят:
«Где зеленые побеги,
где цветущий сад!»
Но известно:
Жизнь — изменчивая штука.
Разорвать никто не в силах
замкнутого круга:
Ветки сохнут. И кора корявой стала,
Древесина прогнила, трухлявой стала.
Беспощадна времени рука —
Иссякают силы старика.
Стал садовник горбиться устало
От забот,
От всяческих невзгод,
И от старости, конечно.
И еще, пожалуй, от предчувствия черты,
За которой
Нет желаний,
За которой
Нет мечты.
Но недаром жажда жизни существует,
Потому-то
жизнь
и торжествует!
Убеждались люди не однажды:
Ничего живучей нету
Этой
самой
жажды!
Тут не может быть во мненьях расхожденья:
Жажда жизни — это жажда обновленья.
Так уж, видимо, ведется с давних пор:
По округе загремел топор.
Тихо охнув,
яблоня упала,
Ветки старые,
как руки,
разметав в траве устало.
А за ней упала и вторая,
Под холодной сталью обмирая.
Что ни делай, брат,
мы все уйдем в былое.
Дряхлое,
бессильное,
гнилое,
Откровенно тронутое тленьем
Отвергает разум,
Отвергает время,
Утверждая новое и молодое,
Вот и я
С тобой,
пальто дорожное,
Старое мое, мое изношенное,
Расстаюсь,
Как с другом давним, другом верным.
Есть что вспомнить
нам с тобой, наверно.
Мы запомнили далекое, близкое...

Повидали пустыню Аравийскую,
Где сухой песок
в глаза летел со свистом,
Никуда не денешься,
Не скроешься,
Разве только вот
Полой укроешься.
В городах заштатных,
в городах парадных,
Под апрельским ливнем,
Под январским градом
Согревался
я теплом твоим, дружище.
Сколько дней?
Не сосчитаешь... Тыщи!
По тропинкам горным и равнинным,
По дорогам новым и старинным,
По проселкам длинным и коротким,
По асфальтам узким и широким
Мы прошли, немало сбито башмаков.
Слышали немало незнакомых языков.
И людей встречали
с черствыми сердцами,
Есть такие, схожи с мертвецами.

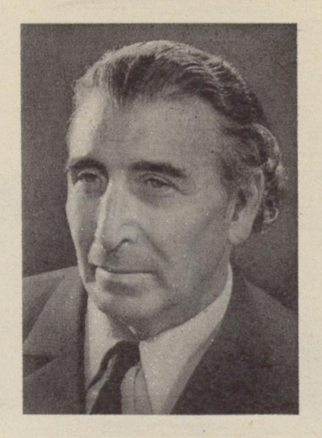
Я внимательно слушал те речи,
Мы нередко себя откровением лечим.
Но порой
По сухим, как известка, словам,
По глазам,
То холодным, то вдруг потеплевшим,
Мне хотелось узнать,
кто он, этот,
со мной
Говоривший, и пивший, и евший.
И нередко случалось
Поглубже тебя запахнуть,
Как бы отгородиться тобою.
Но с какими людьми
не сводил меня путь,
Я самим оставался собою.
Этим старым сукном
согревался я
в тамбурах тряских вагонов
И на жестких скамейках
бессонных и шумных вокзалов,
Снег и ветер,
и гулкое эхо безлюдных кварталов,—
Нам и это знакомо,
куда только нас кочевая судьба не
бросала!
Обгонявшие звук нас несли самолеты
Выше белых вершин Гималаев
и белых снегов Эвереста,
Над седой синевой океанов,
к тревожным широтам:
В непокорную Африку,
в азиатские страны,
Где сегодня народное зреет возмездье.
Баррикады Свободы на нашей планете
Для мятежного сердца — отличное место.
Ты повсюду со мной,
То, в жару, перекинутое через руку,
То, в мороз, на плечах,
Согревая
Под ветром холодным и резким,
Нас пространства зовут
То на север далекий, то к югу...
И желанья,
как в юности,
не убывают.
Это возрасту, что ли, в отместку?
Но пора —
Что поделать! —
И нам собираться
к спокойным лиманам...
Заарканили нас беспощадные годы.
Жаль! Какое прекрасное время:
На плечах у планеты
трещат уже путы обмана.
И все ярче над миром —
пылающий факел Свободы.
И когда они только промчались,
Семь долгих десятков?
Нет!
Пока еще кровь не остыла,
мечта не иссякла!
До последнего шага,
До последнего вздоха,
До последнего знака,
До последнего срока!
А назад... И не думай назад:
Дел у нас на земле слишком много!
Жизнь — дорога.
Зовет беспокойное время.
Человек в наши дни
Должен быть тверже кремня.
Стонет черная
в душных застенках Намибия.
В жилах кровь у людей
человечья,
не рыбья.
Палестинские жены
бинтуют младенцам
кровавые раны...
Кровь людская течет по Ливану.
Кровь течет!
Или это не в счет?
Рано — в тихие заводи. Рано!
Силу разума
Зло против разума вновь обращает.
За такие дела на Земле не прощают.
Это значит,
рассветно распахнута ширь от порога.
Век торопит
И возраст торопит.
На планете творятся дела вопиющие!
Видно, самое время —
В утиль все мешающее, все гниющее.
Как всегда,
Наступает рассвет после ночи.
Мир меняется, хочешь не хочешь.
Ну, а я
Отдышусь, по возможности, самую малость,
И в дорогу опять.
А усталость — к чертям! Вздор — усталость!
Нам по-прежнему —
в сторону будущего,—
Дело стоящее,
Повседневное, но не будничное.
А с тобой, как ни жаль,
Нам пора расставаться,
Парус мой путевой неизменный.
Мне такое же точно пальто,
Вероятно, сработает вскоре портной.
Кто-нибудь из друзей
Улыбнется при встрече: «Отменно!» —
Где-нибудь в привокзальном кафе
Иль в гостинице очередной.
Если будет тепло,
Я опять переброшу его через руку,
Если холодно будет — плотней запахнусь.
И в кабинах авто, укорачивающих разлуку,
Стану думать о доме,
В который
когда-нибудь все же вернусь.
И опять за стеклом
то дождливо, то солнечно,
И чужбинная грусть
неотступна, как тень.
И вослед мне глядят,
Словно звезды из полночи,
Родные глаза...
И бегут огоньки городов, деревень...
Знать, что ждут нас на родине,
что еще надо?
Затерявшись в чужой равнодушной толпе,
Ощутить на губах терпкий ветер эйлага *.
Ну а жизнь и сама по себе —
величайшее благо,
Величайшее благо сама по себе.
1983

ГЛАЗА

Ты искоса взглянула на меня
Тревожными прекрасными глазами.
И некуда деваться от огня,
Зажженного опасными глазами.

Беспечный,
Жил легко я, перемен
Не ожидал и не искал взамен.

* Высокогорное летнее пастбище.

Теперь попал в необъяснимый плен,
Приговоренный ясными глазами.

И что за колдовство такое?
В них,
Наверно, я ни разу, ни на миг,
Влюбленный, отражаясь, не возник,
Завороженный властными глазами.

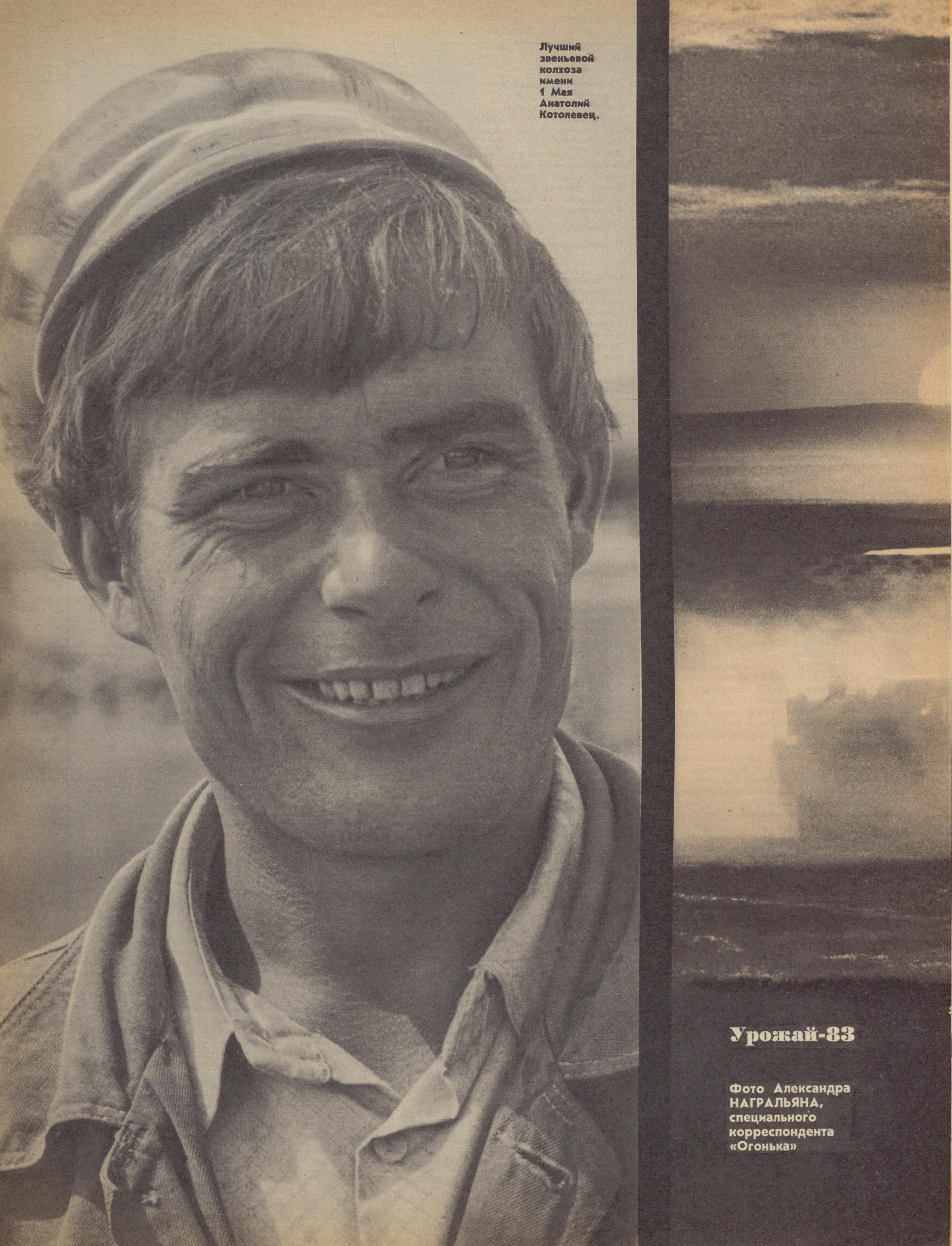
То солнечны порой, как небеса,
То вдруг темны — нежданная гроза.
Мир в эти непокорные глаза
Смотреть не смеет праздными глазами.

Я их увидел, и покой — в клочки.
Они во мне, как ночью светлячки.
Глаза — как озорные роднички...
Надежду пью ненастными глазами.
1982

Я ЖДАЛ ТЕБЯ

Я ждал тебя,
но ты не приходила,
Так в зимний день, наверно, ждут светила.
На шумных сборах праздничных застолий
Я словно тень присутствовал, не боле.
Ни глаз ничьих, ни лиц не замечал я,
Сидел с друзьями рядом, но молчал я.
Мне стала зреньем,
временем
и богом
Та,
по которой ты придешь,
дорога.
Незримо ты жила со мною рядом —
В моей крови — желанием и ядом.
Я ждал...
И ты приснилась мне однажды,
Как чистая река во время жажды.
Дыхание цветов —
твое дыханье —
Я ощутил на неостывшей ткани.
Очнулся я:
озарены сияньем
Окно и стены
иль воспоминаньем?
Стояла ты
вся в белом,
как невеста,
И я шагнул к тебе,
как будто в бездну.
Но ты исчезла в тишине рассветной,
Смутив меня вопросом безответным.
И снова снишься, в синей дымке тая...
Уж лучше память,
чем душа пустая.
1982

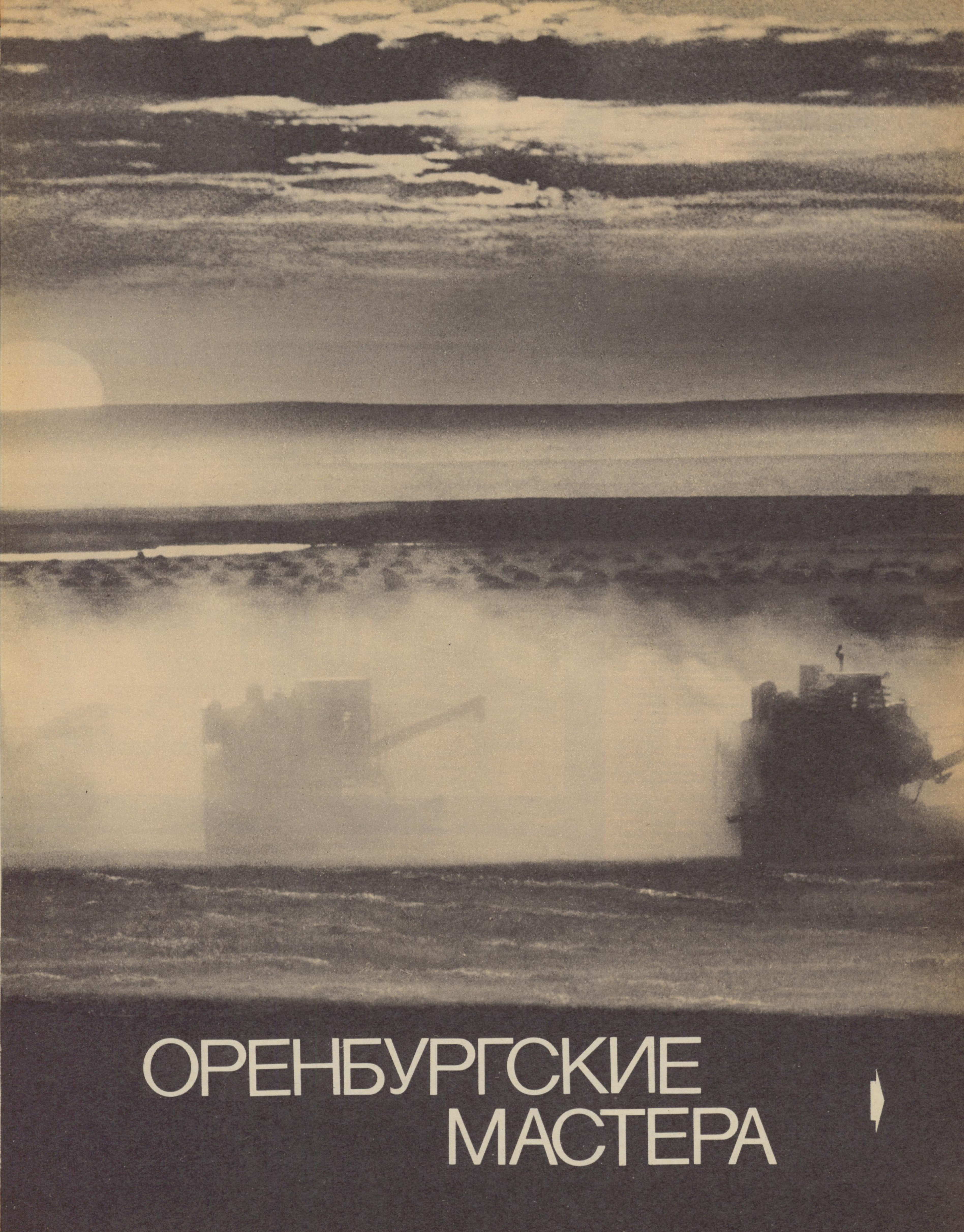
Перевел с азербайджанского
Вячеслав ЗАЙЦЕВ.

Лучший звеньевой колхоза имени 1 Мая Анатолий Котолевец.

Урожай-83

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА, специального корреспондента «Огонька»

ОРЕНБУРГСКИЕ МАСТЕРА

Оренбургская степь... Пшеница, пшеница — стеною та, что на корню, и в тяжелых валках, и уже обмолоченная — тонны зерна в бункерах и на токах. Золотой август пропах солнцем, хлебом, пóтом страды. Время получило такое ускорение, что счет идет на часы, на минуты.

Вся страна знает большого мастера жатвы, члена ЦК КПСС, Героя Социалистического Труда, комбайнера из колхоза «Рассвет» Василия Макаровича Чердинцева. Его опыт работы звеном по единому коллективному наряду с каждым годом находит все больше последователей. Нынче, памятуя о прошлогодней засухе, о былом недоборе зерна и задолженности, оренбуржцы ведут уборку с сознанием особой ответственности перед государством. Лучшие механизаторы объединились еще до весны и взяли на весь год подряд. Ориентация на конечный результат, то есть только на тот хлеб, что в закромах, обязывает и вдохновляет. На коллективный подряд работает и технологическая цепочка: поле — ток — элеватор. В тесной, хорошо продуманной связке действуют комбайнеры, водители, механики, служба ремонта и питания.

Управиться надо на поле, превышающем четыре миллиона двести тысяч гектаров! И чем быстрее, тем лучше. А хлеб не ждет, погоды подгоняют...

Хорошо, споро работают люди — селяне и горожане-добровольцы — в полях и на токах Адамовского района. Бывало, тут годами не выполняли планов по закупкам сильных, то есть высококачественных пшениц. Зерно зерну рознь, и в наше время становления эффективной экономики особое значение приобретает выращивание сильной пшеницы. Погоня за валом противоречит законам экономики, ориентации на качество продукции полей, а значит, и ферм. Так вот в Адамовском районе нынче вовремя перестроили собственную работу и вырастили, а сейчас намолачивают много высококачественного зерна. К сожалению, таких районов в хлебной области немного. Еще больше хозяйств, которым предстоит наконец-то ликвидировать свою задолженность государству: продать не только запланированный хлеб, но и дополнительное зерно в счет прошлых малоурожайных лет. Урожай этого года способствует тому, чтобы вывести зерновое производство из прорыва. Было бы желание, не дремала бы хлеборобская совесть!

И вот одна за другой победные «молнии»: за две августовские декады оренбуржцы продали Родине более дзух миллионов тонн хлеба! Доброе начало — залог успеха. Соль-Илецкий район — правофланговый на жатве. Круг за кругом кружат в полях колхоза имени 1 Мая комбайны. Одни валят хлеб, другие следом — через два дня — подбирают и обмолачивают валки...

На комбайне звеньевого — алый вымпел, в кабине — Анатолий Котолевец. Молодой, азартный и опытный механизатор. В этом звене намолачивали по 465 центнеров зерна на комбайн. Каждый день! Цифра средняя — тем более убедительная. По двенадцать гектаров пшеницы за день убирает в колхозе имени 1 Мая каждый комбайнер. Каждый. Это не рекорд, это будничная работа, но зато каждый! Вот почему и колхоз и Соль-Илецкий район впереди в областном соревновании уборочно-транспортных звеньев.

Колхоз не только выполнил данный ему план-заказ по продаже зерна, он с ходу пошел дальше и уже успел рассчитаться и за минувшие два неблагоприятных года — полностью погасил задолженность. «Первомайцы сдержали свое слово, продали миллион пудов зерна и выполнили план трех лет пятилетки!» — удовлетворен председатель колхоза Петр Михайлович Вдовкин. Петр Михайлович убежден:

— Хлеб — главный довод в добром споре мастеров урожая!

Н. ШАТОВ.

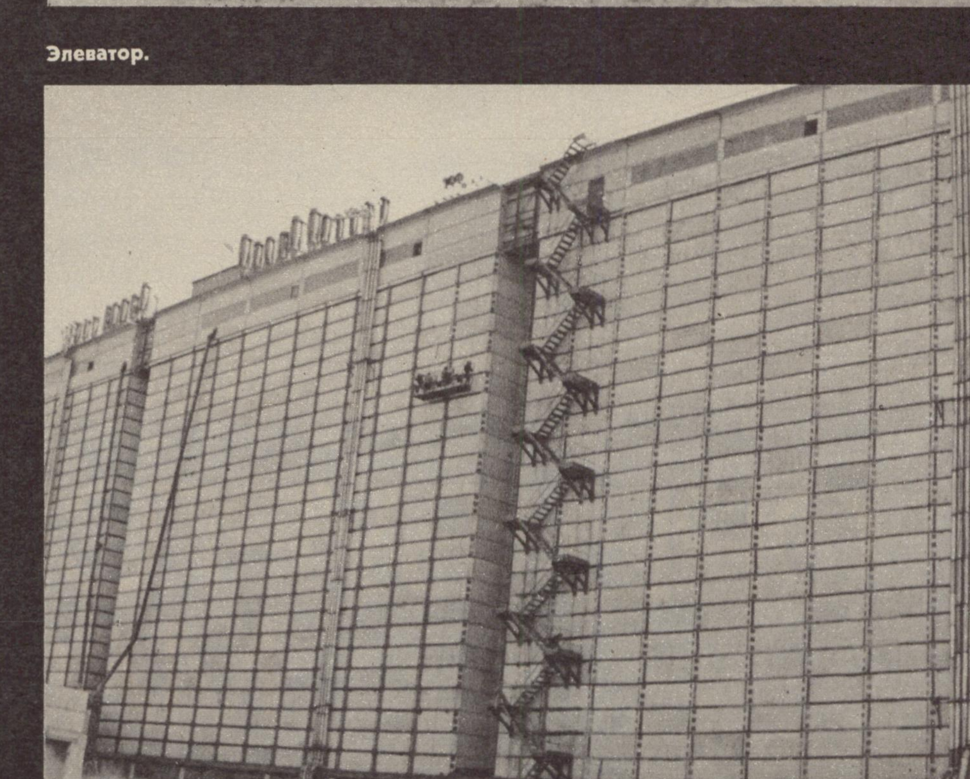
Оренбургская область.

И снова в землю ложатся семена...

Элеватор.

Урынша Жуматаева и Марина Лазарева гордятся своими родителями, их успехами на полях колхоза имени 1 Мая.

Веселая минутка.

Город древний, город юный

Учкун УМАРОВ,
первый секретарь Ташкентского горкома КП Узбекистана, депутат Верховного Совета СССР

Города подобны людям. У каждого свое лицо, свой характер, своя жизнь. Более того, есть города, история которых олицетворяет развитие народов и государств на протяжении долгих веков. Таков наш Ташкент — один из древнейших городов на земле Востока. Двадцать столетий существует он. Зародившись на месте родового поселения еще в первом веке до новой эры, город как бы пришел к нам с иных берегов быстротекущей реки времени, одолев нелегкий путь политического, социального и национального развития. Был он когда-то и яблоком раздора среднеазиатских ханств, жаждавших утвердить свою власть на важном рубеже двух цивилизаций — оседлых народов и кочевых племен. Ташкент всегда оставался одним из главных перекрестков на торговых путях, идущих с запада на восток и с востока на запад. Быть может, это и спасло его от забвения и гибели в глубине веков.

Присоединение Средней Азии к России имело прогрессивное значение для жизни края, в том числе, конечно, и для Ташкента. Возникла промышленность, с ней родился местный рабочий класс, с годами ставший частью российского пролетариата, и новым стал Ташкент, город фабрик, новостроек. А старый Ташкент еще долго продолжал жить своей жизнью, сохранял черты неблагоустроенного города феодальной эпохи, интересный разве что для туристов и историков.

Приезжих людей в Ташкенте всегда было много. Прогрессивная интеллигенция вопреки политике русского царизма вела просветительскую работу среди коренного населения, братски делилась с ним благородными идеями русских революционных демократов. Огромную роль в распространении передовых идей сыграли и политические ссыльные. Сюда, например, сослали друга Карла Маркса и Н. Г. Чернышевского Германа Лопатина — теперь его именем названа одна из улиц столицы республики. Постепенно Ташкент стал подлинным центром революционного движения в Средней Азии.

Ташкентский пролетариат первым в Средней Азии откликнулся на легендарный выстрел «Авроры». Вооруженное восстание здешних рабочих, начавшееся уже через два дня после выступления петроградского пролетариата, завершилось взятием Советами власти в свои руки. Началось победное шествие социалистической революции по всему Туркестанскому краю. Так с победой Великого Октября открылась новая эпоха в жизни всей Средней Азии. Далекий, окраинный город бывшей империи повел счет новым славным десятилетиям. Невелик был его промышленный потенциал на старте социалистического созидания. Несколько кирпичных, маслобойных и хлопкоочистительных заводиков. Только-только появился трамвай, а самым распространенным видом транспорта была арба.

Преображалась Страна Советов, а вместе с ней молодел, развивался и новый Ташкент. Я родился, можно сказать, вместе с тем городом, который был ровесником второй пятилетки. Он быстро поднимался на ноги, превратившись в крупный центр промышленности, науки и культуры. Теперь Ташкент лелеял и развивал вполне современные предприятия обрабатывающей, легкой промышленности. А последовательная реализация ленинских принципов национальной политики привела к быстрому расцвету экономики и культуры Узбекской ССР. И, конечно, ее столицы. Столь обычное для старой России понятие, как отсталая национальная окраина, перестало существовать! В докладе, посвященном шестидесятилетию СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Юрий Владимирович Андропов сказал: «Впервые в истории многонациональный состав страны превратился из источника ее слабости в источник силы и процветания».

А разве могут жители узбекской столицы забыть о годах Великой Отечественной войны! Сюда устремились десятки, сотни учреждений, институтов, заводов с запада нашей великой Родины. Ташкент дал приют тысячам людей, эвакуированных в глубокий тыл.

В ту пору для пятидесяти тысяч ребят всех национальностей Узбекистан стал родным домом. И это еще одна замечательная черта столицы республики — умение быть другом и братом. Вот и сейчас здесь проживают представители более ста национальностей! Есть у нас прекрасный символ дружбы советских народов — памятник кузнецу Шаахмеду Шамухмудову, воспитавшему вместе с женой Бахри пятнадцать детей различных национальностей. Воздвигнут памятник на площади Дружбы народов.

Весь мир знает о гостеприимстве Ташкента. Здесь четверть века назад состоялась первая встреча писателей стран Азии и Африки. Незабываемы дни ташкентских кинофестивалей, в которых принимали участие деятели кино из десятков стран Азии, Африки, Латинской Америки...

Город растет и растет. На его карте появились новые жилые массивы, площади, улицы, бульвары. Там и тут строительные леса... Минуло всего семнадцать лет после известного землетрясения, а город, которому был нанесен огромный урон, сегодня не узнать — так он отстроился, похорошел. Тогда пострадали в общей сложности почти сто тысяч квартир площадью без малого в три миллиона квадратных метров. Но город пережил бедствие, поднялся из руин. Именно в те дни он получил красноречивый эпитет — мужественный. За стойкость жителей, не дрогнувших перед стихией. Главное, ташкентцы не остались одинокими в той своей беде! Во всенародном «хашаре» по восстановлению их домов, заводов, больниц, школ, улиц, площадей плечом к плечу с ними самоотверженно трудились посланцы Москвы, Ленинграда, всех братских республик. Волею партии, руками всего советского народа Ташкент был не просто возрожден — он превратился в один из самых красивых, самых благоустроенных городов нашей Родины. По существу, заново была проложена сеть инженерно-технических коммуникаций. Изменен облик магистральных улиц, преобразован центр. Ныне Ташкент украшают сказочные архитектурные ансамбли, уникальные здания административного и культурно-бытового назначения, широкие улицы, проспекты. И этому городу двадцать столетий? Да, конечно, но как он прекрасен и деятелен! Как он юн, этот новорожденный город!..

«Отрадные перемены в жизни Узбекистана,— подчеркивает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов,— небывалые успехи в развитии экономики, культуры республики достигнуты благодаря огромной, поистине неоценимой помощи всех братских народов и прежде всего нашего старшего брата — великого русского народа». Да, нынешний Ташкент — образец последовательного претворения в жизнь ленинских принципов интернационализма, дружбы советских народов. Пройдите по его улицам и площадям, загляните в новые жилые массивы, познакомьтесь с его трудовыми коллективами — вы всюду увидите плоды этой дружбы. В Ташкенте нет ни одного крупного предприятия, в создании которого не приняли бы участие братские республики. Еще до войны с помощью РСФСР и других республик у нас были построены завод сельскохозяйственного машиностроения — ныне «Ташсельмаш», выпускающий хлопкоуборочные машины для соседних хлопкосеющих республик и для зарубежных стран, текстильный комбинат, продукция которого известна далеко за пределами нашей страны. В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Ташкента проявили героизм при монтаже эвакуированных заводов. И сегодня не счесть примеров традиционной дружбы советских людей разных национальностей. Один из них — наш метрополитен. Его строили московские метростроевцы, признанные мастера своего дела, а рядом с ними вели подземные магистрали и возводили подземные дворцы ташкентцы, которые быстро овладели новыми профессиями. Да так, что сегодня даже приезжие москвичи искренне восхищаются ташкентским метро. А новая телевизионная башня?! Ее сооружали с помощью ленинградских специалистов. Самые тесные связи существуют между коллективом нашего тракторного завода и владимирскими тракторостроителями — когда-то «владимирец» послужил прототипом для создания трактора для хлопководов. И вот уж совсем недавно Ташкент украсил новый прекрасный архитектурный комплекс. Че-

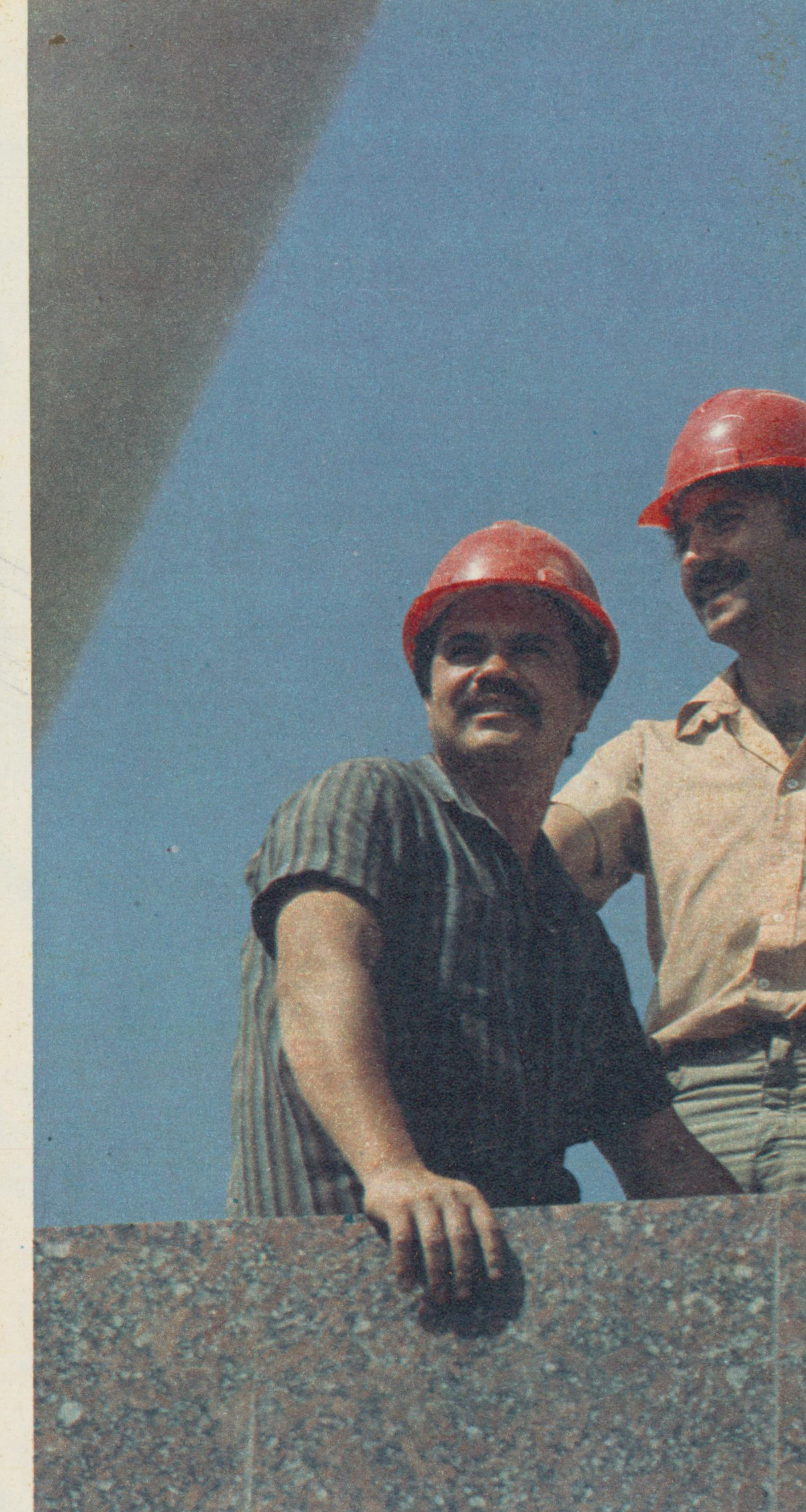
Ташкенту — 2000 лет. Эту цифру сегодня можно увидеть и на расцвеченных полотнищах, украсивших улицы и дома города, и на узорных коврах-сувенирах, и даже на праздничном узбекском хлебе * Древние рукописи — свидетельства истории * Памятник «Дружбы народов».

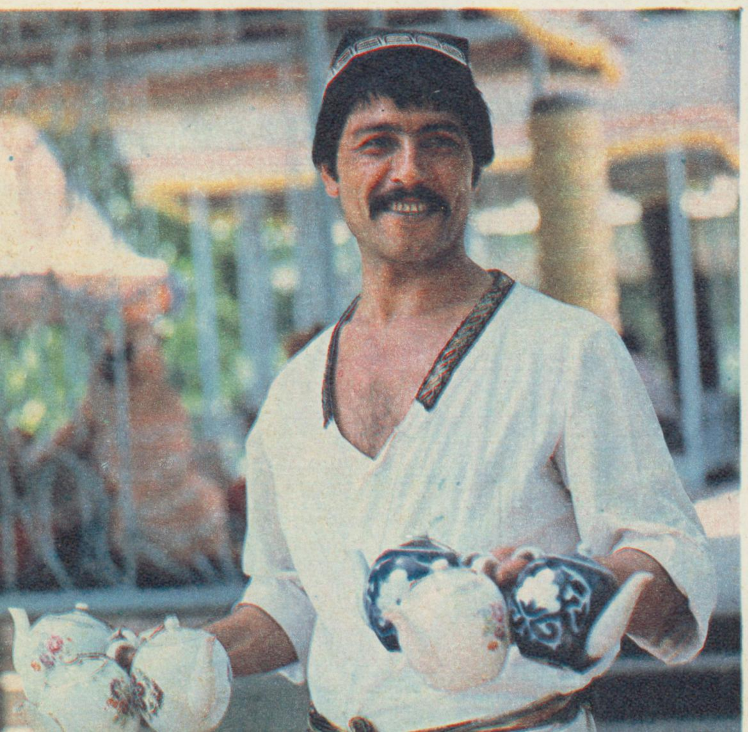
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Гостиница «Москва» * Строители радиотелевизионной передающей станции: каменщик Рустам Тиллаев, прораб Сергей Аракелян, бригадир Владимир Стратулатов, монтажник Владимир Дугин, бригадир Вячеслав Кошкин и прораб Константин Соловьев * Чайханщик кафе «Голубые купола» Рустам Султанов * Станция метро «Площадь Ленина» * Новые тракторы * Строительство телебашни.

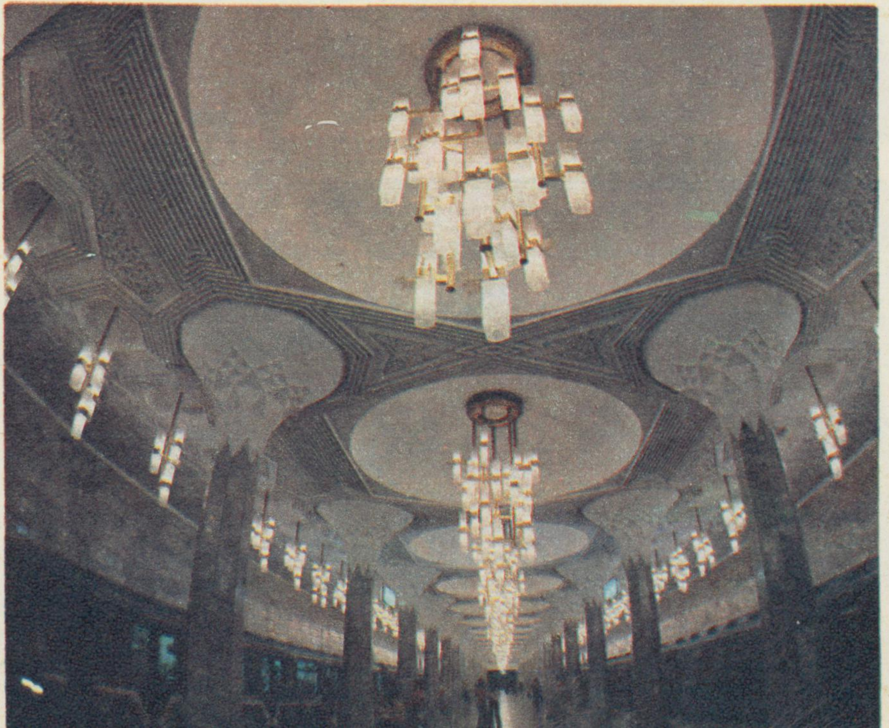

МОСКВА

тыре многоэтажных жилых здания поднялись на площади имени Хамида Алимджана — на площади, которой не было. Возвели их московские строители.

Сегодня в Ташкенте почти два миллиона жителей; по численности населения он четвертый в стране, после Москвы, Ленинграда и Киева. За последние шестьдесят лет его население увеличилось почти в восемь раз! Предприятия более семидесяти отраслей индустрии производят пятую часть всей узбекской промышленной продукции. О масштабах развития экономики столицы республики свидетельствует хотя бы такой факт: до революции город снабжала энергией одна дизельная электростанция мощностью двести пятьдесят киловатт, а сейчас Ташкент потребляет миллион киловатт. В стране работают экскаваторы и самолеты с маркой ташкентских предприятий...

И еще Ташкент — город молодых. Здесь около шестисот тысяч учащихся и студентов. Девятнадцать тысяч научных сотрудников ведут исследования в научно-исследовательских учреждениях, и в большинстве своем они тоже молоды, как и те отрасли науки, в которых они преуспевают.

Ташкент и ташкентцы... Рассказывая о городе, нельзя не сказать о его жителях — работящих, обаятельных, улыбчивых и гостеприимных... По роду своей деятельности мне каждый день приходится встречаться с десятками людей, советоваться с ними, работать с ними. В нашем городе множество достойных людей. Среди моих единомышленников—ученые и рабочие, инженеры и партийные руководители. Это и наши доблестные ветераны и представители учащейся молодежи. Это и все те, кто влюблен в свой город, кто отдает ему все знания, энергию, кто умеет мечтать и претворять мечты в жизнь.

Среди них — Мавжуда Саматова, учительница школы № 115. Ее биография характерна для биографии женщины-узбечки, которую Советская власть, весь наш советский образ жизни сделали полноправным членом общества. Восемнадцать лет было девушке, когда она ушла добровольцем в действующую армию, ушла на войну с немецко-фашистскими захватчиками. После Победы Мавжуда окончила педагогический институт и до сих пор учит детей, воспитывает в них идейную убежденность, любовь к Родине, трудолюбие. Она депутат Верховного Совета СССР девятого и десятого созывов. Ее труд отмечен рядом правительственных наград. Завидный характер, завидная судьба!

Или Фархад Юсупович Турсунов — директор ташкентского проектного института. Коллектив, которым он руководит, проводит большую работу по реконструкции Ташкента. Сам Фархад Юсупович является одним из авторов такой значительной работы, как генеральный план развития Ташкента до 1990 года. Его талант проявился в реконструкции площади В. И. Ленина, в проектах застройки таких крупнейших магистралей, как Узбекистанская, Дружбы народов. Турсунов — лауреат Государственной премии СССР, один из авторов нового центра Ташкента.

Всегда интересны для меня встречи с генеральным директором авиационного производственного объединения имени Чкалова В. Н. Сивцом. Виктор Николаевич — знающий директор, он пользуется заслуженным авторитетом у коммунистов города. Бывая на инструментальном заводе, я каждый раз не премину повидать Анатолия Андреевича Ефимкова — бригадира, Героя Социалистического Труда. Он и его товарищи перевыполняют сменные задания, отличаются высокой производственной дисциплиной, а сам Анатолий Андреевич — запевала многих трудовых почины. Я рад каждой встрече с народным писателем Узбекистана Назиром Сафаровым, которого называют аксакалом узбекской советской литературы. Талантлива молодая Дилором Сайдаминова, композитор, лауреат премии комсомола Узбекистана; совсем недавно она стала еще и лауреатом республиканской премии имени Хамзы за цикл песен о Ташкенте. И я понимаю ее: как не воспеть такой город!

Вот эти люди, как и многие другие им подобные, олицетворяют для меня мой Ташкент с его удивительной и величественной судьбой. Благодаря им наш Ташкент сегодня славится далеко за пределами страны; по их делам и песням судят об истории узбекского народа иные народы, далекие и близкие, на Западе и на Востоке.

Думаю, не случайно Ташкент называют звездой Востока — нет, это сравнение вовсе не преувеличение и не дань традиционной сказочности. Пройдитесь по его проспектам и площадям, загляните в тенистые парки и скверы, познакомьтесь с его оригинальными архитектурными ансамблями, приглядитесь к его людям... Прекрасен Ташкент! Над его гордой головой пролетели двадцать столетий, перед ним — его историческая дорога к намеченному.

Знатные ташкентцы: генеральный директор производственного объединения «Ташкентский тракторный завод» И. Х. Мусин, бригадир инструментального завода, Герой Социалистического Труда А. А. Ефимков, генеральный директор авиационного производственного объединения имени Чкалова В. Н. Сивец, художник, лауреат премии комсомола Узбекистана Б. Джалалов, прядильщица, Герой Социалистического Труда Б. Джураева, директор проектного института, заслуженный строитель Узбекской ССР Ф. Ю. Турсунов, директор института геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений, академик АН Узбекской ССР А. М. Акрамходжаев, композитор, лауреат премии комсомола Узбекистана Д. А. Сайдаминова, народный писатель Узбекистана Н. Сафаров, заслуженный учитель Узбекской ССР М. С. Саматова, заслуженный пилот СССР, Герой Социалистического Труда В. А. Дронов, старший мастер производственного объединения «Средазкабель», Герой Социалистического Труда Д. Разыков, токарь завода «Ташсельмаш», кавалер орденов Трудовой Славы II и III степеней Ю. И. Степаненко * Узоры тканые, узоры водяные.

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО, Л. ШЕРСТЕННИКОВА и ТАСС

ВОЗРАСТ ЗРЕЛОСТИ

Небольшая книжка Валентина Коткина «Дорогой борьбы и побед» посвящена юбилею движения писателей Азии и Африки, возникшего ровно четверть века назад. Свершается возраст зрелости. Каждая глава — миг бурной истории последних лет начиная с 1958 года, истории, спрессованной в борьбе и книгах писателей Алекса Ла Гумы из Южной Африки и Агостиньо Нето из Анголы, Таха Хусейна из Египта и Хироси Нома из Японии, Сембена Усмана из Сенегала и Субхаса Мукерджи из Индии, Муина Бсису из Палестины и Камиля Яшена из СССР... Их произведения отражают политические, социальные, идеологические сдвиги в общественной жизни, в умах и сердцах сотен миллионов вчерашних угнетенных из колониальных и зависимых стран. Причем важно отметить, что художники слова, прозаики и поэты Азии и Африки отстаивают интересы, достоинство своих народов не только пером, яркой публицистичностью, присущей их книгам, но зачастую и с оружием в руках.

Уже первая «конференция явилась важной вехой в истории Движения солидарности людей двух континентов,— пишет В. Коткин.— Она не только со всей тщательностью обсудила творческие проблемы, но и внесла большой вклад в развитие дружбы между писателями, способствовала укреплению связи их творчества с борьбой народов против империализма и колониализма».

Сегодня можно утверждать: Ассоциация писателей Азии и Африки — одна из самых широких и представительных международных литературных организаций в мире, и ее престиж прежде всего в том вкладе, который вносят эти литераторы в борьбу за мир, независимость и мировую культуру. В. Коткин приводит интересные цифры: только в нашей стране на сегодняшний день переведено и выпущено произведений афро-азиатских писателей из пятидесяти трех стран — почти четыре с половиной тысячи изданий.

Ташкент, Каир, Бейрут, Дели, Алма-Ата, Луанда — именно в этих городах за минувшие двадцать пять лет проходили конференции литераторов Азии и Африки, вызвавшие широкий международный и общественный интерес.

И вот скоро опять Ташкент, опять на советской земле соберутся прогрессивные писатели Востока, ветераны и молодые, те, кому предстоит продолжить это благородное дело. О чем будут говорить они? Конечно же, о мире, об искусстве, о своей земле, о своей борьбе. Ибо, как пишет автор книги, сегодня флаги независимости «гордо реют почти над всеми государствами двух великих материков. Трещат и шатаются стены последних бастионов расизма и апартеида... Этап за этапом, в нелегкой идейно-политической борьбе шли писатели Азии и Африки к единству — к своему двадцатипятилетию, к Седьмой юбилейной конференции».

В. Коткин. «Дорогой борьбы и побед». К 25-летию движения писателей Азии и Африки. Изд-во «Литературной газеты». М., 1983.

А. БАСМАНОВ

БЕССМЕРТНОЕ ИМЯ

Победа над мамаевой ратью в Куликовской битве обессмертила имя Дмитрия Донского, но в то же время она как бы затмила собой для современников и потомков остальную жизнь великого московского князя, сжав ее пусть до великого, но все же одного подвига. Об остальной жизни Дмитрия Донского до нас дошло не так уж много, хотя прожил он до Куликовской битвы без малого тридцать лет и умер почти десять лет спустя. «За сорок неполных лет,— пишет Ю. Лощиц в книге «Дмитрий Донской»,— он пережил столько, что этих событий хватило бы на срок вдвое больший — и для политика и для воителя...» Поэтому Ю. Лощиц не только стремился восполнить пробелы известных жизнеописаний Дмитрия Донского, но и показать, что вся его жизнь, заполненная до отказа тяжелым ратным трудом и трудом мирным, созидательным, была не меньшим подвигом, чем победа на Куликовом поле.

Последовательно «расширяя горизонт» вокруг главного героя, писатель вводит в повествование противников Дмитрия, «князей-соревнователей» (Михаила Тверского, Ольгерда Литовского, Олега Рязанского), рассказывает об истории взаимоотношений Москвы с соседними княжествами. Характеризуя Дмитрия Донского через «драматические отношения» с другими русскими князьями, Ю. Лощиц не идеализирует его, ибо «московский князь далеко не всегда умел противопоставить их всегдашним средствам борьбы свои новые, более высокого нравственного порядка средства». Но в то же время он, «как никто из его соперников... стремился к поиску таких новых средств».

Не менее важное значение для понимания политических и нравственных идеалов Дмитрия Донского имеют широко представленные в книге образы его друзей и единомышленников: митрополита Алексея, Сергия Радонежского, Владимира Серпуховского, Дмитрия Боброка — всех тех, кто жил «думой о малой и великой русской семье, тревогой о том страшном судном часе, который — предчувствовали они — выпал на долю их поколения и уже недалек».

Но основополагающее значение для понимания деятельности и самой личности Дмитрия Донского имеют изображенные в книге взаимоотношения его с «народной стихией». Хотя сделать это автору было гораздо труднее, чем историческому романисту, который «может многое додумать, населить свое произведение людьми из народа, заставить их разговаривать с князьями и воеводами». «Но для биографа,— пишет Ю. Лощиц,— домысел такого рода — вещь противопоказанная». Однако автор нашел свои, особые средства для выражения «народной точки зрения», нашел не в художественном вымысле, а в действительных фактах экономической и культурной жизни Москвы, в конкретных делах Дмитрия Донского.

Куликовская битва, изображаемая Ю. Лощицем как общенародный подвиг, стала «самым великим часом» и в жизни Дмитрия Донского, стремящегося до конца разделить со своим народом его судьбу: вместе с ним погибнуть или победить. Известно, что накануне сражения Дмитрий переоделся в одежду простого воина и бился с врагом плечом к плечу с рядовыми ратниками. Именно в этом поступке увидел автор главную сущность своего героя: «Он родился князем, в старинном княжеском роду, но в самый великий час своей жизни снял с себя княжеское, и тогда стало видно, что он по сути своей — представитель народа плоть от его плоти».

Юрий Лощиц. Дмитрий Донской, 2-е изд., «ЖЗЛ», М., «Молодая гвардия», 1983, 367 с.

В. КАЛИТА

ОН БЫЛ СОВЕСТЬЮ ЦЕЛОГО НАРОДА

Великий русский писатель И. С. Тургенев долгие годы провел во Франции, он, по сути, впервые познакомил западных читателей с русской литературой, являясь как бы полномочным послом отечественной словесности за рубежом. Тургенев знал и любил Францию, но Россия, русская культура, русский народ всегда оставались его идеалами. Он не мыслил себя вне русской культуры, посвятив все свое творчество родине.

В начале лета 1883 года неизлечимо больной писатель, находясь у себя на даче под Парижем, написал еще твердой рукой: «Назначаю госпожу Полину Виардо наследницей по завещанию всей моей собственности. Буживаль 17 июня 1883 года. Иван Тургенев». По другому его завещанию Полина Виардо, дружба великого русского писателя с которой длилась несколько десятилетий, стала наследницей и всей литературной собственности Ивана Сергеевича.

...Столетие назад, 3 сентября 1883 года, в 2 часа пополудни, Тургенев скончался от мучительной болезни (рак позвоночника) в возрасте 65 лет. Петербургским и парижским друзьям была известна негласная просьба Ивана Сергеевича о том, чтобы его похоронили на петербургском Волковом кладбище, возле могилы В. Г. Белинского, а наследница пожелала исполнить не только эту волю покойного, но и торжественно проводить из Франции прах великого русского писателя на родину.

Впервые печатаемые в нашем переводе письма Полины Виардо (которыми «Огонек» начинает публикацию материалов к 100-летию со дня кончины и к 165-летию со дня рождения И. С. Тургенева) к французскому писателю-академику Эрнесту Ренану напоминают о тех печальных «тургеневских» днях в Париже. Приношу самую большую благодарность внуку Полины Виардо, г-ну Жаку-Полю Виардо, члену международной ассоциации «Друзья Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран», недавно приславшему мне ксерокопии хранящихся в его семейном архиве писем Полины Виардо к Э. Ренану.

Ник. ЛЕОНТЬЕВСКИЙ,
кандидат искусствоведения

И. С. Тургенев на своей даче «Ясени» под Парижем.

Рис. К. Виардо — Шамро. 1883 г.

I

«Ясени
16 сентября 1883

Дорогой господин Ренан!

Симпатия и восхищение, которые питал к Вам великий и незабвенный друг Иван Тургенев, придают мне смелости обратиться к Вам с громадной просьбой: сказать прощальное слово, когда останки его последуют в Россию, в день, дата которого будет определена, лишь только мы получим необходимое разрешение министра внутренних дел из Санкт-Петербурга.

Наиболее достойным и самым благородным способом почтить великого русского поэта, ставшего в душе таким французом, было бы, по мысли моей и наших,— обращение к нему во Франции с прощальным словом, произнесенным устами одного из наиболее прославленных французов.

Я ожидаю и надеюсь на ответ, за который благодарю Вас заранее из глубины моего сердца.

Верьте, дорогой господин Ренан, моим чувствам восхищения, так же как и моей сердечной благодарности.

Полина Виардо».

На следующий же день Э. Ренан ответил: «Дорогая г-жа Виардо! Ваша мысль запала мне прямо в душу. Горжусь тем, что она у Вас возникла. Да, конечно, я сочту для себя большой честью выступить с прощальным словом, обращенным к тому гениальному гостю, чьим бесценным другом вы были. Именно Вам обязаны мы тем, что обладали им столь долгие годы.

Позвольте мне выразить Вам благодарность от общего имени. Поверьте в мою живейшую и искреннейшую дружбу.

Э. Ренан».

II

«Ясени
22 сентября 83

Какое восхитительное письмо Вы мне написали! Оно глубоко меня взволновало. Следовательно, я должна выразить Вам благодарность вдвойне, я и шлю ее Вам из глубины моего сердца.

Мои сыновья обратились к г. Абу, как президенту общества писателей, с просьбой сказать несколько прощальных слов великому романисту, и г. Абу ответил, что он будет весьма польщен выступить вместе с Вами... я полагаю!

Разрешение министра, наконец, получено. Теперь идут приготовления к отправке. Вы будете немедленно поставлены в известность, как только определится дата. Это зависит от массы мелочей!

Примите, дорогой господин Ренан, мои сердечные и благодарственные приветствия.

Полина Виардо».

ПЕРЕЖИТОЕ

Не случайно, видимо, у героев повести Вячеслава Горбачева «Земной поклон» есть своя любимая песня. Она известна многим, но каждый вкладывает в ее строки с в о е собственное содержание, и его судьба не всегда может соотноситься с ее памятным призывом:

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Вот и роман о гидростроителях, вышедший еще в 1977 году, Вяч. Горбачев назвал именно «За далью непогоды», не только использовав строчку из этой песни, но и сделав ее лейтмотивом всего повествования.

Книга «Земной поклон» включила в себя одноименную повесть, несколько рассказов и большой очерк «Тобою пройден перекат»— о строителях Саяно-Шушенской ГЭС.

Один эпизод этого очерка запоминается особо — рассказ о смельчаке, который пытается в одиночку преодолеть речную быстрину. Кто-то бросает: «Кто струю знает, тот пройдет...» И на недоуменный вопрос поясняет: «Есть, только она не видна отсюда... Да и там,— кивнул на воду,— не каждый заметит. Она, может, и вообще не видна — тихая больно струйка-то. Тонкая... И бегучая такая, как волосок...» Кто сумеет «взять» эту струйку, тот сможет преодолеть и сам перекат.

В таком постоянстве мотивов преодоления видны и отзвуки прежней — морской — профессии Вяч. Горбачева и целеустремленная решимость лучших из его героев.

Повесть «Земной поклон», определяющая лицо всего сборника, рассказывает о юношеской романтической любви и посвящена светлой памяти Милены — подруги юности. Отсюда и страстный романтический накал произведения и щемящая грусть, вновь и вновь охватывающая героя при мысли о нелепой и трагической гибели любимой. Ее облик постепенно начинает ассоциироваться с образом «малой родины» и далеким и прекрасным прошлым.

«Где б ни была та родная сторонка, ей всегда место в нашем сердце...» И далее следует лирический монолог — тоже своеобразный лейтмотив всего произведения:

«Бывает, иногда вдруг покажется, что потерялась туда дорога, песком забвенья перемело памятные стежки в прошлое. От такого чувства горько сердцу, и, словно в беззвучном крике, долгом, как журавлиный клин в осеннем небе, зайдется оно печалью.

В искуплении какой-то непрощаемой вины захочется преклонить голову перед отчим порогом. И тогда, в час душевной тоски и кротости, мелькнет перед глазами слабое, зыбкое виденье: мать провела усталой, натруженной, шершавой рукой по твоей щеке... То почудится сиплый, как всхлип жалейки, предутренний крик молоденького, не распевшегося еще петушка, когда по зябкой росной мураве убегал с удочкой к дремотно-спокойным и таинственным омутам. А то, как наяву, скрипнет очеп, полусонно звякает цепь и по стенам колодца гулко, с дребезгом полетит порожнее ведро озабоченной до свету молодайки...»

Этот образ родной земли и связанного с ним прошлого существует в повести как точка отсчета нравственного роста героя, его духовного возмужания. То матрос, то журналист, выступивший с первыми очерками под псевдонимом «Волнов», герой в повести Горбачева находится на рубеже какого-то решительного перелома в своей жизни. Этот перелом надви-

Вячеслав Горбачев. Земной поклон. М., «Советская Россия», 1983, 256 стр.

ТРИ ПИСЬМА ПОЛИНЫ ВИАРДО

Эрнест Ренан сказал в своей речи 1 октября на парижском Северном вокзале:

«Мы не отпустим без прощального слова этот гроб, возвращающий отчизне гениального гостя, которого мы знали и любили в течение долгих лет...

Душа его не была душой отдельной личности, более или менее богато одаренной природой,— то была некоторым образом совесть целого народа.

...Честь и слава великой славянской расе, появление которой на авансцене истории есть самый поразительный феномен нашего века; честь и слава ей, что она так рано нашла выразителя в таком несравненном художнике...

Когда ты будешь покоиться в твоем отечестве,— заключил Ренан,— пусть все, кто придет поклониться твоей могиле, вспомнят с симпатией о той далекой земле, где ты находил столько сердец, умевших понимать и любить тебя!»

III

«Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас из глубины моего опечаленного, но столь благодарного сердца. Вы великолепно сказали Прощальное слово в честь нашего знаменитого Друга, только Вы могли так сказать.

Я была бы очень счастлива и весьма польщена, если бы Вы пожелали отдать мне рукопись Вашей чудесной речи. Она поистине стала бы для меня реликвией! Просьба моя очень нескромная, я хорошо это сознаю, но мое восхищение настолько велико, что она, может быть, и простительна.

Горячо жму Вам руку и нетерпеливо ожидаю Ваш ответ.

Полина Виардо».

гался давно, и в ту пору, когда он наступил, героя потянуло на родину, в старый и тихий город с одноэтажными домиками, окруженными садами. Здесь еще живут друзья по школе, близкие Милены, все, кто помнит ее, так мечтавшую о подвиге, хотя и не успевшую свершить его...

Основная лирическая линия повести «Земной поклон» развертывается на фоне вроде бы обыденных картин из жизни современного города. Эпически неторопливо течет время стариков — отца и матери героя повести Вяч. Горбачева, смутно догадывающихся о тех тревогах, которые волнуют их сына. В повести «Земной поклон» и в рассказах память — это благодарное сыновнее чувство, определившее духовный мир лучших героев писателя.

«И знаю теперь, где бы я ни был, какое бы лихо ни пришлось пережить, труднее не будет. И горькая память этого лета уже никогда не изгладится во мне...

Земной поклон тебе, родина...»

В этих словах не обещание, а клятва в верности былому другу и самому себе.

Вл. СЕМЕНОВ

Леонид ЛЕНЧ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ТУСЬКА

Об институте нечего было и мечтать: к наукам Туся (дома и в школе ее звали просто Туськой) питала непреодолимое отвращение. Школьные преподаватели скрепя сердце вытягивали ей спасительные троечки. Она была высокая, осанистая, очень хорошенькая девица, особенно когда, потупив очи, мелодичным голоском робко просила: «Я вас очень прошу... Ну, разве я виновата, что уродилась такой неспособной!.. Очень вас прошу!..»

Тут она поднимала глаза, и редко кто мог устоять перед голубым пожаром ее мольбы.

При этом Туська вовсе не была дурочкой как таковой,— нет, по житейской части она отличалась смышленостью и соображала быстро и точно,— но каких-то мозговых извилин, управляющих более сложными процессами мышления, у нее явно не хватало.

Все же школа была окончена,— пришлось и Туське начинать свою трудовую жизнь. Или выходить замуж! Но молодые люди из породы «завидных женихов» охотно ходили с Туськой в кино и в кафе — на танцы (она была великолепной и тоже завидной партнершей), еще охотнее целовались и т. д., но почему-то всерьез ее не принимали, и Туське стала грозить участь остаться старой девой — партнершей на всю жизнь. Это ее огорчало и беспокоило.

Огорчало это и Туськиных родителей: папу — сотрудника одного из тихих научно-исследовательских институтов, о существовании которых широкая общественность нередко узнает лишь в день их шумной ликвидации, и маму-бухгалтера.

С помощью именно мамы Туська устроилась на работу по счетной части в учреждение, ведавшее оплатой труда авторов массовых песен — музыки и слов.

Учитывая Туськины натянутые отношения с арифметикой, ее в этом учреждении не загружали чисто счетной работой, а «посадили на справки». Что это означало? А вот что: позвонит по телефону автор музыки или текста и спросит, что делается у него на авторском счете,— Туська найдет по алфавиту его учетную карточку и своим ангельским голоском сообщит требуемые сведения. Работенка не изнурительная и все-таки оплачиваемая как-то. А главное, тут можно было — по маминому замыслу — завести хорошие знакомства. А вдруг какой-нибудь начинающий песенный гений — с хорошим авторским счетом! — по-настоящему оценит внешнее Туськино великолепие!

Однажды раздался телефонный звонок. Туська взяла трубку. Звонил старый поэт, автор старой славной песни, которая и сейчас нет-нет да и прозвенит то на эстраде, то по радио,— прозвенит и всколыхнет сердца и умы людей своей революционной энергией. Поэт, почему-то извиняясь за беспокойство, попросил сказать ему, что у него делается на счете. Туська порылась в алфавите и обнаружила, что на авторский счет старого поэта республиканское издательство перечислило довольно крупную сумму за его переводы песен национальных поэтов.

— Девочки, смотрите-ка,— негромко сказала Туська подружкам-счетоводам, сидящим рядом с ней в комнате,— старик ведь совсем, песок, небось, сыплется, а зарабатывает — дай бог!..

Одна из девочек отозвалась:

— А я, откровенно говоря, думала, что он уже давно умер...

Туська взяла трубку, лежавшую на ее столе, и сказала, что у поэта на его счете имеются деньги. Когда она назвала сумму, поэт, не скрывая своей радости, сказал с легким упреком:

— Почему же вы, дорогие товарищи, мне не сообщили, что у меня завелись такие деньги?

— А мы думали, что вы уже давно умерли! — сказала Туська своим ангельским голоском.

Наступила долгая пауза. Потом произошло разъединение: поэт положил свою трубку на рычаг.

Девочки-счетоводы, уткнув носики в свои счетные книги, делали вид, что заняты работой по самое горло. Одна, впрочем, не выдержала и сказала:

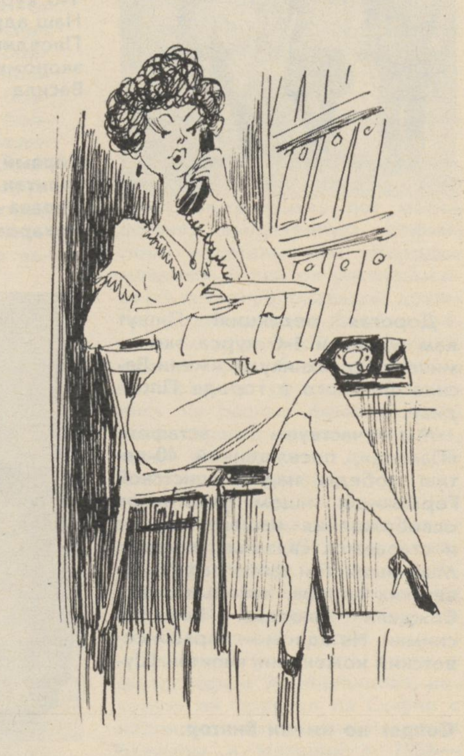
— Ты, Туська, случаем, не из бегемотов?

— При чем тут бегемоты?

— А бегемот — ведь самое толстокожее существо на свете!

Туська не нашлась, что ей ответить, а тут опять зазвонил справочный телефон, и рабочий ее день покатился обычным колесом.

Некоторое время спустя Туська, вечером сидя одна дома (папа с мамой ушли в гости), взяла от скуки вечернюю газету и на последней ее полосе, там, где публикуются извещения в траурных рамках, прочла короткий некролог о кончине старого поэта — того самого, который звонил ей по телефону. Чувство досады и неловкости охватило ее. Она отложила в сторону газету и задумалась. Из этой задумчивости ее вывел телефонный звонок. Звонил один из ее партнеров по танцам — некий Игорь, известный в их кругу по кличке «Наперсток» — за свой маленький рост. Он предложил Туське провести вечерок вместе, поплясать в кафе «Кошачий глаз», где стал выступать новый джаз «волшебной силы».

— А как пробьемся в «Глаз»? — спросила Туська.— Там, наверное, очередь ужасная у дверей?!

— Ты же со мной идешь! — сказал Наперсток внушительно и гордо.— Все обеспечено — вплоть до абрикотина и черного кофе...

Подвальный зал кафе, как всегда, был переполнен. Гремел и бушевал джаз «волшебной силы». Туська и Наперсток не пропускали ни одного танца и даже один раз сорвали аплодисменты сидевших за столиками посетителей кафе. От чувства досады и недовольства собой в душе у Туськи не осталось и следа.

9 сентября — годовщина социалистической революции в Болгарии. Национальный праздник болгарского народа — День свободы. Сегодня мы публикуем письма, пришедшие в адрес конкурса «Мы — интернационалисты», в которых рассказывается о дружбе между нашими народами.

ОСВОБОДИТЕЛИ ПЛОВДИВА, ОТЗОВИТЕСЬ!

Дорогая редакция! Пишут вам ученики 1-б курса экономического техникума имени Васила Левского в городе Пловдиве.

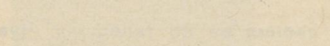
Мы участвуем в эстафете «Память», посвященной 40-летию победы над фашистской Германией: ищем участников освобождения нашего города и стараемся связаться с ними. Мы нашли три фотографии советских воинов, которые освобождали Пловдив. Вот эти снимки. На одном — первый советский комендант капитан Шутев, на других — свадьба офицера Игначкова и портрет солдата Виктора. Больше ничего о них не знаем. Потому обращаемся к вам с просьбой: опубликуйте, пожалуйста, эти снимки в журнале «Огонек», может быть, читатели помогут найти наших освободителей.

Мы будем бесконечно благодарны вашему участию и помощи.

С комсомольским приветом
1-б курс
Наш адрес:
Пловдив,
экономический техникум имени Васила Левского.

Первый советский комендант капитан Шутев (в центре). Справа — мэр города Асен Кожухаров.

Солдат по имени Виктор.

Свадьба офицера Игначкова.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ДРУГАРЕМ АЛЕКСИЕВЫМ

Перелистывая домашний фотоальбом, я часто показываю внукам фотографии своих сверстников — фронтовых и послевоенных друзей. Вот однополчанин, с ним исколесили много фронтовых дорог. С этим лежал в госпитале, а с этим учился в аспирантуре.

С особой теплотой и радостью показываю внукам снимки моего болгарского друга Николы Алексиева, рассказываю о легендарной судьбе этого замечательного человека. Наше знакомство состоялось восемь лет назад, но кажется, что мы дружим всю жизнь.

По приглашению Центрального совета болгарских профсоюзов я в июне 1975 года приехал в Софию. Секретарь ЦС БПС Георгий Боргов, расспрашивая о моей работе по исследованию казахстанско-болгарских профсоюзных интернациональных связей, назвал имя ветерана болгарского революционного профдвижения Николы Алексиева.

Меня это чрезвычайно заинтересовало. Вспомнил, что много лет назад один историк Казахстана упоминал о болгарском журналисте Алексееве, с которым в годы нашей первой пятилетки он поддерживал тесные связи. В подшивках старого журнала я не раз встречал информацию об Алексееве: арестован, заключен в центральную тюрьму в Софии, находится в одиночной камере Пловдивской, затем Плевенской тюрем и т. д.

Я спросил Боргова:

— А не один ли это человек — Алексеев и Алексиев? И как он поддерживал связь с советскими корреспондентами в условиях старого режима Болгарии?

Георгий Боргов улыбнулся мне в ответ и стал расспрашивать о целинных совхозах Казахстана, в которых ему пришлось побывать, о солнечной столице республики Алма-Ате и о шахтерском крае Караганде.

А утром следующего дня ко мне в гостиницу пришел убеленный сединою, статный и подтянутый пожилой мужчина с пытливыми глазами. Он пожал мне руку и отрекомендовался:

— Я тот Никола Богданов Алексиев, которым вы интересовались.

Другарь Алексиев рассказал, что родился он в городе Берковица в 1909 году в семье бедного ремесленника.

— Учился на агрономическом факультете Софийского университета,— продолжал он,— но меня выгнали из университета, как редактора коммунистической газеты «Студенческая трибуна».

Партийный стаж Алексиева исчисляется с 1930 года. Он был редактором профсоюзной газеты «Единство», ежемесячного журнала на эсперанто «Балкана лабористо» («Балканский рабочий»), газет «Международен език» и «Международен рабселкор».

Письма из Советского Союза, в том числе из Казахстана, он лично передавал редакторам газеты «Поглед», издаваемой ЦК БКП, Георгию Караславову — классику болгарской революционной литературы и Владимиру Топенчарову — ныне академику, профессору новой истории.

Из-за произвола властей и жесткого таможенного досмотра на границе в конце двадцатых годов в Болгарию поступало очень мало информации о Советском Союзе. Между тем интерес болгарских трудящихся к жизни советского народа был велик.

Никола Алексиев (справа) и автор этих строк.

Николе Алексиеву и другим революционным журналистам приходилось доставать материалы в чрезвычайно трудных условиях. Казахстанская газета «Советская степь» от 18 марта 1929 года писала: «Революцион-

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ?

Признаться честно, каждый из нас волновался, когда в 1971 году ехал на учебу в Советский Союз. Страну Октября мы хорошо знали по школьным учебникам и книгам, фильмам и телепередачам. Теперь же предстояло целых пять лет жить вдали от родительского дома, от старых друзей и знакомых. До встречи в СССР мы с женой не знали друг друга, жили в разных городах. Может, и проучились бы мы в Харькове каждый в своем учебном заведении, если бы не наши новые советские друзья.

Болгарское землячество в Харькове одно из крупных. Это и неудивительно. В полуторамиллионном городе только высших учебных заведений насчитывается больше двадцати, а обучаются в них сотни студентов из стран социалистического содружества, развивающихся государств Азии, Африки, Латинской Америки.

Наше землячество работало в тесном контакте с городским отделением Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами. А одним из любимейших мероприятий были интернациональные вечера дружбы. Учеба учебой, но студенты и отдохнуть хорошо умеют. На болгарские вечера в городском Дворце студентов даже самим болгарам трудновато бывало попадать. Собирались сверстники из многих вузов и долго не искали

ному напору рабочего класса буржуазия противопоставляет свой единый фронт с социал-демократией и фашизмом. Тюрьмы, ссылки, смертная казнь — вот чем отвечает буржуазия на революционные стремления рабочих. В одной только Болгарии убито 20 тысяч рабочих и крестьян...»

Николу Алексиева много раз арестовывали, судили. В тюрьмах он в общей сложности находился почти восемь лет. В начале 1944 года тюремщики освободили его, болевшего туберкулезом. И тем не менее Алексиев самоотверженно выполнял задание коммунистической партии: пропагандировал на страницах нелегальных и полулегальных революционных изданий правду о Стране Советов.

— Письма из СССР в те годы,— рассказывал мне Николай Алексиев,— поступали в Болгарию не напрямик, а окольным путем через надежных адресатов в Германии, Англии, Франции. Там поступавшую из СССР почту вкладывали в другие конверты и отправляли в Болгарию. Особенно много литературы из СССР шло через Лейпциг, через одного из руководителей германского Союза рабочих-эсперантистов, коммуниста, личного друга Эрнста Тельмана — О. Бесслера.

При помощи Алексиева я разыскал в болгарских изданиях тех лет интересные материалы о Турксибе, о новостройках в Казахстане и в других республиках СССР.

Так, в газете «Поглед» от 5 ноября 1930 года была опубликована интересная статья «Успехи Советского Казахстана: что сделано за десять лет в ранее полудикой стране. Огромный хозяйственный и культурный подъем». Революционные издания освещали ход социалистического соревнования, ударничества и стахановского движения в Советском Союзе.

— Газеты и журналы с материалами об СССР,— сказал Алексиев,— передавали из рук в руки, из города в сельскую местность, буквально зачитывали до дыр.

После победы социалистической революции в Болгарии Никола Алексиев отдавал делу дружбы всю свою энергию, опыт и знания в качестве главного редактора профсоюзной газеты «Труд», секретаря ЦС БПС, заместителя председателя Комитета дружбы и культурной связи с заграницей, члена Всемирного Совета Мира, многих других национальных и международных организаций.

Он автор многих книг, посвященных героическому пути БКП и революционных профсоюзов, борьбе с фашизмом.

И сегодня Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель культуры НРБ Никола Алексиев остается в строю.

И. ПОРТНОЙ,
доцент Карагандинского политехнического института, кандидат исторических наук

ГУСАРСКАЯ РЕЛИКВИЯ

Павла Ильича Лещинского хорошо знают жители города Тейкова Ивановской области. Он участник Великой Отечественной войны, больше сорока лет работает врачом-протезистом в районной больнице. Многие правительственные награды украшают грудь бывшего воина.

Каждый, кто бывает в доме у П. Лещинского, обязательно обращает внимание на гусарский головной убор, который лежит на круглом столике. В верхней части высокой фуражки на металлической оправе значится: «За Телиш 12 октября 1877 года». В центре на кокарде надпись: «За веру и верность». Эта семейная реликвия принадлежала деду Лещинского — участнику освобождения братской Болгарии от османского ига. Символ мужества и стойкости русского воина передается в семье из поколения в поколение.

Б. ОДИНЦОВ

г. Тейково, Ивановская область.

Осень 1944 года. Советские летчики со своими болгарскими друзьями. Крайний слева — Федор Лапшов.

РОЖДЕННАЯ В БОЯХ

В моем семейном альбоме хранится несколько фотографий времен Великой Отечественной войны. На одном снимке — советские летчики, среди которых капитан 860-го бомбардировочного авиаполка 17-й воздушной армии Федор Васильевич Лапшов с болгарскими друзьями.

Экипаж Лапшова участвовал в освобождении Болгарии от гитлеровцев. Когда советские летчики возвращались на Родину, болгарские друзья вручили им подарки в память о боевом братстве. Командир болгарского партизанского соединения подарил Федору Васильевичу свой именной пистолет.

— Бери, другарь,— говорил плотный, невысокого роста болгарин,— наша дружба — на века.

Афанасий Лапшов, участник гражданской войны в Испании.

За мужество и личную отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками Ф. В. Лапшов был удостоен орденов Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, многих медалей.

Брат Федора Васильевича, Афанасий Лапшов, сражался в Испании, был инструктором в интербригаде, которой командовал генерал Лукач — Мате Залка. Товарищи знали Афанасия Лапшова как подполковника Атанасова. Этот псевдоним дал советскому командиру болгарин Александр Миленков,

Болгарин Александр Миленков, боец партизанского отряда «Г. Бенковский».

который служил у него шофером.

Я переписываюсь с А. Миленковым. Он прислал мне свою книгу «Семь лет молодости», выпущенную софийским издательством «Народна младеж». В ней он рассказывает об интернациональной дружбе, родившейся в боях с фашизмом в далекой Испании. А позже два боевых друга — болгарин и русский — сражались на разных фронтах, громили общего врага — фашизм, один в Болгарии, другой на Волховском фронте.

А. Миленков тогда еще не знал, что Афанасий пал смертью храбрых в 1943 году на калужской земле. Он не знал, что его боевой друг по войне в Испании удостоен звания Героя Советского Союза.

Как дорогую память я храню фотографию А. Миленкова, которую он прислал из Софии с надписью: «Интернационалист бригады в Испании в 1936—1939 годах, партизан из отряда «Г. Бенковский», округ Видин». Насчет своих боевых наград он написал так: «Вместе с орденами и медалями у меня на груди увидите гранаты, которые помогали ковать Победу».

В. БЕРДНИКОВ

с. Старый Чирчим, Пензенская область.

повода для знакомств. Язык общения был один — русский. И тех, кто однажды посетил такой карнавал с веселыми песнями, национальными танцами, не приходилось зазывать в следующий раз. Вечера посвящались торжественным датам в жизни двух стран — СССР и Болгарии, началу и концу учебного года, а самый грандиозный и запоминающийся устраивался совместно один раз в году, 31 декабря. К концу первого курса мы особенно сдружились с парнями и девушками из политехнического.

Однажды новые знакомые предложили нескольким болгарам, в числе которых оказались и мы, совместно провести выходные дни в походе за городом. Возможно, случайность свела болгарку Цветелину Иванову, студентку филологического факультета из Харьковского государственного университета, и ее соотечественника Георгия Додунекова из политеха. Но это оказался тот самый Его Величество Случай, после которого мы не расстаемся до сегодняшнего дня и уже пятый год воспитываем сына с русским именем Николай.

Годы учебы пролетели, словно мгновение. Со слезами на глазах расставались мы с полюбившимся нам городом, а друзьям студенческой юности дали клятву о дружбе. Сейчас живем и работаем в родном городе мужа Велико-Тырново. Мама Николая работает преподавателем русского в университете, отец — инженер одного из заводов. Раз в году едем в Софию на встречу выпускников, берем с собой старые и новые фотографии, письма от друзей из СССР и делимся новостями с бывшими сокурсниками. Бывает, что советские друзья приезжают в гости. Тогда подолгу засиживаемся вечерами и, перебивая друг друга, спрашиваем: «А ты помнишь, как?..» В прошлом году сами приехали на автомашине в Москву, Харьков. И поход за город состоялся, на то самое место, где десять лет назад произошла наша встреча...

Цветелина и Георгий ДОДУНЕКОВЫ

Велико-Тырново.

Портрет актрисы работы В. Серова.

Вся жизнь великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой была отдана Малому театру. Здесь она впервые, затаившись в суфлерской будке отца, ощутила волшебство сцены, увидала непревзойденного Щепкина. В четырнадцать лет уже испытала первую горечь неудачи в водевиле Ленского.

И здесь же блистательно дебютировала в роли Эмилии Галотти, отметив в дневнике: «30 января 1870 года. День этот вписан в историю моей жизни такими же крупными буквами, как вот эти цифры, которые я сейчас написала. Сбылось то, о чем я... не смела мечтать... Я актриса!»

Почти все, что было уготовано судьбой, прекрасная женщина пережила здесь: восторженную манифестацию студенческой молодежи 7 марта 1876 года, когда в монологе Лауренсии («Овечий источник» Лопе де Вега) прозвучал призыв к борьбе за свободу униженного и оскорбленного народа. А потом ей вручили запрет на последующее исполнение пьесы Л. Гуальтьери «Корсиканка», где актриса, потрясенная гибелью Софьи Перовской, единственный раз — 25 ноября 1881 года — сыграла роль Гюльнары, убивающей деспота... Зато семнадцать лет играла она героиню в «Орлеанской деве» Шиллера, поражая зрителя силой образа Жанны д'Арк, идущей на смерть ради свободы.

За свою более чем полувековую творческую жизнь М. Н. Ермолова сыграла свыше 280 ролей,— было бы наивным полагать, что все шло гладко на ее пути.

Были и неудачи, и укусы недалекой критики, и неравная борьба с затхлой казенщиной императорского театра... Актриса вынесла...

В декабре 1899 года она пишет в Крым, друзьям, семье доктора Л. В. Средина: «...прочтя штук 50 пьес, все-таки остановилась на «Месяце в деревне»... Возвратясь из Крыма, я нашла Теляковского (в то время управляющий конторой Московских императорских театров.— В. Г.) не тем, чем он был прошедший год относительно меня. В прошлом году это был мой искренний, горячий поклонник, в нынешнем году я нахожу в нем вежливого начальника. Перемена была так неожиданна, что я ей не сразу поверила. Но разные мелочи подтвердили мои убеждения, что тут что-то есть... Он говорил здесь, в Петербурге, что может обойтись без Ермоловой!» И далее: «...не удивляйтесь, если услышите, если я покину Малый театр и, может быть, перейду к Алексееву [1]. Немирович очень меня зовет. Это пока еще, конечно, секрет и очень неопределенно, только предположения».

Предположение актрисы не сбылось. Уже в январе 1900 года она пишет в Крым: «Я довольна бенефисом. Настроение в театре было хорошее, радостное. Тургенев сделал свое дело... Публика невольно заслушивается этой прелестной музыкой разговора и тонких ощущений».

А в ноябре того же года, сыграв после продолжительной болезни роль Негиной в «Талантах и поклонниках» А. Н. Островского, актриса сообщила: «Публика устроила мне такую овацию, что она одна могла вознаградить за все дурное, что я последнее время испытала в театре. Да ведь и немудрено, я — законная дочь Москвы, во всем ее хорошем и дурном».

Да, М. Н. Ермолова была истинной «дочерью Москвы», а ее «отцом» — Малый театр. В 1907 году она, не удовлетворенная крайне низким уровнем репертуара, но сославшись на болезнь, распрощалась (на год) со своим театром. В тот день, 4 марта, ее прощальный спектакль, несмотря на запреты властей, вылился в подлинную манифестацию любви и признательности к актрисе, которая была выразителем передовых идей прогрессивной интеллигенции и революционно настроенной молодежи. В те дни газета «Русское слово» писала: «...кажется, не найдется в России ни одного театра, ни одной труппы студенческого общества, общественных корпораций, которые бы не откликнулись на этот прощальный спектакль. В выражениях глубокого почитания таланта, бесконечной благодарности за пережитые впечатления соединились люди нескольких поколений». Не ожидавшая этого взволнованная Ермолова сказала: «На мою долю выпала великая честь — быть актрисой Малого театра, служить его возвышенным идеалам и традициям. И я полагаю, что сегодня в моем лице вы чествуете наш Малый театр. Я вместе с моими товарищами, как могла, служила этим идеалам. И я надеюсь, что еще буду!..»

Да, вернувшись на сцену в 1908 году, М. Н. Ермолова снова много лет радовала зрителей. На последнем юбилее — 2 мая 1920 года,— посвященном пятидесятилетию ее творческой деятельности, она, несмотря на недоумение даже многих поклонников своих, вышла на сцену в роли Марии Стюарт, еще раз подтвердив неизменную приверженность к высокой драматургии. И — свою силу!

Ведь тогда, несмотря на голод и разруху, царившие в стране, кажется, вся Москва горячо рукоплескала великой актрисе. Отто Юльевич Шмидт, представитель Народного комиссариата просвещения, прочитал со сцены постановление Совнаркома, принятое по инициативе В. И. Ленина, который в тот день сам был на спектакле. Первой из советских театральных деятелей Ермолова получила высокое звание народной артистки республики. А народ России в наследство от прежнего театра получил талант, силу и красоту М. Н. Ермоловой.

Вячеслав ГРОНИН

---

[1] Подлинная фамилия К. С. Станиславского.

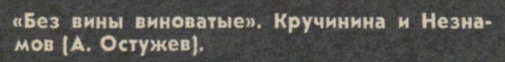

Офелия в «Гамлете».

М. Горький, М. Ермолова, Л. Средин и А. Алексин на даче Средина. Ялта, 1899 г.

В музее Марии Николаевны Ермоловой.

«Без вины виноватые». Кручинина и Незнамов (А. Остужев).

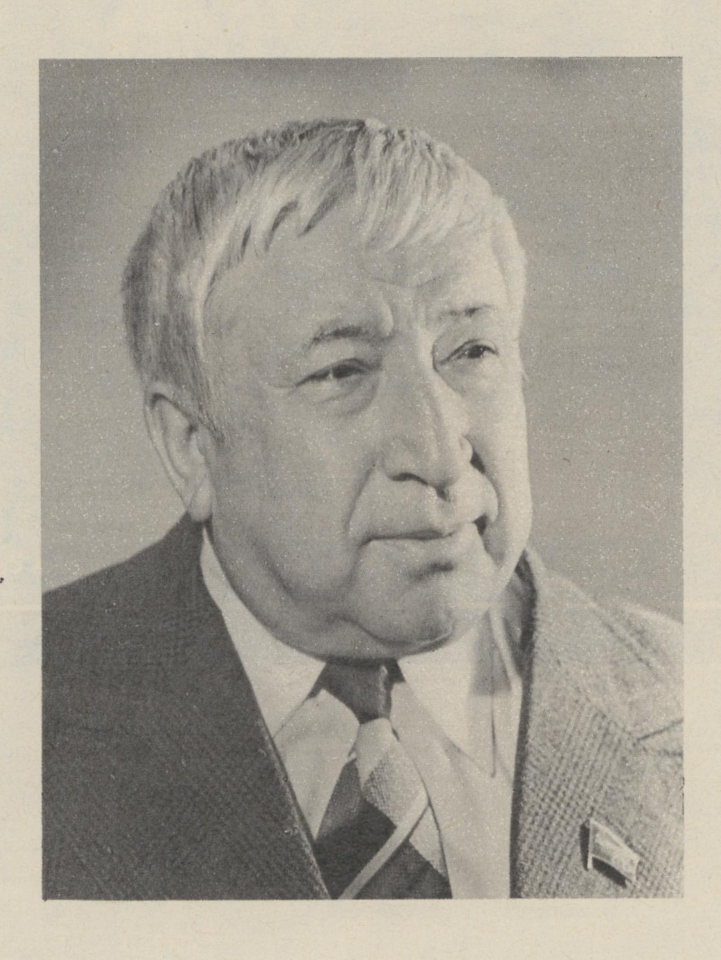
В роли Марии Стюарт.

«Стакан воды». Королева Анна — М. Ермолова, герцогиня Мальборо — Е. Лешковская.

«Присягаю на верность...»

К 60-летию со дня рождения Расула Гамзатова

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

Расул Гамзатов... Один из самых известных современных советских поэтов, один из самых популярных и любимых читателями... Наверное, мы не преувеличим, если скажем, что в каждой из наших братских республик знают, любят, читают книги замечательного поэта, создающего свои стихи на аварском языке и родившегося в горном дагестанском ауле Цада...

И чье сердце не сожмется при звуках удивительных гамзатовских «Журавлей»:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса!

Два старших брата Расула Гамзатова погибли в годы Великой Отечественной войны. Поэт убежден, что с «кличем журавлиным от века речь аварская сходна», он слышит, как птицы на его родном языке выкликают имена павших... Это одновременно и напоминание о журавликах Хиросимы — символе веры в непобедимую жизнь... И для всех нас — щемящий образ единства поколений, несущих бессмертие Родины, волю к спасению человечества.

В прозаической книге «Мой Дагестан» поэт говорит: «Расул по-арабски означает «посланец», или, еще точнее, «представитель». Так чей же я посланец, чей представитель?» И отвечает: «Мой маленький Дагестан и мой огромный мир. Вот моя жизнь, моя симфония, моя книга, вот моя тема». А поэму «В горах мое сердце» завершает клятвенно:

Присягаю на верность отцовскому краю,
Снова песню мою устремляю в полет.
Я тобою дышу, я тебе присягаю,
О мой малый народ, мой великий народ!

«Характер гордый твой не стерся, и в речи образность живет»,— отмечает Расул Гамзатов черты нравственной и творческой самобытности земляков, обретших подлинное национальное достоинство в социалистической революции. По-аварски, с гордостью заявляет поэт, «человек» и «свобода» обозначаются одним словом — советский строй объединил эти понятия в реальности. И не случайно у Гамзатова есть два стихотворения под одним названием — «Родной язык»: и аварский язык и русский — оба родные, оба — речи свободы и человечности.

Отец Расула Гамзатова — знаменитый поэт Гамзат Цадаса, один из основателей советской литературы Дагестана. Сын унаследовал неутомимый интерес к литературе, культуре, истории Дагестана, Кавказа. В книгах прозы «Мой Дагестан», «Верность таланту», в статьях, в стихах и поэмах Р. Гамзатов неизменно обращается к именам и творчеству певцов гор. Это и аварский лирик Махмуд, особенно ценимый Р. Гамзатовым, и лезгинский поэт Сулейман Стальский, и лакский писатель Эффенди Капиев, и лакский поэт Абуталиб Гафуров.

Творчество Расула Гамзатова поражает многообразием, неиссякаемостью, масштабом. В его основе — сильный, пламенный характер, объединивший исконные черты горца, мужественного сына Дагестана, и современное гражданственное мышление советского поэта, который глубоко, страстно переживает противоборство светлых сил мира и темных сил войны.

Двадцатый век сурово хмурит брови,
Мы дети века, стыд нам и позор:
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливалось в мире до сих пор.

Двадцатый век устало щурит веки,
Мы дети века, честь нам и хвала:
Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.

...Чем пленяет аварский поэт русских читателей и читателей других народов, узнающих поэта в переводах на русский язык? Мы все любим пылкий, красочный, веселый, нежный, мужественный, высокий язык страсти, каким владеет Восток, поэзия Востока. (Талантливые поэты — переводчики стихов Р. Гамзатова — Н. Гребнев, Я. Козловский, В. Солоухин, Я. Хелемский, Ю. Нейман, Е. Николаевская, И. Озерова, И. Снегова, Р. Рождественский, и другие — воссоздали этот зажигающий стиль.) Р. Гамзатов ничего не идеализирует, не реставрирует архаику; поэт предельно современен, социален, непосредствен. И все-таки... достаточно ему заговорить, как вы узнаете в нем человека гор, всадника, воина, влюбленного поэта Востока:

Если ты мужчина, узаконь
И предай огласке повсеместной,
Что мужское сердце — это конь,
Скачущий в горах над самой бездной.

Женщина, а ты мне подтверди —
Это ведь не вымысел, а правда,
Что плывет у женщины в груди
Колыбель, покачиваясь плавно.

Оказывается, в наш стремительный и практический век возник голод на высокое: человек не может без возвышенных понятий, без высоких вечных слов, без поклонения, даже без некоей, что ли, церемониальности. Конечно, противоборство сил добра и зла невозможно разрешить с помощью восточного обычая, но какая прекрасная человеческая правда в поэтическом жесте:

В горах джигиты ссорились, бывало,
Но женщина спешила к ним и вдруг
Платок мужчинам под ноги бросала,
И падало оружие из рук.

О женщины, пока в смертельной злости
Не подняли мечей материки,
Мужчинам под ноги скорее бросьте
Свои в слезах намокшие платки.

В этой поэзии женщина на пьедестале; в этой поэзии — культ женщины; в этой поэзии мужчина коленопреклонен перед женщиной.

В этой поэзии — культ матери. Сколько благодарных откликов вызвала поэма Расула Гамзатова «Берегите матерей»! И его стихотворение «Мама» и еще множество строк и строф о матери, о маме... «По-русски «мама», по-грузински «нана», а по-аварски ласково — «баба».

В этой поэзии есть «Остров Женщин» — поэма-странствие, поэма-утопия об острове, где царствует любовь, о Республике любви:

Не знают здесь ни танков, ни орудий,
Здесь навсегда запрещены бои,
Здесь только от любви страдают люди,
Все раны тоже только от любви.

Но поэзия Расула Гамзатова слишком мужественна, слишком яростна и правдива, чтобы поверить в сон, в утопию. Голос поэта сзывает набатом всех людей доброй воли:

Да будет нами навсегда развенчан
Пират, грозящий гибелью живым!
Планету в Остров Одиноких Женщин
Мы превратить вовеки не дадим.

Лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР и член его Президиума, народный поэт Дагестана Расул Гамзатов объездил полмира, но везде помнил о родном ауле Цада. Народное признание подняло и прославило имя поэта, но он всегда видит цель поэзии в высоте, в стремлении:

Люди, люди — высокие звезды.
Долететь бы мне только до вас.

К. Сомов. 1869—1939. ЭХО ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ. 1903.

Б. Кустодиев. 1878—1927. ИЗВОЗЧИК ЗА ЧАЕМ. 1920.

КУРИНЫЙ БОГ

Валерий ПОВОЛЯЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

На следующий день в таинственных законах пляжной жизни, в теке их сработал некий неведомый механизм. Будто где защелку отпустило, и расположившийся на двух новеньких прочных лежаках Каштанов — один лежак для себя, другой для запаздывающего Валеры — неожиданно ощутил, что в подгрудье у него зажегся, затрепетал приятный бронзовый огонек. На лицо совершенно произвольно, сама по себе, наползла тихая, мечтательная улыбка — рядом с ним разместили свои вещи, расстелив яркие махровые простыни, вчерашние незнакомки. Теперь он имел возможность рассмотреть их подробнее. Каштанов еще ранее отметил одну закономерность: девушки, приезжающие отдыхать на юг парами, подруга с подругой, подбираются по закону контраста. Если одна из приехавших блондинка, то другая обязательно брюнетка, если одна высокая и тонкая, то другая обязательно полненькая и соблазнительная, если одна красива и холодна, будто Аврора, то другая — более земная, более человечная, что ли, приветливая, со смешливыми глазами и ртом.

Две незнакомки, будучи красивыми, тоже являли собой некие противоположности. У одной было задумчивое, немного печальное лицо, словно девушка эта потерпела жизненную неудачу, улыбалась она чуть приметно, иронично, приподнимая круто вывернутые, припухлые, как у негритенка, губы, трогательные в своей детскости. И такие беззащитные, что невольно делалось тревожно, хотелось сотворить для этой женщины добро, уберечь ее от земных напастей. У нее была длинная ровная шея и прямо посаженная гордая голова с короткой, под мальчишку, жесткой смоляной прической. Глаза светлые, медовые — на смуглом лице, под сенью черных упрямых волос они казались очень яркими и почти прозрачными.

Вторая была светлой, с тяжелыми густыми волосами латунного цвета и слепяще-синими глазами. Просто непонятно было, как природа могла сотворить такие глаза — загадка, и только! Цвет плотный, густой, само кокетство природных сил, славная игра, печаль в них заложены и одновременно — радость, небесное чудо и что-то земное, доброе, милое, что является нам каждый день, без чего и жить-то практически нельзя. Когда она расчесывала волосы жесткой пластмассовой щеткой, то на цветастую пляжную гальку летели золотые капли.

Каштанов даже задохнулся, все его естество пронзило горячим током, будто он попал к инквизиторам на пытку и должен был отвечать за какой-то свой лешачий, колдунский проступок. И все же это была пытка иного рода — он задохнулся от сладостного ожидания, от ощущения, что должно произойти необычное, схожее с песней, с потребностью слагать стихи. И ловко, красиво нанизывать, чтоб получались прекрасные, звучные строки. Ожидание его было ожиданием победы. Победы, а не поражения.

Одна из незнакомок — брюнетка с мальчишеской прической, неожиданно обратилась к Каштанову с простой и очень земной просьбой: нет ли у него огня, а то ее зажигалка осталась дома, прикурить не от чего; и Каштанов засуетился, хлопая одеревеневшей, напряженной рукой по своей распластанной на гальке одежде, пытаясь уловить звук, который издает спичечный коробок. Наконец нашел, задрожавшими, нетвердыми пальцами чиркнул по боковушке коробка, поднес пламенек к лицу незнакомки. Та неторопливо прикоснулась сигаретой к пламени, втянула в себя дым, поблагодарила Каштанова взмахом прямых тяжелых ресниц.

А в нем словно бы кто-то проснулся, ожил, заприплясывал, радуясь теплу, свету, доброму утру, возможности поговорить.

— Один мой друг побывал как-то на приеме во французском посольстве,— заговорил неторопливо Каштанов, с удивлением отмечая: почему же при всем напряжении, в котором он сейчас находится, когда внутри каждая клеточка, каждая жилка расшибается вдребезги, желая проявить себя, когда там образовалась болевая пробка, заставляющая трястись пальцы, коленки, икры, ступни ног, голос его так спокоен, ровен, даже немного высокомерен? Подкупающе высокомерен, вот ведь как.— Прием, естестсвенно, проводился по традиции «а-ля фуршет», и он очутился рядом с дочерью посла, очаровательнейшим девятнадцатилетним существом. С такими, как у вас, глазами,— неожиданно сиганул Каштанов с небес на землю и, только шлепнувшись грудью в пыль, начихавшись вдоволь, ощутил свою промашку: банальность ведь выдал на-гора, пошлость изрек. Замер, выжидая, погаснет к нему интерес в медовых зраках любительницы выкурить сигарету на пляже или нет. Ведь такое сравнение может допустить кто угодно, но только не он, преуспевающий московский инженер. Тьфу! Вроде бы пронесло — интерес в медово-прозрачных глазах незнакомки не истаял, и Каштанов, сделав рукой легкий и великосветский жест, продолжил как ни в чем не бывало:— Когда было выпито по бокалу хорошего шампанского, посольская дочка достала из сумочки сигарету. Мой друг, будучи человеком обходительным, тут же выхватил из кармана спички, зажег и поднес к сигарете. Точно так, как я поднес вам. Оказывается, увы... По дипломатическому этикету положено только зажигать спичку, а дальше уже передавать ее даме, держа за древко. Дама берет спичку из рук в руки и прикуривает сама.

— Скажите,— незнакомка хитро прищурилась,— вы сейчас о себе самом рассказывали или это действительно произошло с вашим другом?

— Может быть, и о себе самом,— уклончиво произнес Каштанов, довольный тем, что незнакомка задала этот вопрос.

— Умные люди говорят, что этикет, так же как и язык человеческий, создан для того, чтобы скрывать свои мысли,— сказала медовоглазая незнакомка.

— Присутствие их или отсутствие?

— И то и другое.

— Ну что можно скрыть таким наивным жестом, как передача из рук в руки зажженной спички?

— Человека часто разгадывают не по тому, что он говорит, не по словам, произносимым им,— все это текст,— разгадывают по подтексту. По тому, что лежит за текстом, за словами, за внешними приметами. Есть еще приметы внутренние — дрожание пальцев, например...

Незнакомка остановилась, обдумывая фразу, а Каштанова будто кто шилом кольнул: выходит, она заметила напряжение, в котором он находился, разобрала далекий тихий звон до предела натянутых нервов, жилок и жил его, вен и артерий, разглядела неуверенные тени, пробегающие по его лицу? От этого открытия Каштанову сделалось холодно — по коже колючая сыпь побежала. Будто и не светило вовсю солнце, не шкворчала, припечатываясь к голым пяткам, раскаленная галька, а доски лежаков будто и не были угольно-горячими. А они были такими горячими, что даже обычное прикосновение к ним вызывало ожог.

— Ну-у... Строго поджатые губы, суженные глаза, дергающаяся жилка на виске, гусиные лапки на подбородке — все это подтекст, по которому определяется, что пережил, что перенес человек. Есть и другой подтекст. Например, подтекст жестов. По тому, как человек берет хлеб, держит пишущую ручку, опускает монету в нутро телефона-автомата или сбивает пепел с сигареты,— незнакомка быстрым мальчишеским движением (резкость, быстрота, что-то пацанье, чертовское было сокрыто в ее характере) вытянула правую руку с зажатой в ней сигаретой, подула на сизый полупрозрачный дымок, медленно тянущийся вверх, растрепала его,— можно куда больше узнать о человеке, чем он сам скажет о себе. Так же, как и по короткому взгляду— исподлобья он брошен или открыто, по тому, как человек входит в воду, как собирает камни на берегу...

— Как?

— Ну-у... ищет куриных богов или же, наоборот, совсем не старается их найти — они ему безразличны.

— Куриные боги — это плохо? — задал неожиданный вопрос Каштанов.

— Не знаю.— Незнакомка трогательно улыбнулась, обнажив чистую полоску зубов, и, как гимназистка, приподняла нежные, смугловатые плечи. Она была смуглой не от загара, загореть еще не успела — от природы. Спросила: — А вы что, любите собирать куриных богов?

— Я сам куриный бог,— неожиданно произнес Каштанов горделиво и про себя поразился простодушию этой фразы.

— Не слишком ли? — Медовоглазая рассмеялась.— Если это так, то придется вас надеть на цепочку и носить вместо амулета.— Повернулась к своей царственной подруге: — Тамара, видишь куриного бога? Бо-ог.— Она иронически качнула головой.

Слова ее прозвучали довольно жестко, но Тамара этой жесткости не приняла, никак не отозвалась на вопрос, лишь улыбнулась тихо, в себя. Она словно бы была погружена в какой-то психологический подвал и никак не хотела всплыть из глуби на поверхность. Каштанову даже захотелось вскричать: «Ну скажите же, девушка, кто вас заколдовал? Что сделать для того, чтобы вы пришли в себя?» Но нет, не долетел внутренний крик Каштанова до Тамары, она и на это никак не отозвалась — ни движением глаз, ни жестом руки. Как была, так и продолжала оставаться вещью в себе.

— Что-то ты, подружка моя, безрадостная сегодня.— В тоне медовоглазой появились озабоченные нотки.— Может, случилось что? Новости какие-нибудь тревожные птица на крыльях принесла?

— Лучшая новость — отсутствие всяких новостей.

— Не скажи, подружка, не скажи-и... Может, сыграем в южноирландский вист? — Медовоглазая сделала стремительное движение в сторону Каштанова.— Вы играете в южноирландский вист?

— Нет, только в австралийского подкидного.

— Любите выяснять отношения? Кто есть кто?— Медовоглазая амазонка усмехнулась чуть приметно, и Каштанов подумал, что с этой женщиной надо быть настороже, она умна, умеет великолепно мыслить, все схваты-

Продолжение. См. «Огонек» № 35.

вает на лету, и языком ее всевышний наградил довольно острым. Можно угодить под этот каток — так расплющит девонька, так отделает, что и лопатой потом соскрести будет трудно. В тень ведь обратит, в бестелесный блин, где ни костей, ни мяса нет, все перемолото, сдавлено, сплющено — человек в козявку словом обращен. Все время в мозгу должен красный запрещающий огонек зажигаться, сигналы посылать, предупреждать: осторожно, осторожно, осторожно!

— Люблю,— развел руками Каштанов.

— Эх, куриный бог, куриный бог,— мило раздвинула губы амазонка, посмотрела на Каштанова, и тот почувствовал, как в висках у него оглушающе больно забились жилки.— А в старый маврикийский покер умеете играть?

— Нет.

— В пору моего студенческого детства на экзамене по истории литературы одному молодому м-м-м... тугодуму, приехавшему из провинции, задали вопрос: «Какой роман о России написал Стефан Цвейг?» Тот ломал голову и так и этак, перебирал в памяти все, что знал, ревизию своим извилинам проводил, но, увы, так и не вспомнил, какой же роман о России написал Стефан Цвейг. А ответ был прост, как детская считалочка,— никакого. Южноирландский вист и старый маврикийский покер — все это одна игра. В австралийского подкидного. В дурака.

— Я так и догадывался,— не теряя достоинства, ответил Каштанов.

— Ну что, куриный бог, будете играть в старый маврикийский покер?

— Простите, как вас зовут? Чтобы не обращаться безымянно...— Каштанов на секунду замешкался.— Не то «выкать» каждый раз неудобно.

— Вика.

— Виктория? Победа?

— Именно победа. Только неизвестно, над кем, над чем...

Когда начали играть в «старый маврикийский покер», Каштанов ощутил, что тяжесть и оцепенение, чувство скованности, в котором он пребывал последние месяцы перед отпуском,— все это исчезло, испарилось, будто худой сон, словно он после изматывающе-душной ночи переместился в прохладное, полное безмятежного птичьего писка утро — в нем появилась уверенность в самом себе, что-то крылатое, позволяющее летать, некая легкость, возможность парить — то, что имеют птицы, но не имеют люди.

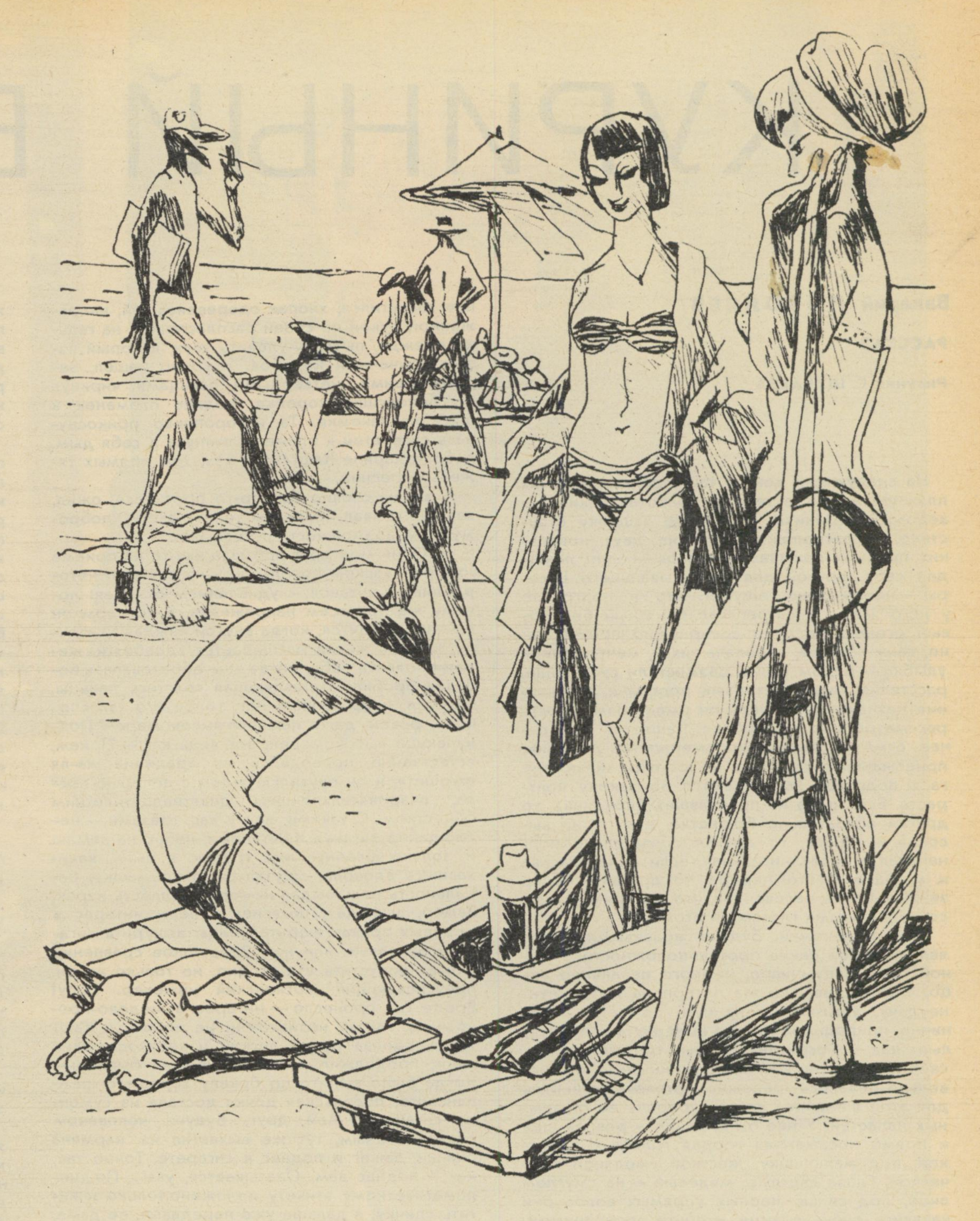
Уезжая из Москвы, он чувствовал, что должен войти в удачный, яркий, счастливый период своей жизни, что наконец-то наступает его очередь... Подоспела, подоспела очередь! И — явись чудо! — чудо действительно явилось.

Даром, что ли, все эти годы он не терял терпения, надежды, что где-то впереди замигает, заструится свет, одухотворяющий, делающий нужным любое даже самое ненужное существование, и он наконец-то увидит свою счастливую звезду, войдет готовно под ее сень и будет крепко держать ее в руках до самой последней минуты своей осчастливленной, полной прекрасного жизни.

Глядя на Вику и Тамару, Каштанов понимал, что именно они, эти две женщины, на которых сейчас смотрит весь пляж, сыграют в его жизни счастливую роль.

Он резался с ними в карты, в «южноирландский вист» и «старый маврикийский покер», легко проигрывал, так же легко выигрывал, был для всех сейчас другом и братом, собутыльником, собеседником, человеком, готовым помочь немощному, бросить спасательный круг утопающему, накормить голодного, обласкать сирого, обогреть простуженного, но вместе с тем на его чело время от времени набегала недовольная тень: на пустующий лежак должен был вот-вот прийти Валера Ордынский. Выходит, и его, этого бездельника, придется знакомить с прекрасными дамами. И не только знакомить, а и делиться с ним уловом. Что-то несогласное возникало в Каштанове, бередило сердце охотника, завладевающего редкой добычей, толкало на мысль, что этой добычей по праву должен владеть он один, только один.

Может быть, уйти сейчас с пляжа и увести с собой девушек? Но кто же уходит с пляжа

в лютую жару, в которой «гомо сапиенс», славный венец природы, превращается в банальнейший вареный картофель, в бульбу в мундире; на камнях можно запросто варить кулеш, печь яйца, готовить для детишек манную кашу... На пляже и то трудно сейчас дышится, что же тогда говорить о раскаленных поселковых проулках, о домах, на которых от крутого солнечного жара облупляется штукатурка? Может, соблазнить девушек холодным ресторанным шампанским? Но и опять — вряд ли они согласятся сейчас пойти с ним в ресторан.

Он так и не успел придумать что-либо путное, когда увидел, что по пляжу вольной походкой человека, которому все это (пляж, солнце, море) изрядно надоело, движется Валера Ордынский.

Вот он увидел сидящих рядом с Каштановым девушек, глаза его округлились, из безмятежно голубых, излучающих доброту и восхищение окружающим миром, превратились в бесовские, стали маслянистыми, как у беспутного лешака.

Валера что-то замурлыкал довольно на ходу, начал улыбаться так, что кончики рта у него залезли за уши, а верхняя челюсть чуть совсем не вытряхнулась наружу — еще малость, и она шлепнулась бы на цветастую гальку пляжа.

— Мон шер! — вскричал он, быстро выскреб пальцами остья из бороды, благо сразу усек, что «соломенный» вариант с этими дамами никак не пройдет, они любят нечто иное, это птицы более высокого полета.— Втроем резаться в карты нехорошо. Нехор-рошо. Принимайте в свою компанию четвертого.

И вдруг остановился, наткнувшись на холодный, острекающий, полный враждебности взгляд Каштанова. Даже плечами передернул, недоумевая. Вгляделся повнимательнее в своего пляжного приятеля, собрал ломаный шалашик морщин на лбу. У Каштанова глаза уже зловещей чернотой наполнились, тучи в них обозначились, молнии засверкали, еще самая малость, и гром грянет — кинется он с кулаками на бедного Валеру.

— В карты мы играем только втроем,— сухим, недобрым голосом проговорил Каштанов, сделал жест рукой, отметая Валеру Ордынского от себя.

Тот все понял, мотнул головой неверяще, просел в теле, будто у него сдали, поломались кости, огорбател и, резко повернувшись на одной ноге, будто солдат на учениях по шагистике, пошел прочь.

— Смешной товарищ,— проговорила Вика, глядя ему вслед, в обнаженную спину, по которой текли густые струйки пота.— Очень знакомое лицо, кого-то мне напоминает. Вот

только кого — не пойму.— Повернулась к Каштанову: — Почему вы так резко обошлись с ним? Что, грехи какие-нибудь водятся?

— Водятся,— Каштанов постарался тоном своим отсечь все последующие вопросы, нагнал в голос темных тонов.— Не люблю непорядочных людей,— сказал он.

Вика была точно такого же мнения о непорядочных людях, раздвинула крутые красивые губы в легкой улыбке:

— Раз нет, значит, нет.

А Каштанов почувствовал, что отныне его предназначение будет заключено в одном — ему надлежит охранять этих милых женщин, быть рабом их и их повелителем, он ощутил: проснулось в нем что-то древнее, буйное, честолюбивое — именно так звери-самцы охраняют свою территорию, не пускают на нее чужаков, яростно хрипят, наливаясь кровью, когда видят соперников, и бывают нежны, предельно тихи, кротки с самками. И вот какая вещь — дамы тоже почувствовали, что в Каштанове возродились древние инстинкты защитника, хозяина, добытчика пищи, и дружно подчинились его позыву, велению сильного, признав за ним право быть повелителем и одновременно рабом.

Такое положение вещей их устраивало. Каштанова — тоже. И не надо было, да и недосуг, разбираться, почему именно так была разыграна эта шахматная партия.

Владимиру Каштанову еще не исполнилось сорока лет, но он уже вплотную подходил к этому возрасту, в голове кое-где мерцала седина, хотя, честно говоря, у других его ровесников седины было больше, посмотришь на иного, так, кажется, вся голова словно на морозе заиндевела. Успехов в жизни особых он не сделал, стараясь далеко вперед не вырываться, но и от других не отставать. Он шел ноздря в ноздрю со многими своими ровесниками, дружками-приятелями, с которыми когда-то заканчивал институт, находился на хорошем счету на работе, входя в разряд довольно способных инженеров, имел, как и многие мужики-разведенцы, однокомнатную квартиру в Москве — не в центре, но и не на окраине,— деньги, которые он зарабатывал, все до копейки тратил на себя — словом, жизнью своей он был доволен. До-во-лен.

Он был средним человеком и знал себе реальную цену: средний человек среднего достатка, средних возможностей, средней удачливости, среднего возраста, один из многих, кто составляет лицо массы. И относился к себе, как к среднему человеку: иногда жалел, иногда ругал, иногда позволял себе вольности, иногда закручивал гайки до отказа, иногда волочился за юбками, делая успехи, а иногда получал щелчки по носу, и в груди у него возникало что-то обиженное, щемящее, мешающее дышать, и он запрещал себе даже смотреть на прекрасных мира сего, иногда напивался так, что утром головы не мог оторвать от подушки, она трещала, как перезревший, начавший бродить арбуз, и ему хотелось холодного рассола, а иногда не пил даже там, где надо было обязательно пить, произносить тосты, чокаться и говорить вежливые слова — на званых обедах, приемах, банкетах, куда приходит немало начальства и можно бывает лишний раз — ненавязчиво, не вызывая недовольно-брезгливых морщин на лбу,— напомнить о своей скромной персоне, излишне засидевшейся на некой средней должности и ждущей повышения.

Словом, жизнь шла, все текло, все изменялось и имело у Каштанова в этой жизни свое, отведенное только ему место.

Знал он также еще одну вещь — за все в жизни надо было платить: за радость — болью, за счастье — бедой, за белое — черным, за полноту ощущений — недолимом, за высокий полет — ползанием на четвереньках, за победу — поражением. Все на свете, любой успех надо было обеспечивать звонкой золотой монетой высшей пробы. Впрочем, не только успех, но и поражение.

Интересно вот только, чем же он будет расплачиваться за нынешний успех? Каштанов постарался отогнать от себя эту чересчур докучливую каннибальскую мысль, постарался залатать брешь, пробитую этой мыслью в его душевном спокойствии: брать надо от жизни, брать, пока она дает, получать, а не отдавать. Насчет платы — это потом... Позже!

Он повел своих подопечных амазонок в ресторан — самый лучший в Коктебеле, стоящий прямо на набережной, чистенький, уютный, с большим оркестровым подиумом, весь в нарядных сверкушках и — жаль вот только — бедный. Ни крабов в ресторане не было, ни анчоусной сельди, ни рябчиков, запеченных в ореховом тесте, зато нашлись две бутылки «новосветского» коллекционного шампанского — холодного, даже зубы от напитка заломило, простенькая мясная закуска и великолепные персики: в Крыму в этом году был хороший урожай фруктов, и особенно уродились персики. Каштанов, побывав на рынке, отметил, что персики, которые в Москве продают по шесть рублей за килограмм, здесь стоят всего восемьдесят копеек. И персики такие, что глядеть на них даже боязно: что ни фрукт, то диво природы.

И вот какая вещь: в ресторане, предаваясь шампанскому и милой болтовне, Каштанов несколько раз возвращался в мыслях к Валере Ордынскому, в нем рождалось чувство досады, жалости, у губ обозначились две резкие морщины, и Каштанов буквально старел на глазах. Изгонял из себя мысль о Валере,— морщины проходили.

Если его поставить рядом с Валерой, то Ордынский явно проигрывал — был ниже ростом, более округл, имел бабий зад и ярко выраженный «мозоль», словно пребывал на сносях и через пару месяцев грозил разродиться чадом. Каштанов же был высок, с хорошо развитой грудной клеткой — многие принимали его за культуриста,— длиннoруким («Это от предков. Вспомните, кто они были! По деревьям лазить так, как они, мы не умеем. Бог таланта не дал»,— не совсем удачно шутил Каштанов), с голенастыми ногами, похожими на дубинки, которыми в прежние времена вооружались, выходя на «задание», лесные бродяги. Взгляд у него был открытым, дружелюбным, глаза быстрыми, с синеватыми здоровыми белками — в общем, Каштанов, когда изучал себя перед зеркалом, сравнивал с другими, приходил к выводу, что он еще недурен собою, недур-рен. Честное слово!

Он поднялся из-за стола и, склонившись в полупоклоне перед дамами, попросил у них извинения за предстоящую отлучку — небольшую, всего минуты на три,— медленно, сохраняя достоинство, пересек зал, спустился вниз, в туалет. Там замер перед зеркалом, вглядываясь в собственные приевшиеся черты: каков он, не «похужел» ли?

Отпив немного шампанского, Вика легонько крутнула бокал за ножку, глядя, как быстрые капелюшки-пузыри уносятся вверх, норовя выпрыгнуть из посудины, но не тут-то было, не дано им было выпрыгнуть, поинтересовалась ровным, тихим голосом:

— Ну как, Тамара, экземпляр? Нравится? Нет?

Тамара приподняла плечи, не хваля, не ругая «экземпляр».

— Ты знаешь, он ведь довольно точно себя определил. Куриный бог. А вообще-то все они на одно лицо, ужасно липки, надоедливы, скучны.

— Но, увы, не дано нам, бабам, пока без мужиков прожить. Наше дело — огонь в очаге поддерживать, тряпочкой чистоту наводить, армию солдатами пополнять, а их — воевать, охотиться, мир перевертывать.

— Что ж, не он, так другой...

— Пусть будет он.

Для Каштанова началось удивительное время. Вика и Тамара переехали жить к нему — он целиком снял домик, который хозяева обычно сдавали на пятерых. Хорошо, что деньги у Каштанова еще были — успел поднакопить за год, да еще, как будто что предчувствуя — ситуацию сегодняшнюю, появление прекрасных мира сего,— на всякий случай прихватил с собой четырехсотрублевый аккредитив (из прошлых накоплений), он одиннадцать месяцев ждал этого момента, дней этих, месяца двенадцатого... И вот дождался.

Он был счастлив, друг Каштанов, по-настоящему счастлив, это было подлинное просветление в его жизни, радостный промельк, будто космической вспышкой осветивший его довольно однообразное существование. Он словно бы звездную песнь слышал, внимал ей весь, напряженный и раскрытый до конца, будто диковинный цветок — хотя, тьфу, не очень-то здорово сравнивать крепкого, в соку, мужика с хрупким дамским созданием, с цветком, но Каштанов, когда это сравнение возникало у него в голове, лишь счастливо и легкомысленно смеялся — плевать! Никогда ему еще не было так покойно и хорошо, он отдыхал, по-настоящему отдыхал — и телом и душой, в ушах у него все время потренькивали сказочные колокольцы, откуда-то издалека доносилась тихая, задумчивая мелодия, подчинявшая себе, заставляющая двигаться в такт своим звукам,— это была песня райской птицы, которую нам дано один только раз в жизни и услышать. Лишь один раз.

Все это время Каштанов обостренно, даже, пожалуй, чересчур обостренно следил за тем, что происходило на пляже, за возможными своими соперниками, которые довольно часто появлялись поблизости, и, как мог, боролся с ними. Первым на его «территорию» вторгся довольно приметный загорелый парень с крабьим клыком, висящим на длинной, едва ли не до пупка достающей цепочке, с рыжеватой аккуратной бородкой и притуманенными глазами. На голове у него гнездилась ярко-одуванчиковая кепка с модным длинным козырьком, крупной, хорошо заметной издали надписью «Шелл» и изображением жемчуженосной раковины. Такие кепки носят рабочие крупнейшей в мире нефтяной компании.

На пляже этот «рабочий» появлялся с затрепанным французским журналом, где рекламировались платья, носки, духи, очки и даже человеческие фигуры — вот какие, мол, фигуры ныне модны у женщин, а вот такие, пардон, у мужчин. Подсаживался «рабочий» к какому-нибудь нежному фиалковоокому существу и начинал ей шпарить переводы со страниц журнала — ну, будто «тысячи» преподавателю иностранного языка в вузе сдавал. Обладал соблазнитель одной особенностью: когда говорил, то звук его голоса становился направленным (как, например, бывает направленный взрыв), походил на узкий луч света, «рабочий» словно бы голос свой, речь в трубку загонял — фиалковоокой все было слышно, а ее телохранителю, сидящему рядом, плотно, плечом к плечу — ни слова, ни запятой, ничего не разобрать. Лишь губы «рабочего» шевелятся, а так — сплошная глухота. В журнале было много объявлений скользкого содержания. «Хорошо сложенный красивый мужчина 25 лет ищет себе друга для совместной жизни»... Или: «Юноша! Если хотите найти себе отличную подругу на вечер, звоните по телефону...» Случалось, фиалковоокая вскрикивала от неверия и омерзения, и тогда «рабочему», подгоняемому тумаками телохранителя, приходилось срочно ретироваться, дабы избежать увечья.

Подсел он и к Вике с Тамарой, раскрыл свой потрепанный журналец и, глядя притуманенными глазами на дам, начал бормотать, поясняя, о чем там идет речь. Вика заглянула в журнал, пробежала глазами по строчкам, усмехнулась:

— Вы что, знаете французский?

«Рабочий» утверждающе склонил голову, стрельнул глазами из-под одуванчиковой кепки.

— Да, окончил иняз, работаю с различными фирмами, подписываю контракты на поставку нам медицинского оборудования...

Вика сделала невинные глаза, в медовых омутах стало так чисто, что даже проглянуло дно, вздохнула тихо, отчего плечи ее приподнялись и опустились, и это простое движение вызвало у Каштанова приступ любви и одновременно такой ярости, что он невольно стиснул кулаки. Вика заговорила с «рабочим» на чистейшем французском языке, быстро, легко, с добрым парижским произношением,— ибо Вика, а не этот парень в кепке, окончила институт иностранных языков, Вика, а не он, бывала в Париже, даже проходила там трехмесячную практику, Вика, а не он, подписывала контракты на поставку «нам» медицинского оборудования.

Тут Каштанов поднялся, и «рабочему» пришлось срочно засовывать свой потрепанный журнал под мышку и бежать. Только горячая галька остро взвизгивала под его быстрыми ногами — чувство опасности у «рабочего» было развито превосходно.

Окончание следует.

Лев ФИЛАТОВ

ФУТБОЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

«Динамо» (Минск) — «Грассхопперс» (Швейцария)... «Динамо» (Киев) — «Лаваль» (Франция)... «Спартак» (Москва) — ХИК (Финляндия)... «Шахтер» (Донецк) — «Б-1901» (Дания). Так выглядит футбольная афиша на среду 14 сентября.

Можно не сомневаться, что мир болельщиков ждет не дождется этого дня, несмотря даже на то, что чемпионат страны нынче занимателен, энергичен и скучать не дает. «Европейские кубки» — так принято называть вместе три континентальных турнира для лучших клубов: Кубок чемпионов, Кубок кубков и Кубок УЕФА. Все они накрепко вошли в наш обиход, у них своя история и статистика, своя роль и свой резонанс, да и отношение к ним успело сложиться особое.

Советские клубы с большим, ничем не оправданным опозданием включились в эти турниры: в двенадцатые по порядковому номеру Кубок чемпионов и Кубок УЕФА и шестой Кубок кубков. На этом основании долгое время любая неудача приписывалась «недостатку опыта». С этой версией мирились. Быть может, она и несколько раздувалась тренерами оплошавших команд, но все же надо признать, что знакомство с европейским футболом на клубном уровне у нас было в первые годы отрывочное и приблизительное, противников то недооценивали, то, наоборот, переоценивали. Сейчас эта удобная версия приказала долго жить, погребенная простыми и очевидными фактами.

Факты эти таковы. Уже тридцать наших клубов пытали свое счастье в европейских кубках. Киевское «Динамо» успело провести в рамках этих турниров 75 матчей, что больше, чем два полных чемпионата страны. Довольно длинная череда таких матчей за плечами тбилисского «Динамо» — 45, «Спартака»—40, московского «Динамо» — 31, московского «Торпедо» — 27, «Арарата» — 16, «Шахтера» — 12. Всего же нашими командами сыграно 266 матчей, что позволило свести знакомство более чем с сотней иностранных клубов 32 стран Европы, в том числе почти со всеми наиболее знаменитыми и титулованными. Трижды турнирный путь был пройден от начала и до конца. Сначала в 1972 году дошло до финала московское «Динамо», но последний матч проиграло «Глазго Рейнджерсу». Потом, как бы по проторенной дорожке, но уже с полным успехом, проделали тот же маршрут киевское «Динамо» в 1975 году и тбилисское «Динамо» в 1981 году. Все три раза это произошло в розыгрыше Кубка кубков. Достижение киевлян и тбилисцев было встречено с вполне понятным энтузиазмом, его спортивное и общественное значение было подчеркнуто присвоением большинству игроков звания заслуженного мастера спорта, хотя уже очень давно футболистов этим званием перестали отмечать.

Благодаря европейским кубкам наши футбольные организации и тренерский корпус получили прекрасную возможность быть осведомленными о ведущих игровых тенденциях, о «звездах», о приемах работы разных тренеров, словом, обо всем, что объединено термином «современный футбол». Расширился и кругозор аудитории, достаточно точно представляющей теперь расстановку сил. Так что сейчас, спустя восемнадцать лет после дебюта наших клубов в этих турнирах, казалось бы, должна существовать ясность и в намерениях команд, и в подготовке, и в умении обращать в свою пользу своеобразную формулу встреч, состоящих из матчей на своем и чужом поле и из расписания, составленного по принципу «осень — весна», когда первая половина проводится с сентября по декабрь, а заключительная — с марта по май. Казалось бы...

Не раз я убеждался, что зрители наши испытывают к европейским кубкам двойственное отношение. Они проявляют к ним живой интерес, высоко их оценивают, резонно полагая, что нет более объективной проверки футбольных достоинств, и в то же время не слишком уж рассчитывают на наши клубы. На чем же основывается недоверие? Убежден, что лишь самые заядлые скептики, оставшись в меньшинстве, выберут простейший, голословный и недоказуемый аргумент сразу после какой-либо досадной неудачи. Внимательные и уравновешенные наблюдатели, которых на трибунах становится все больше, думаю, с ними не согласятся. У всех у нас свежи в памяти матчи, когда разные советские клубы в хорошем стиле переигрывали команды ведущих в футболе стран — ФРГ, Англии, Голландии, Бельгии, Польши, Италии, Венгрии, ГДР. Но, даже и приняв все это во внимание, трудно избавиться от недоверия. А основывается оно, я бы сказал, на повторяемости, на регулярности некоторых прямо-таки роковых обстоятельств, в которых оказываются наши клубы в ходе этих турниров.

Поле свое и поле чужое — один из существенных, актуальных и дискуссионных вопросов футбольной практики. Сталкиваемся мы с ним и в собственном чемпионате. Да, свое поле дает перевес. Однако известно, что в том случае, когда та или иная команда стремится к лидерству, к призовым местам, она обязательно борется за победу на любом стадионе. Собственно, другого пути у нее нет. Не быть бы минскому «Динамо» в прошлом году чемпионом, если бы оно не одержало девять побед на чужих полях. Причем интересно, что безразличие этой команды к стадиону, на котором идет игра, открыто провозгласил как стратегическую линию тренер минчан Э. Малофеев. И минчане этой линии следуют и в нынешнем сезоне. Разумеется, такая смелость, берущая города, доступна командам с прочно поставленной игрой, верящим в свои силы. Те же, кто более занят сбором очков, чем игрой, конечно же, уповают на свое поле, а поражение на чужом готовы признать неизбежным.

Предложу вашему вниманию суммарные результаты наших клубов в розыгрышах европейских кубков. На своих и на чужих полях проведено по 131 матчу. На своих — 90 побед, 25 ничьих, 16 поражений с соотношением мячей 240—72. На чужих — 46 побед, 29 ничьих и 56 поражений, соотношение мячей 145—180.

Различие прямо-таки режет глаза, словно бы речь идет о разных командах: дома играли сильные, в гостях — слабые. Шутка сказать, дефицит в 40 проигрышей и в 108 пропущенных в свои ворота мячей?! Так мстит за себя привычка к раздвоению в турнирном поведении, поощряющая душевную и игровую пассивность в усложненных ситуациях.

Незачем ворошить историю, припомним события недавних сезонов. Наверное, многим еще памятен матч киевского «Динамо» с «Гамбургом» на поле противника в марте этого года. Киевляне играли легко, напористо и выиграли 2 : 1. А ведь «Гамбург» сейчас сильнейшая в Европе команда, она владеет Кубком чемпионов. Да, динамовцы показали тогда, на что они способны. Однако их легкость и удачливость объяснялись в значительной мере тем, что они вышли на поле, не ставя перед собой каких-либо больших задач, а просто хотели поиграть в охотку с интересной командой. Дело-то было в том, что дома они уже уступили «Гамбургу» 0 : 3. Ну, а если бы киевляне первый матч у себя выиграли, то могу поручиться, что на стадионе в Гамбурге они уже не позволили бы себе такой смелости и старались бы сберечь завоеванный перевес в один мяч. Так не раз бывало с этим клубом, и, как правило, элементарность задачи делала элементарной его игру, что и вело к поражению.

В четвертом подряд турнире выступит «Спартак». В трех предыдущих он выбывал, терпя поражения на выезде: от испанских «Реала» и «Валенсии» по 0 : 2 и от западногерманского «Кайзерслаутерна» 0 : 4, хотя дома с испанцами сводил матчи вничью, а у клуба из ФРГ выиграл 2 : 1. И «Шахтер» в последнем своем выступлении, одолев в Донецке «Эйнтрахт» (Франкфурт-на-Майне) 1 : 0, проиграл ответный матч 0 : 3. Ограничимся этими примерами, тем более что именно упомянутым командам предстоит включиться в очередной розыгрыш европейских кубков.

Не хочу представить положение в одном черном цвете. «Динамо» (Тбилиси) в розыгрыше Кубка кубков, закончившемся для него триумфально, одержало яркую победу в Лондоне над «Вест Хэмом» 4 : 1, «Динамо» (Киев) выигрывало в гостях у австрийской «Аустрии» и швейцарского «Грасхопперса», «Спартак» побеждал бельгийскую «Брюгге», голландский «Хаарлем» и произвел сенсацию, разбив лон-

донский «Арсенал» 5 : 2. Все это нельзя не помнить, не ценить, не рассматривать как доказательства немалых возможностей наших клубов, когда они не уклоняются от активной борьбы, не погрязают в мелкотравчатой оборонительной стратегии, к добру не ведущей. И все же от суммарных подсчетов, от арифметики больших чисел никуда не денешься...

Другое роковое обстоятельство таится в календаре. Известно и многократно проверено, что самые опасные для наших команд месяцы — март и ноябрь — декабрь. Причем даже для сильных, бывалых команд, успешно выступавших в сентябре и октябре. В розыгрыше Кубка кубков наши команды, как уже упоминалось, не раз продвигались высоко. В Кубке чемпионов лишь однажды, в 1977 году, дошло до полуфинала киевское «Динамо». Ну, а в Кубке УЕФА, где участвовало особенно много наших клубов (общее число начинавших этот турнир 27), ни одна попытка не вывела даже в четвертьфинал, в восьмерку лучших.

Надо оговориться, что Кубок УЕФА имеет свои сложности. Принято по престижности считать его третьим, а Кубок чемпионов первым. Престижность — понятие условное, зыбкое, вкусовое. Что же до спортивного содержания, то, как мне кажется, Кубок УЕФА достается с наибольшим трудом. В его розыгрыше участвуют 64 команды (в остальных кубках по 32), и это означает, что его победитель проводит на два матча больше. Плюс к этому финал состоит из двух матчей — дома и на выезде. Итого три лишних матча. Да и состав его необычайно крепок и конкурентоспособен: страны с высокоразвитым футболом представлены в нем сразу несколькими клубами, стоящими в табеле о рангах следом за чемпионами. И, наконец, что особенно существенно для нас, третий круг этого турнира разыгрывается в ноябре — декабре, когда участники двух других европейских турниров уходят на перерыв до весны и когда кончается сезон в нашей стране.

Самое последнее наше воспоминание об этом турнире относится к концу прошлого года. Мы столкнулись, можно сказать, с показательным примером. «Спартак» начал великолепно. Он дважды обыграл «Арсенал» и дважды «Хаарлем». Успешно закончил и всесоюзный чемпионат, заняв в нем третье место. Для всех наших клубов начались каникулы, а «Спартаку» предстояло провести два матча с испанской «Валенсией». Было известно, что эта команда бедствует, находясь в конце таблицы чемпионата Испании. Первая игра состоялась 24 ноября в Тбилиси. И «Спартак» был совсем не такой, как недавно, в октябре. Он хоть и атаковал, но с надрывом, из последних сил, а на табло — нулевая ничья. А 8 декабря на стадионе в Валенсии спартаковцы проиграли 0 : 2. Обиднее всего было то, что неудачу предопределил не класс игры противника («Валенсия» и в самом деле выглядела не более чем средней командой), а утрата боевых качеств у нашего клуба.

И март не назовешь иначе чем месяцем поражений. Их было много, упомяну лишь недавние: «Спартака» от мадридского «Реала», киевского «Динамо» от «Астон Виллы» и «Гамбурга».

Складывается впечатление, что образовался какой-то «Бермудский треугольник» — чужое поле, март и ноябрь,— в котором без вести пропадают наши клубы. И чтобы картина была полной, отметим, что выбывали из розыгрыша и в благоприятные сроки московское и тбилисское «Динамо», ЦСКА, «Зенит», «Шахтер», «Торпедо». У каждого случая, как водится, есть свои объяснения, но если отвлечься от этих печальных воспоминаний, то неминуемо приходишь к выводу, что команды не проходили специальной как игровой, так и волевой подготовки к этим особого рода матчам.

Все это, вместе взятое, за редким исключением повторяющееся из года в год, и приучило наших любителей футбола при полном уважении к интереснейшим европейским кубкам относиться с недоверием к перспективам наших клубов, даже ведущих, даже не уступающих в игровом классе большинству противников...

Признаться, я взялся за это обозрение не ради констатации фактов. Привлечь к ним внимание хочется по той причине, что наши футбольные организации, наши методические и научные центры, наши тренеры ровным счетом ничего не предпринимают, чтобы провести разведку в футбольном «Бермудском треугольнике», поискать и предложить какие-то меры. Реакция на невзгоды, которые терпит наш клубный футбол в этих турнирах, в сущности, одна и та же: в прессе появляются отчеты под знаком «к сожалению». Да еще на президиуме федерации незадолго до начала турниров заслушивают тренеров о готовности команд. Но так как эта информация преподносится спустя много месяцев после предыдущих неудач, когда о них почти позабыли, то ее просто принимают к сведению и желают удачи.

Между тем если осенью 1981 года в европейские кубки включалось максимальное число советских клубов — шесть (тбилисское «Динамо» как обладатель Кубка кубков), осенью 1982 года — пять, то теперь их осталось четыре. Потеря одного места произошла после того, как были подсчитаны результаты всех наших клубов в этих турнирах. Они оказались хуже, чем в прошлые сезоны. Представительство же пропорционально успехам. Вот и еще один сигнал тревоги, к которому у нас почему-то отнеслись с безразличием. Право же, ситуация странная. Чрезвычайно популярное у зрителей соревнование, способное в силу своего ежегодного постоянства верно служить подъему класса игры лучших клубов, окружено у нас гораздо меньшим вниманием, чем оно того заслуживает.

Наверное, накануне отплытия нашей клубной флотилии в очередное странствие по морям европейского футбола полагалось бы произнести добрые напутствия, высказать оптимистические пожелания. Но за восемнадцать сезонов их прозвучало так много и так часто они вскоре сменялись словами «к сожалению», что лучше уж отойти от трафарета. Хочется надеяться, что соображения без прикрас окажутся в плавании полезнее, чем взмахи белого платочка.

Из зала суда

ПЕРЕД СВАДЬБОЙ

В. РУДНЯКОВ

В семье Новиковых готовились к свадьбе сына. Мама, Вера Федоровна, хотела отметить это торжество с подобающей пышностью и потому решила продать хранившуюся в их доме старинную золотую брошь с бриллиантами, доставшуюся по наследству. За несколько лет до свадьбы сына Новикова оценивала брошь у ювелира. После подорожания золота и драгоценных камней брошь должна была стоить около 24 тысяч рублей. Но покупатель не находился, в комиссионный же магазин нести вещь не хотела, боялась прогадать.

О своих намерениях Вера Федоровна рассказала знакомым. Узнали об этом, естественно, и приятели сына. И вот нашелся покупатель. Это был некий Рабкин, житель Ленинграда. Сын горячо убеждал мать, что Рабкин — человек состоятельный, надежный, хороший знакомый его однокурсницы по институту Осокиной.

Мама отправилась в дом Осокиной сама. Сын был занят, и она попросила пойти с нею его приятеля — Борисова. Их встретили Осокина и пожилой элегантный мужчина. Он держался солидно, сдержанно, поцеловал галантно даме ручку, представился — Лев Борисович. Потом Рабкин долго рассматривал брошь, любовался сверканием бриллиантов и, наконец, заявил, что непременно купит ее, только съездит за деньгами. «Я ведь в Москву приехал ВДНХ посмотреть. Кто же с такой суммой ездит на экскурсию?»

Домой Новикова приехала окрыленная. Больше всего ей понравилось, что покупатель не торговался, не просил скидки. Сразу видно, человек состоятельный, не мелочный. Рабкин прибыл через три дня. Предварительно позвонив, он в полдень явился к Новиковым. Там же был и Борисов. В руках гостя — новенький черный «дипломат». Приоткрыв его, он показал пачки 25- и 100-рублевых купюр. «Здесь ровно 25 тысяч,— сказал он Вере Федоровне.— Сейчас заедем к моему ювелиру, и, если он скажет, что камушки подлинные и цена верная, мы тут же договоримся».

Вера Федоровна в подлинности драгоценности не сомневается. В покупателе она тоже уверена: порядочный, симпатичный человек. Видимо, эти соображения и подсказали ей решение: пусть к ювелиру отправятся сын со своим приятелем.

Прошло тридцать минут, час, полтора... Сын с Рабкиным не возвращались. Наконец раздался звонок, и в дверях появился сын — бледный, растерянный.

— Что с тобой, где Рабкин?

— Скрылся вместе с брошью, мы прождали его больше часа.— Он стал сбивчиво что-то рассказывать. Вера Федоровна перебила его:

— Но «дипломат»-то, деньги у тебя, значит, и волноваться нет причин.

— Деньги? Посмотри на них!

Новиков поставил «дипломат» на стол, раскрыл его, и хозяйка увидела разбросанные там бумажки, нарезанные по формату 25- и 100-рублевых купюр...

Немного успокоившись, сын рассказал подробности. Рабкин остановил машину в Астаховском переулке возле большого дома и еще раз распахнул перед Новиковым и Борисовым свой «дипломат», демонстрируя уложенные в нем пачки денег. Но тут же захлопнул его и предложил:

— Давайте мне брошь, я схожу с ней к ювелиру, а вам оставлю в залог деньги. Ждите меня здесь, я скоро вернусь.

Рабкин исчез вместе с брошью за дверью подъезда. Друзья остались ждать. Ждали долго. Рабкин не появлялся. Посовещавшись, зашли в подъезд и... увидели, что дом имеет выход на другую улицу. Тогда они решили заглянуть в оставленный «дипломат». Там лежали четыре плотные пачки денег, оклеенные банковской лентой. Вскрыв пачку, Новиков побледнел: из его рук в «дипломат» посыпались листки обыкновенной бумаги. Подлинными деньгами оказались в пачках лишь верхние и нижние «бумажки». Всего 500 рублей.

Для милиции не составило особого труда отыскать преступника. Им оказался трижды судимый за мошенничество и хищения государственного и общественного имущества Григорий Иосифович Рабкин, житель Ленинграда.

Вернуть хозяйке похищенную драгоценность не удалось: подсудимый заявил, что брошь была фальшивой, и, убедившись в этом, он выбросил ее. На ходу придуманная байка была опровергнута имевшимися у суда доказательствами.

Ждановский районный народный суд Москвы приговорил мошенника к лишению свободы на восемь лет с отбытием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима. С него взыскали в пользу Новиковой 23 500 рублей. Думается, что ко времени свадьбы сына этих денег она не получит. Но нет ли и ее собственной вины в этом?

Вынесено частное определение и в отношении студентки Московского института народного хозяйства имени Плеханова Осокиной. Не желая жить в общежитии, она снимала квартиру, которую превратила в гостиницу. Комната сдавалась людям, нигде не работавшим. Одному из них она сообщила, что Новиковы продают драгоценную брошь, и тот срочно вызвал из Ленинграда Рабкина: «Есть стоящее дело». И снова в операцию вступила студентка, познакомив Новикова с мошенником. «Это хороший знакомый моей семьи»,— отрекомендовала она его.

Суд направил копию своего определения в Московский институт народного хозяйства имени Плеханова.

Любить оперетту

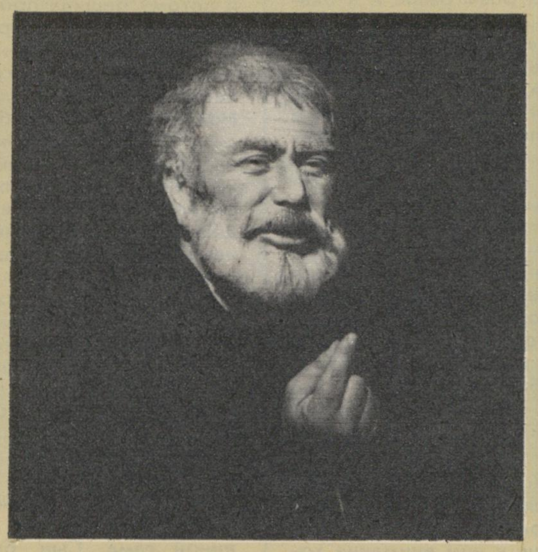
гастроли

Галина ГОГОТИШВИЛИ

...Несколько лет назад один из московских театров поставил пьесу А. Н. Островского как легкий водевиль, начисто лишив ее социального звучания. И малограмотный зритель (на другого, видимо, театр и не рассчитывал), узнав после трехчасового сидения в зале, что настырная Поликсена все-таки выходит замуж за приказчика, уйдет домой, не подозревая, что ему показали не настоящего Островского, а «по мотивам». Я вспомнила об этом случае, думая, как это ни парадоксально, об оперетте! Ведь если Островского — и даже Шекспира — драматические театры наперебой стараются представить «развлекательно», то театры оперетты ударились в другую крайность. Словно стесняясь легкости жанра, не доверяя ему, предлагают зрителю едва ли не всерьез «роковую» любовь Сильвы или «страдания» графини Марицы... Скучно нынче в оперетте, теряющей яркие краски жанра и не знающей, куда ей тяготеть — к драме или к опере. Иные музыкальные театры напоминают выбившихся «в люди» детей, которые начинают стесняться своих простоватых родителей: масса «проблем» одолевает оперетту, и почти все кажутся неразрешимыми!.. Но о каких проблемах станете вы думать на спектаклях Свердловского театра музыкальной комедии, если сам театр словно и не подозревает о них?! Если каждым своим спектаклем театр доказывает, что не все подходы к классической оперетте исчерпаны; что она по-прежнему молода и прекрасна, способна дарить людям радость; что даже мюзикл, этот «опасный» для иных театров, как говорят, жанр, завидно здоров на свердловской сцене.

Неотразимое обаяние постановок театра — целиком на совести главного режиссера В. А. Курочкина, необычайно чуткого к музыкальной драматургии, к мысли каждого композитора. Музыка — тот ключ, которым Курочкин открывает волшебный, сказочный мир классической оперетты, заставляя верить в ее былое могущество. Игра фантазии и остроумие, почти карнавальное веселье переполняют «Путешествие на Луну» и «Рыцаря Синяя борода» Оффенбаха. Лирическая струя доминирует во «Фраските» Легара... Подсказанные музыкой, многообразны формы сценического решения спектаклей, где музыка царит не только в вокальных номерах, но диктует ритм и построение мизансцен, характеры персонажей, живет в декорациях, пронизывает каждый спектакль, создавая удивительную гармонию.

Творческое применение к оперетте принципов вахтанговской «Турандот» достоверно и убедительно, но, весело отдаваясь театральной игре в классической оперетте, В. А. Курочкин серьезно делает музыкальную комедию Е. Птичкина «Свадьба с генералом» по мотивам произведений А. Чехова, хотя спектакль идет под неумолчный хохот публики. Парад человеческого тщеславия и откровенной, выставленной напоказ бездуховности, махрового обывательства — так трактует режиссер «Свадьбу». И, отсмеявшись, вы невольно задумываетесь: так ли уж смешон мещанский мирок змеюкиных, ятей, жигаловых... Режиссер не жалеет сатирических красок в обрисовке чеховских персонажей, но эта щедрость не разрушает **содержания** чеховской комедии. Вкус и точность в отборе деталей у В. А. Курочкина безупречны, хотя сама форма спектакля, которую предлагает актерам режиссер, довольно опасна для актеров: бывает, острейший гротеск, едва ли не откровенная клоунада часто провоцируют и исполнителей на сценические излишества. Но свердловские актеры всегда удерживаются в границах строгого вкуса, наполняя режиссерский рисунок ощущением импровизационности. Чего стоит упоительное «обаяние» Г. Петровой—Змеюкиной, этой провинциальной обольстительницы с мелкой, подпрыгивающей походкой, одно появление которой вызывает аплодисменты зрителей; а каков до невозможности нудный Ять — В. Сытник; а вечно «подшофе» Нюнин — И. Крапман, которого словно ветром по сцене носит; а блистательные Н. Энгель-Утина и Э. Жердер... Да все актеры владеют высоким искусством внутреннего и внешнего перевоплощения. Чувством стиля. В каждом спектакле они разные. Часто довольно неожиданные. Чтобы увериться, что именно Г. Петрова играет Змеюкину, мне пришлось заглянуть в программку,— я никак не предполагала, что нежная, романтичная принцесса Фантазия из «Путешествия на Луну» или изящная, капризная Гермия из «Рыцаря Синяя борода» могут вдруг стать такой глупо-манерной барынькой. Или И. Крапман — балансирующий на грани клоунады в «Сзадьбе»; он создал пронзительно чистый образ старика крестьянина в мюзикле Г. Цабадзе «Семья Агабо»...

Главу семьи Агабо играет И. Крапман.

«Рыцарь Синяя борода». В ролях Г. Петрова и Б. Симонов.

В. Валента в спектакле «Свадьба с генералом».
Фото И. Головина и М. Попова

Или удивительная Е. Мельникова, с появлением которой на сцене словно вспыхивает любой спектакль; или А. Зангиев, чей удивительной красоты голос, которому может позавидовать не один оперный театр, буквально чарует зал. Кстати, А. Зангиев делает переводы средневековых английских поэтов, а во время гастролей выступал в Доме ветеранов сцены с концертной программой по стихотворениям С. Есенина, музыку к которым написал сам.

Актеры свердловского театра почти идеально владеют вокалом, речью, пластикой; они удивительно восприимчивы к созданию национального колорита. На редкость свободно овладели они мягким кубанским говором, а национальная характерность грузинской речи и пластики передана артистами с убедительной достоверностью.

И, наконец, сценография. Важнейший элемент эстетики оперетты — та яркая, порой эффектная, подчеркнуто театральная сценография, которую как-то растеряли иные театры, лишив живописи, цвета свои спектакли, просто расцвела на свердловской сцене. Вот еще одна особенность Курочкина — отыскивать для театра не просто талантливых людей, но чувствующих особенности жанра. Это московский художник Н. Хренникова, в поэтичных декорациях которой чувствуются и вольный размах кубанской степи и прелесть станиц с белеными домиками; это московские же художники И. Нежный и Т. Тулубьева, без чьих фантастически красивых декораций просто трудно представить оперетту-феерию «Путешествие на Луну». Это Э. Гейдебрехт,— уже иронично-насмешливым занавесом, на котором «кафешантанные труженицы» соседствуют с объявлениями из «Будильника»,— задает тон спектаклю «Свадьба с генералом». А известный польский художник Мариан Станчак, профессор Музыкальной академии, оформивший «Рыцаря Синяя борода» и «Фраскиту»,— как же впечатляюще эффектна его сценография!

...Сцену захлестнул огненный вихрь: мчатся пары, отстукивая каблуками стремительный ритм. Самозабвенно, упоенно пляшут артисты. И кажутся истыми испанцами в схваченном ими характере испанского танца. А над головами танцоров — во весь задник сцены — огромная черная голова быка, утыканная бандерильями. И все! Никакой «испанщины». Ничего того, что сами испанцы насмешливо называют «эспаньолада», в оформлении нет. Образ Испании получился точным и благодаря прекрасной фантазии, художественному вкусу Мариана Станчака, и благодаря испанским танцам польского балетмейстера Кристины Грушкувны, удивительно сочетающим фольклорную достоверность с эстрадной броскостью. Зрители устроили этим танцам овацию посреди спектакля. А ведь Кристина Грушкувна — «серьезный» балетмейстер. Она ученица известного танцовщика и балетмейстера Леона Вуйциковского, выступавшего в труппе С. Дягилева и танцевавшего с Анной Павловой. Сама Кристина поставила в оперном театре балет Р. Щедрина «Анна Каренина»...

...Высокая награда Родины — орден Трудового Красного Знамени — завершила поездку свердловчан на гастроли в Москву.

ПИСЬМО

Павел **СИНЯВСКИЙ**

Дорогой и любимый батя!

Низко кланяемся тебе и матери мы все: и я, и моя жена, и детки мои. Как чувствуют себя кормильцы наши — корова, телушка, бычок, куры, гуси, индюки и пчелы?

Извини, что редко пишем. Все время заняты: днем — на работе, вечером — театр, концерты.

Кстати, о концертах. Недавно в одном из них выступал Аркадий Райкин. О чем он только не говорил! Даже предложил, чтобы футболисты и балерины ни одной минуты не бегали и не кружились впустую. Согласен.

А почему бы и тебе не прислушаться к его совету? Идешь, скажем, на работу в колхоз — проходишь же мимо Соловьиного бора. Вот ты и забеги туда, грибков насобирай. А в воскресенье уже и косить можно отправляться. Глядишь, этак за лето сена накосишь на три коровы, грибов играючи насобираешь и для себя и для твоих любящих внуков.

Письмо, в котором ты просил нас приехать в июле помочь с уборкой сена и медку поесть липового, получили, но как раз в тот самый момент выехали на юг всей семьей на машине (с этой машиной одни хлопоты). А насчет меда я читал в одном журнале, что ему, липовому особенно, нужна выдержка. Как раз вот теперь самая пора его есть — хорошо отстоялся. Так что пересылай.

Вот о чем еще думаю. Не стоит тебе письма писать, чтобы вызвать меня. Сам знаешь, вырваться из города тяжело. Да и не в твои годы ходить на почту за бумагой и конвертами. Почтовый перевод на некую сумму — лучшее свидетельство того, что ты жив, здоров, чего и нам желаешь.

Ну, буду кончать. Погоди, так сдал ли ты быка Аписа? Какой красавец был! Откормленный. Наверное, хорошо завесил. Знаешь, внучка твоя любящая поступила в музыкальную школу, и надо покупать пианино. А как на грех денег не напасешься.

Когда будешь резать поросенка, позови дядьку Михася, а потом уже оповести телеграммой меня.

Твой сын Гриша.

С белорусского перевел Ян ОСТРОВСКИЙ.

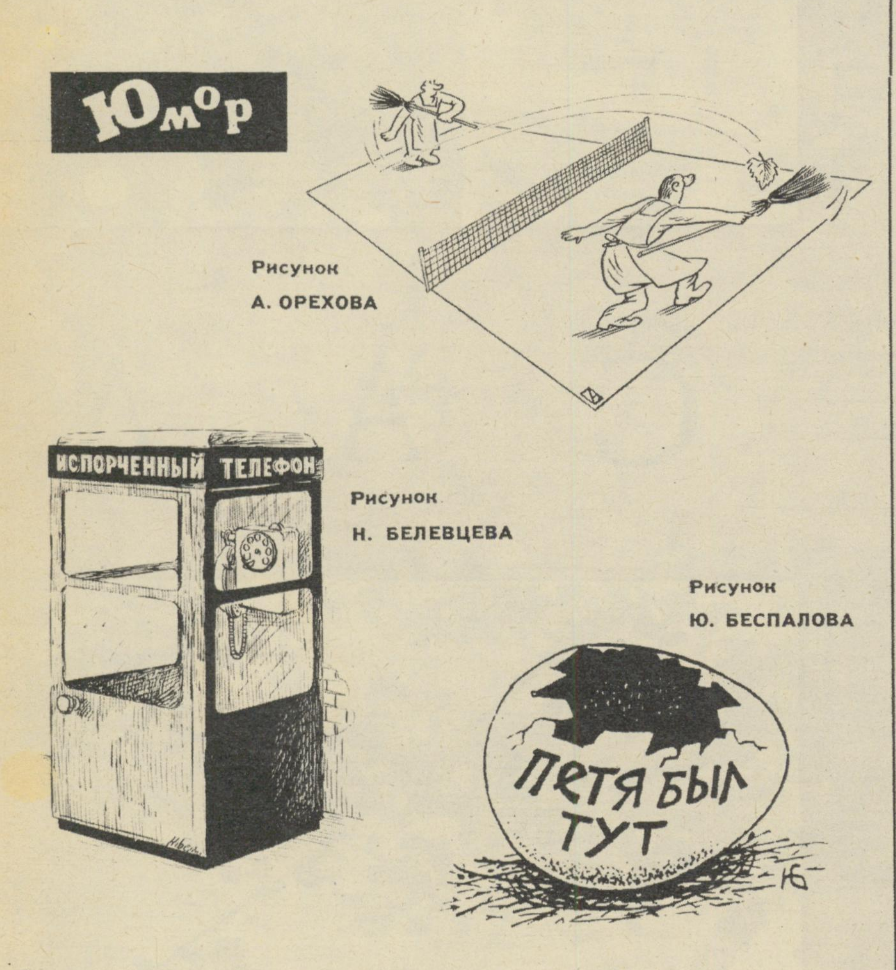

Рисунок А. ОРЕХОВА

Рисунок Н. БЕЛЕВЦЕВА

Рисунок Ю. БЕСПАЛОВА

ХОТЬПОТОПОВ

Михаил **ВЛАДИМОВ**

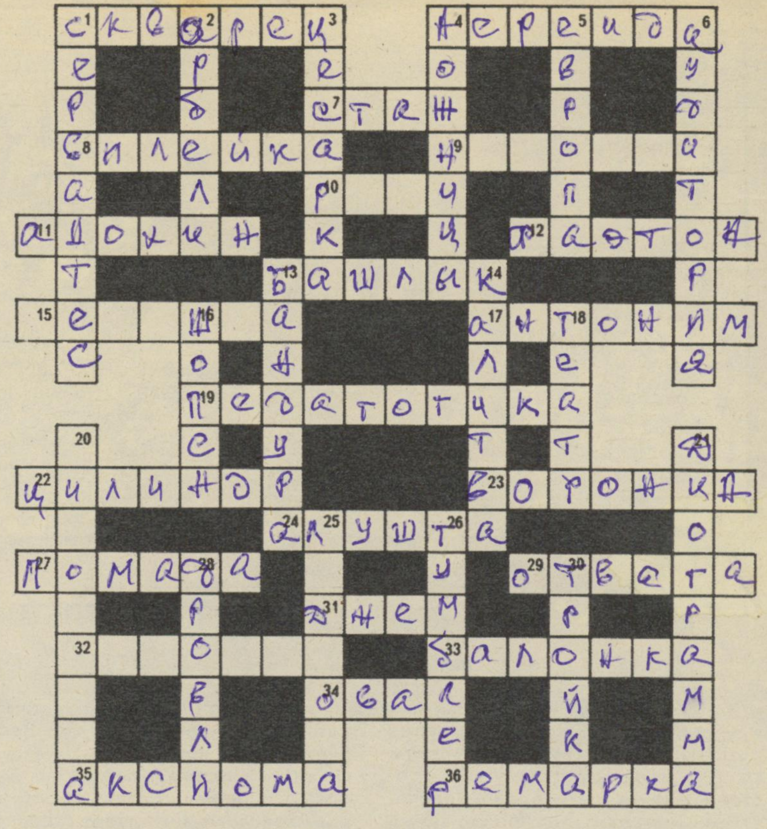
В аллее алели цветы.
Газон аромат источал.
И равную часть красоты
Любой, кто пройдет, получал.
А он здесь сорвал целый сноп,
Чтоб в дар их жене принести...
А после него? Хоть потоп!
А там? Хоть трава не расти!

Явился пред сессией он
В читальный общественный зал.
Учебник «Железобетон»
На час проштудировать взял.
Но... стал вырезать и кроить
Таблицы и формулы, чтоб
Шпаргалки себе смастерить...
А после? А там?.. Хоть потоп!

Он в Кижах весной побывал,
Старинннейший храм посетил.
Кусочек доски оторвал,
Частичку столба отпилил.
Вернется с коллекцией той,
Друг скажет: — Вот это огреб!
А церковь? Хоть падай, хоть стой!
А там? Хоть трава... Хоть потоп!

Мы в мире огромном живем
Среди миллионов людей —
Не только сегодняшним днем,
Не только заботой своей...
Останется столько богатств —
Дом, книга, рекорд, мастерство...—
Наследникам нашим от нас.
А после него?
Ничего!

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Басня И. А. Крылова. 4. Спутник Нептуна. 7. Продолжительность трудовой деятельности. 8. Город в Минской области. 9. Композитор, автор оперы «Виндзорские проказницы». 10. Приток Конго. 11. Заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза. 12. Кузов автомобиля с откидывающимся верхом. 13. Суконный или шерстяной остроконечный капюшон. 15. Полевой горох. 17. Слово со значением, противоположным другому. 19. Наука о воспитании человека. 22. Полая деталь, в которой движется поршень. 23. Гимнаст, неоднократный чемпион СССР, Европы, мира, Олимпийских игр. 24. Курорт в Крыму. 27. Косметическое средство. 29. Смелость, храбрость. 31. Сладкое блюдо. 32. Восьмистишие. 33. Комнатная собака. 34. Эллипс. 35. Положение, принимаемое без доказательств. 36. Замечание автора текста книги.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Испанский писатель XVI—XVII веков. 2. Физиолог, академик, Герой Социалистического Труда. 3. Птица отряда куриных. 4. Инструмент для резания. 5. Часть света. 6. Зал для чтения лекций, докладов. 13. Украинский музыкальный инструмент. 14. Приток Северского Донца. 16. Польский композитор и пианист XIX века. 18. Вид искусства. 20. Народная артистка СССР, выступающая в Малом театре. 21. Графическое изображение соотношения определенных величин. 25. Молочный сахар. 26. Малогабаритный механический переключатель. 28. Сани. 30. Картина В. Г. Перова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Катамаран. 6. Восьмистишиев. 9. Бабадаг. 10. Менорка. 12. «Арарат». 14. Репин. 16. Цитата. 17. Гардероб. 18. Гиперион. 19. Корпус. 21. Катер. 22. «Аврора». 26. Алатырь. 27. Философ. 28. Краснокаменск. 31. Цитология.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кальмар. 2. Сари. 3. Карт. 4. Гаршнеп. 6. Вебер. 7. Семипалатинск. 8. Ворот. 9. Баркарола. 11. Астрограф. 13. Торос. 14. Рыбак. 15. Нигер. 16. Цапфа. 20. Планк. 23. Русак. 24. Престиж. 25. «Фиделио». 29. «Овод». 30. Анод.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Первый каравай — мастерам жатвы на оренбургских полях! Людмила Воронежева и Ольга Грачева встречают победителей хлебом-солью. (См. в номере материал «Оренбургские мастера».)

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Неповторимый уголок Урала — река Исеть * На этюдах * Золотые ворота.

Фото С. Комарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-80; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.08.83. Подписано к печати 30.08.83. А 00712. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 815 000 экз. Изд. № 2160. Заказ № 1126.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Розы Кремля.

Зеленые купола Большого сквера.

С А Д

Н. БЫКОВ **Фото А. ГОСТЕВА**

В Московский Кремль жители и гости столицы попадают через Боровицкие и Троицкие ворота. Их встречают распахнутый простор древних площадей, величественные храмы и неожиданные для многих посетителей луга-газоны, шумные семьи деревьев из российских лесов, прекрасных особенно в августе. Запах свежескошенной травы и влажных низкостриженых зеленых полян отлетает за Москву-реку. С глухим стуком падают в траву первые яблоки. Грозди рябин наливаются густым цветом. Невольно подмечаешь, что мир Кремля — это мир покоя и гармонии. В нем белоствольные березы так же стройны, как колокольни, цвет высоко вознесенных рубиновых звезд перекликается с цветом плодов боярышника и тех же рябин. Знаменитые шатровые ели, как башни, возвышаются вдоль старых стен.

С половинной высоты колокольни, нареченной Иваном Великим, со звонницы, где ветер не в силах покачнуть колокола, видно, что зеленое убранство Кремля сливается в один лесопарк. Его дорожки и цветники едва просматриваются под сенью дерев. И первая, еще редкая желтизна каштана и рябин сверху воспринимается, как блики от соборных куполов. И зубчатые стены, и недальняя река, и темные ели среди белостенных соборов — все это так знакомо и дорого...

Скворцы шумно снялись с яблони и с писком скрылись в Тайницком саду. Их спугнул треск косилки, которую играючи толкал по сочному газону крепкий юноша. Людей, ухаживающих за садами, цветниками и лесами Кремля, не так уж много, однако их быстрая, не бросающаяся в глаза работа ощущается здесь повсюду. Ее единственные цель и оценка — идеальный порядок. Всегда, во все времена года, в любой час суток. Много лет отдал благоустройству ветеран кремлевской службы Михаил Павлович Марьянов, только что ушедший на заслуженный отдых. На вахте — агроном-цветовод, выпускник Тимирязевки Владимир Сергеевич Рогов.

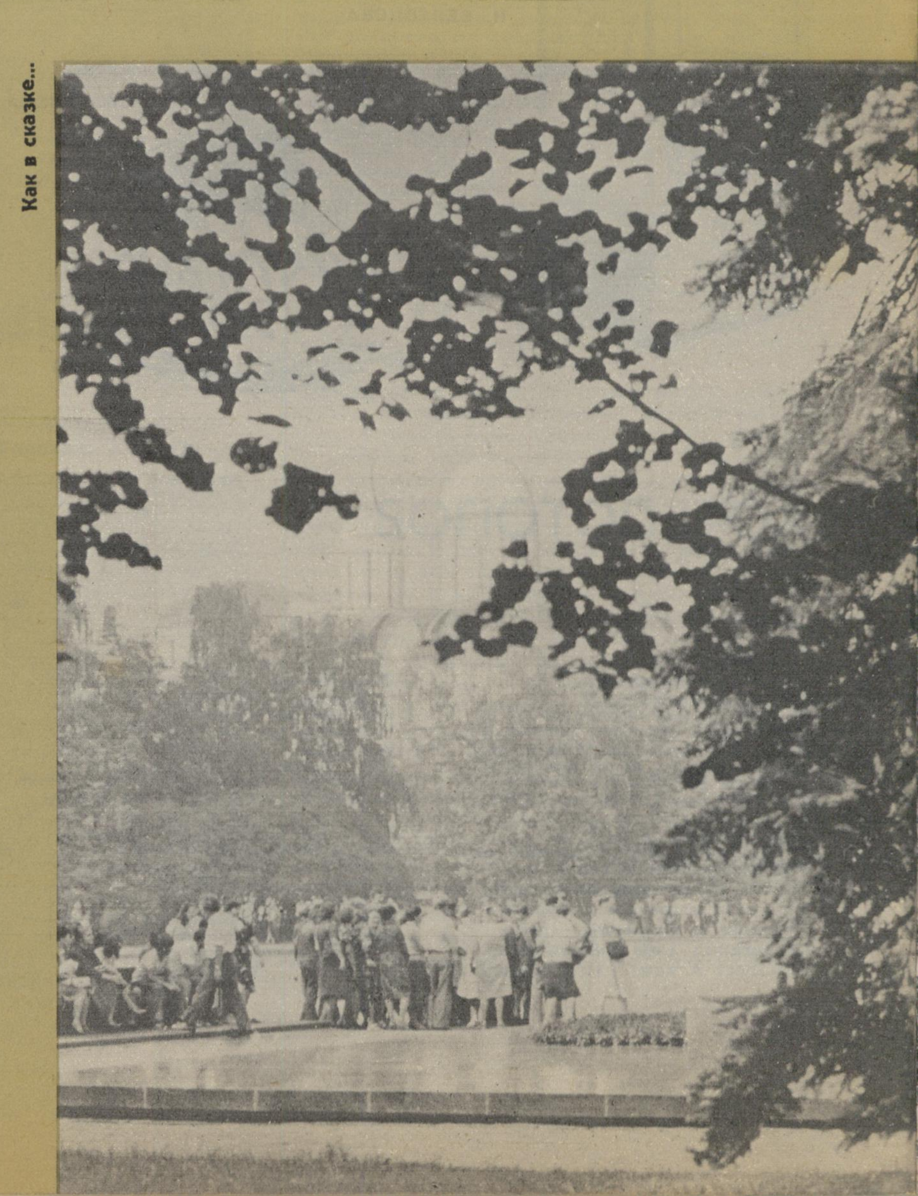
Мы прошли под яблонями к дубу, посаженному Юрием Гагариным. Владимир Сергеевич рассказал, что микролеса и сады здесь занимают почти десять гектаров. Есть деревья очень старые. Зеленеет по-над косогором Тайницкого сада и племя младое, но знакомое. Ели давно стали приметой кремлевского интерьера, они заставой стоят у Боровицких ворот. Роскошные липы возле Дворца съездов еще молоды. Но когда они цветут, в Кремль слетаются пчелы Замоскворечья. Большой и Центральный скверы, Тайницкий сад... Старые ясени Тайницкого помнят Ленина... Дубы, клены нескольких разновидностей. Старорусские сорта антоновка и анис, каштан, орех маньчжурский, бархат амурский. И рябины, рябины, березы... И все любимы, и каждый квадратный метр земли ухожен, засеян. Цветы посезонно сменяют друг друга на клумбах. С мая до позднего сентября звучит всеми красками розарий. А гранитные плиты кремлевских дорожек были выложены накануне Олимпиады, это новинка.

Место, открытое ветрам, самое высокое в Москве. И уберечь деревья от зноя и морозов нелегко. Известно, что несколько лет назад почти все сады в Подмосковье вымерзли, а вот яблони Кремля выстояли. Сколь им лет? Скорее всего, они 1953 года рождения, я помню, как их сажали. Яблони и тогда были почти взрослыми. Привозили пятилеток в Москву из курских садов поздней осенью и даже зимой, привозили вместе с кубами приствольной земли. В такую пору дерево глубоко спит, а земля родины, привезенная с ним и прочно промерзшая, бережет корни. Досыпали яблони в просторных, хорошо унавоженных гнездах, а пробудились, как только началось сокодвижение, на новом месте — в Кремле!

Такой способ зимней пересадки вполне взрослых деревьев был тогда внове, и это был риск. К счастью, он вполне оправдал себя. И вот кремлевский сад живет — много лет наливаются его яблоки. Тут добрый десяток самых разных сортов. Яблоки над тропинками, яблоки в траве.

А через высокую кирпичную стену с утра заглядывают сюда купола церкви Покрова, что рядом тут, на Красной площади,— рукотворный каменный сад русских зодчих и строителей шестнадцатого века. Вот такие они, сады Кремля.

Как в сказке...

Ы КРЕМЛЯ

Утренняя стрижка.

Агроном Владимир Сергеевич Рогов.

Над Москвой-рекой.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663